

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 / 2024

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ**

**научный журнал
№ 1 / 2024**

**Донецк
2024**

УДК 34

Главный редактор
Заместитель
главного редактора

Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (*Донецкий государственный университет*)

Ответственный
редактор

А.А. Любчик, доктор юридических наук, профессор (*Донбасский государственный университет юстиции*)

С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Редакционная коллегия:

А.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (*Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск*),

В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (*Костромской государственный университет*),

И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (*Мариупольский государственный университет имени А.И. Куйбиджи*),

С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (*Курский государственный университет*),

Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург*),

А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (*Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*).

А.В. Войтов, кандидат юридических наук (*Донбасский государственный университет юстиции*),

Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),

В.П. Горбачёв, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),

А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),

В.А. Ключков, кандидат юридических наук (*Донбасский государственный университет юстиции*),

Д.В. Лобов, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),

А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),

А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),

А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),

Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (*Мариупольский государственный университет имени А.И. Куйбиджи*)

Журнал
зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-86474 от 29.12.2023).

Основатель и издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол № 12 от 25.06.2024.

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, 283049
e-mail: nauka-dgij@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 1. – Донецк: ДГУЮ, 2024. – 132 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России), 2024

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii» Minyusta Rossii

**VESTNIK
DONBASSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA YUSTICII**

**nauchnyi zhurnal
№ 1 / 2024**

**Donetsk
2024**

UDK 34

Editor-in-chief

N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donetsk State University*)

Deputy editors-in-chief

A.A. Lyubchik, Doctor of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*)

Executive secretary

S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*)

Editorial board:

A.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Yugra State University, Khanty-Mansiysk*),

V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kostroma State University*),

I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kutafin Moscow State Law University*),

N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi*),

S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kursk State University*),

T.I. Otcheskaia, Advanced Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kutafin Moscow State Law University*),

L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg*),

A.I. Chuchaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*),

A.V. Voitov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*),

G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),

V.P. Gorbachev, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),

A.A. Zavgorodnaya, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),

V.A. Klochkov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*),

D.V. Lobov, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),

A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),

A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),

A.P. Solonina, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),

Yu.S. Hobby, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi*)

The journal is registered

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Certificate of Registration of Mass Media Series PI No. FS77-86474 dated 12/29/2023).

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk.

Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice.

The Minute № 12 dated 25.06.2024.

Language of publication: Russian, English.

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher.

Address of editor office:

9, Lebedinsky Street, Donetsk, DPR, 283049

e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers. – Issue 1. – Donetsk: DSUJ, 2024. – 132 p.

© Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», 2024

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово ректора ДГУЮ Минюста России.....	7
Вступительное слово главного редактора.....	8
Балакай О.Б., Галушка В.О.	
Особенности применения специальных налоговых режимов в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике.....	9
Бордюгов Л.Г., Рубцова И.В.	
Комплексирование специальных знаний с использованием цифровых технологий при расследовании дорожно-транспортных происшествий.....	20
Войтов А.В., Байков А.И.	
Применение принципа публичности при расследовании преступлений, связанных с реабилитацией нацизма.....	30
Гапотченко Г.Н.	
Актуальные вопросы правовой регламентации привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации.....	38
Гладких И.В.	
К вопросу о педагогических условиях формирования риторических умений и навыков у будущих юристов в процессе профессиональной подготовки.....	49
Мазина Н.Е., Бабаханян Д.А.	
Проблемы правового регулирования страхования профессиональной ответственности медицинских работников.....	57
Мазина Н.Е., Щербинская В.С.	
Проблемы страхования гражданской ответственности в сфере туризма.....	68
Мироненко С.Ю.	
Норма о применении запрещенных средств и методов ведения войны в системе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества.....	78
Подмаркова И.П.	
Роль медиаполицейского в обеспечении безопасности в сфере массовых коммуникаций.....	90
Седнев В.В.	
Соотношение биологического и социального в формировании половой преступности: обзор литературы.....	100
Сиренко Б.Н.	
Особенности охраны прав детей в условиях вооруженного конфликта.....	115
Хмель О.В., Титов А.Н.	
Понятие права человека на свободу от саморазоблачения: философский, правовой, психологический и моральный аспекты.....	124

CONTENTS

Balakai, O.B., Galushka, V.O. Features of the application of special tax regimes in the Russian Federation and the Donetsk People's Republic.....	9
Bordyugov, L.G., Rubtsova, I.V. Complexing special knowledge using digital technologies in road accident investigation.....	20
Voitov, A.V., Baykov, A.I. Application of the principle of publicity in the investigation of crimes related to the rehabilitation of Nazism.....	30
Gapotchenko, G.N. Current issues of legal regulation of the involvement of a person as an accused under the criminal procedure legislation of the Russian Federation.....	38
Gladkikh, I.V. On the issue of pedagogical conditions for the formation of rhetorical skills and abilities of future lawyers in the process of professional training.....	49
Mazina, N.E., Babakhanyan, D.A. Problems of legal regulation of insurance of professional liability of medical workers.....	57
Mazina, N.E., Scherbinskaya, V.S. Legal problems of insurance of civil liability in the sphere of tourism.....	68
Mironenko, S.Yu. The norm on the use of prohibited means and methods of warfare in the system of norms on crimes against the peace and security of mankind.....	78
Podmarkova, I.P. The role of the media police in ensuring security in the field of mass communications.....	90
Sednev, W.V. The relationship of biological and social in the formation of sexual crime: review of the literature.....	100
Sirenko, B.N. Peculiarities of protection of the rights of minors in conditions of armed conflict....	115
Khmel, O.V., Titov, A.N. The concept of the human right to freedom from self-exposure: philosophical, legal, psychological and moral aspects.....	124

***Уважаемые читатели и авторы первого
выпуска научного журнала
«Вестник Донбасского государственного
университета юстиции»!***

Наш журнал является площадкой, где авторы имеют возможность публиковать результаты своей научной деятельности, которые будут полезными для широкого круга читателей. Неоспоримым преимуществом нашего журнала можно считать то, что в числе участников этого проекта – опытные юристы, талантливые ученые, преподаватели, готовые делиться своим опытом с начинающими исследователями. Большинство из них уже имеют солидный опыт аналитической работы в различных научных проектах. Таким образом, начинающие исследователи смогут перейти на новый практический уровень применения тех знаний, которые они получают при подготовке публикаций в нашем журнале.

Мы призываем активно вливаться в процесс пополнения нашего журнала новыми, интересными материалами! Это реальная возможность высказаться по тем вопросам, которые вас интересуют. Приглашаем вас принять участие в данном проекте, как в качестве авторов научных материалов, так и рецензентов.

От своего имени желаю вам, дорогие друзья, плодотворных профессиональных успехов на творческих просторах научной деятельности.

***С уважением,
Никита Александрович Нарыжный
Ректор ДГУЮ Минюста России,
кандидат экономических наук***

Вхождение Донецкой Народной Республики в качестве полноправного субъекта в состав Российской Федерации является историческим событием новейшей истории России. В рамках процесса интеграции ВУЗов Донбасса в образовательное, научное и профессиональное пространство РФ Донбасская юридическая академия была передана в ведение Министерства юстиции Российской Федерации и была переименована в Донбасский государственный университет юстиции. Следствием изменения организационно-правовой формы академии является и изменение названия научного журнала с «Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки» на «Вестник Донбасского государственного университета юстиции».

За девять лет с момента выхода первого номера «Вестника Донбасской юридической академии. Юридические науки» был проделан большой путь по формированию профессионального юридического журнала Донбасса. Было осуществлено 27 выпусков журнала, в которых было опубликовано 435 научных статей. О достаточно высоком уровне публикаций в нашем журнале свидетельствует тот факт, что число ежегодных просмотров статей, опубликованных в журнале с 2017 г. по 2023 г. увеличилось со 142 до 1886. Журнал стал узнаваемым в научном сообществе, и об этом свидетельствует расширяющаяся география его авторов.

Редакционная коллегия представляет читателям первый номер журнала «Вестник Донбасского государственного университета юстиции», который должен продолжить позитивные традиции своего предшественника. В новом журнале предполагается публиковать результаты научных исследований, статьи известных ученых и молодых представителей российской и зарубежной науки, которые знакомят читателей с наиболее актуальными, фундаментальными и значимыми работами по различным отраслям права.

Своей основной задачей в развитии научного журнала «Вестник Донбасского государственного университета юстиции» редакционная коллегия видит во включении его в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации. Редакционная коллегия с благодарностью примет любые конструктивные предложения по совершенствованию журнала и повышению его научного уровня. Ждем от авторов новых оригинальных публикаций.

**С уважением,
Наталья Владимировна Барбашова,
главный редактор научного журнала
«Вестник Донбасского государственного
университета юстиции»,
доктор юридических наук, профессор**

УДК 346; 336.221.4

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Балакай О.Б., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административного производства, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: k.balackai@mail.ru)

Галушка В.О., кандидат наук государственного управления, начальник отдела камеральных проверок Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России № 8 по Донецкой Народной Республике (г. Донецк)

(e-mail: tatyana7347@mail.ru)

В статье рассматривается налоговая система РФ и особенности специальных налоговых режимов в РФ и ДНР, анализируются законодательные особенности применения специальных налоговых режимов в ДНР, их преимущества и ограничения, перспективы использования в ДНР.

***Ключевые слова:** налог, сбор, специальные налоговые режимы, закон, УСН, ПСН, ЕСХН, НПД, преимущества, недостатки.*

FEATURES OF THE APPLICATION OF SPECIAL TAX REGIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Balakai, O.B., Galushka, V.O.

The article examines the tax system of the Russian Federation, and the features of special tax regimes in the Russian Federation and the DPR, analyzes the legislative features of the application of special tax regimes, their advantages and limitations, and prospects for use in the DPR.

***Keywords:** tax, collection, special tax regimes, law, STS, PTS, TSAP, TPI, advantages, disadvantages.*

Актуальность темы исследования. В соответствии с решением референдума 27 сентября 2022 года, на котором был поддержан вопрос о вхождении Донецкой Народной Республики в Российскую Федерацию и Федеральным Конституционным законом № 5-ФКЗ от 04.10.2022 года, Донецкая Народная Республика является субъектом Российской Федерации. С 1 января 2023 года на территории ДНР, как субъекта РФ, вступил в силу Налоговый кодекс Российской Федерации. Налогообложение организаций и

индивидуальных предпринимателей (ИП) теперь регламентируется Налоговым кодексом, федеральными законами, законами субъектов РФ, ведомственными нормативными актами. Изменилась структура налоговых органов, появились новые виды налогов, часть налогов и сборов утратили свою актуальность, появились новые специальные режимы. Все это обуславливает актуальность и своевременность темы исследования.

Анализ научных исследований. Проблематику налогового права и специальных налоговых режимов в РФ рассматривали такие авторы как Ю.А. Крохина, А.С. Бурова, В.Г. Пансков, О.А. Ногина, А.А. Агаева, Л.Х. Дикаева и др. Однако недостаточно исследованы аспекты применения специальных налоговых режимов в Донецкой Народной Республике как субъекте Российской Федерации.

Целью статьи является анализ особенностей правового регулирования и применения специальных налоговых режимов в Донецкой Народной Республике как субъекте Российской Федерации.

Изложение основного материала. Согласно НК РФ, налоговая система Российской Федерации имеет трёхуровневую структуру: федеральные налоги и сборы, региональные налоги, местные налоги и сборы (ст. 13-15 НК РФ) [1].

Статья 13 НК РФ устанавливает федеральные налоги и сборы, к которым относятся:

1) налог на добавленную стоимость (10 % налогообложение производится в случаях реализации продовольственных товаров, товаров для детей, периодических печатных изданий и книжной продукции, медицинских товаров; во всех остальных случаях 20 %, также возможна 0 % в соответствии с п.1 ст. 164 НК РФ);

2) акцизы (ставки в зависимости от вида подакцизной продукции);

3) налог на доходы физических лиц (9-35 %, 13 % на заработную плату);

4) налог на прибыль организаций (основная ставка 20 %);

5) налог на добычу полезных ископаемых (ставки адвалорные или специфические в зависимости от вида продукции);

6) водный налог (ставки зависят от вида использования);

7) сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов (охота и рыболовство);

8) государственная пошлина;

9) налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (налоговая ставка 50 %, углеводородное сырье: нефть; газовый конденсат; попутный газ, природный газ);

10) налог на сверхприбыль (разовый налог в 2024 году, налоговая ставка 10 % [1].

Региональные налоги также утверждаются статьей 14 НК РФ на федеральном уровне. К региональным налогам относятся:

1) налог на имущество организаций (налоговые ставки устанавливаются законами субъектов Российской Федерации и не могут превышать 2,2 % от

кадастровой стоимости объектов недвижимости либо среднегодовой стоимости имущества);

2) налог на игорный бизнес (НК РФ установлены минимальные и максимальные ставки в зависимости от вида игорного бизнеса, в рамках этих «ножниц» ставки устанавливаются законами субъектов Российской Федерации);

3) транспортный налог (налоговые ставки устанавливаются законами субъектов Российской Федерации соответственно в зависимости от мощности двигателя, тяги реактивного двигателя или валовой вместимости транспортного средства в расчете на одну лошадиную силу мощности двигателя транспортного средства, один килограмм силы тяги реактивного двигателя, одну регистрационную тонну, одну единицу валовой вместимости транспортного средства или одну единицу транспортного средства) [1].

К местным налогам и сборам относятся:

1) земельный налог (0,3 %, 1,5 % – исходя из кадастровой стоимости земельных участков внутри населенных пунктов и для всех остальных соответственно);

2) налог на имущество физических лиц (0,1 %, 2 %, 0,5 %);

3) торговый сбор (местным платежом и устанавливается в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей, занимающихся торговой деятельностью через объекты движимого или недвижимого имущества в городах федерального значения – Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе, в настоящее время введен только в г. Москве) [1].

Необходимо отметить, что для ДНР взимание региональных и местных налогов в 2023 году не было предусмотрено. В ДНР ведется работа по формированию кадастровых реестров, необходимых для взимания земельного налога и налога на имущество физических лиц. Отсутствие вышеуказанных налогов можно рассматривать как налоговую льготу региону.

В соответствии с абз. 8 п. 1 ст. 4 Закона Донецкой Народной Республики от 30.11.2023 г. № 28-РЗ «О транспортном налоге» с 1 января 2024 года под исключение транспортного налога подпадают грузовые автомобили с мощностью двигателя свыше 155 лошадиных сил, воздушные транспортные средства, яхты и другие парусно-моторные суда, гидроциклы. На остальные виды автомобилей действует налоговая льгота до 31.12.2024 г. [3].

Согласно п. 2 ст. 6 Закона Донецкой Народной Республики от 30.11.2023 № 27-РЗ «О налоге на имущество организаций» с 1 января 2024 года исключение указанного налога на территории ДНР производится как 1 % от среднегодовой стоимости имущества [3].

Все вышеперечисленные налоги и сборы входят в общую систему налогообложения (ОСНО). Общая система налогообложения не выделена как отдельная. Это общие условия работы для предпринимателей и организаций, которые не имеют права на применение специальных режимов налогообложения, или которым по какой-либо причине переходить на специальные режимы невыгодно (например, кто задействован в цепочке НДС

или имеет льготы по налогу на прибыль). Работать на общей системе может любой предприниматель или организация, для этого не требуется соответствие каким-либо условиям, специально переходить на общее налогообложение не нужно, так как по умолчанию она применяется ко всем ИП и организациям. Главный недостаток ОСНО – большое количество налогов, в связи с этим учет и отчетность объемная и достаточно сложная. К преимуществам относится отсутствие ограничений по объему дохода, видам деятельности и количеству наемных работников.

В статье 18 НК РФ предусмотрены специальные налоговые режимы:

- 1) система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (ЕСХН);
- 2) упрощенная система налогообложения (УСН);
- 3) система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции;
- 4) патентная система налогообложения (ПСН) [1].

Кроме этого, в Российской Федерации введены экспериментальные налоговые режимы: налог на профессиональный доход (НПД) и налоговый режим «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» (АУСН).

Специальные налоговые режимы предполагают упрощение подачи налоговой отчетности и отмену ряда налогов общей системы, но имеют ограничения по видам деятельности, величине максимального дохода и количеству наемных работников. Поэтому как в РФ, так и в ДНР специальные режимы выбирают небольшие предприятия и индивидуальные предприниматели.

Упрощенная система налогообложения (УСН) – специальный налоговый режим для малого и среднего бизнеса с пониженными (по сравнению с общим режимом) ставками, простой отчетностью и особым порядком уплаты налога.

Патентная система налогообложения (ПСН) – специальный режим для индивидуальных предпринимателей определенных отраслей экономики, который позволяет оплачивать фиксированную сумму налога за весь период ведения деятельности по патенту без отчетности.

Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) – это специальный налоговый режим, который разработан и введен специально для производителей сельскохозяйственной продукции.

Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции – специальный налоговый режим, применяемый при выполнении соглашений, которые заключены в соответствии с Федеральным законом от 30.12.1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции». Применяется в виде договора инвестора и государства для вклада средств в поиск, разведку, а также добычу полезных ископаемых.

Налог на профессиональный доход (НПД) – это специальный налоговый режим для самозанятых граждан, который введен в качестве эксперимента на

10 лет на всей территории РФ. Всё взаимодействие с налоговой службой осуществляется через бесплатное мобильное приложение.

Автоматизированная упрощенная система налогообложения (АвтоУСН) – специальный налоговый режим, при котором отчетность почти полностью отменяется, а налоги рассчитываются автоматически. Эксперимент проходит с 1 июля 2022 года по 31 декабря 2027 года в четырех субъектах Российской Федерации: Москве, Московской области, Калужской области, Республике Татарстан.

Рассмотрим более подробно применение отдельных специальных режимов в ДНР, которые являются наиболее популярными и были частично представлены в налоговой системе ДНР до 2023 года.

УСН для индивидуальных предпринимателей и организаций имеет следующие основные ограничения:

- численность работников не более 130 человек;
- доход не должен превышать 200 млн руб. в год;
- остаточная стоимость основных средств не более 150 млн руб.;
- ограничения по отдельным видам деятельности (например, нельзя применять УСН при производстве подакцизных товаров и добыче полезных ископаемых, а также нотариусам и адвокатам).

В главе 26.2 НК РФ установлен перечень субъектов, которые не могут использовать УСН. К ним относятся:

- 1) негосударственные пенсионные фонды;
- 2) индивидуальные предприниматели, занятые в сфере игорного бизнеса;
- 3) нотариусы, которые занимаются частной практикой;
- 4) компании, у которых есть представительства или филиалы;
- 5) ломбарды;
- 6) предприятия, которые участвуют в соглашениях о разделе продукции и другие [1].

Полный перечень ограничений прописан в п. 3 ст. 346.12 НК РФ.

В рамках УСН можно выбрать объект налогообложения доходы или доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов, что закреплено ст. 346.14 НК РФ [1]. Сменить объект налогообложения возможно только со следующего года, письменно уведомив об этом налоговый орган до 31 декабря.

УСН предполагает следующие налоговые ставки:

- 6 % при выборе объекта налогообложения «доходы» (законами субъектов РФ ставка может быть снижена до 1 %);
- 15 % при выборе объекта налогообложения «доходы-расходы» (законами субъектов РФ ставка может быть снижена до 5 %).

Необходимо отметить особенности применения УСН на территории Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации. В ДНР с 01.01.2023 г. установлена ставка налога для юридических лиц и ИП, избравших упрощенную систему налогообложения 3 % при выборе объекта

налогообложения «доходы» и 7 % при выборе объекта налогообложения «доходы-расходы».

А в 2024 году Законом Донецкой Народной Республики № 19-РЗ от 09.11.2023 г. установлены с 1 января 2024 года до 31 декабря 2025 года ставки налога: при выборе объекта налогообложения «доходы» 1 %, а при выборе объекта налогообложения «доходы-расходы» – 5 % [6].

На общих условиях ИП с объектом «Доходы» могут уменьшить налог по УСН на сумму уплаченных страховых взносов за себя и за наемных работников, но не более чем на 50 %.

ИП, не имеющие работников, могут уменьшить налог на всю сумму уплаченных за себя страховых взносов без ограничения.

Для предпринимателей, выбравших объект «доходы минус расходы», действует правило минимального налога: если по итогам года сумма исчисленного налога оказалась меньше 1 % полученных за год доходов, уплачивается минимальный налог в размере 1 % от полученных доходов.

Применение УСН заменяет уплату: налога на прибыль – для юридических лиц; НДФЛ с доходов, полученных от предпринимательской деятельности – для ИП; НДС (кроме НДС при импорте товаров и НДС в качестве налогового агента); налога на имущество, используемого в предпринимательской деятельности (за исключением объектов недвижимости, налоговая база по которым определяется как их кадастровая стоимость).

Применение УСН предполагает представление отчетности раз в год; внесение авансовых платежей ежеквартально; ведение книги учета доходов и расходов.

Организации и индивидуальные предприниматели, желающие перейти на упрощенную систему налогообложения со следующего календарного года, уведомляют об этом налоговый орган по месту нахождения организации или месту жительства индивидуального предпринимателя не позднее 31 декабря календарного года, предшествующего календарному году, начиная с которого они переходят на упрощенную систему налогообложения.

В уведомлении указывается выбранный объект налогообложения. Организации указывают в уведомлении также остаточную стоимость основных средств и размер доходов по состоянию на 1 октября года, предшествующего календарному году, начиная с которого они переходят на упрощенную систему налогообложения [1].

Налогоплательщики, применяющие упрощенную систему налогообложения, не вправе до окончания налогового периода перейти на иной режим налогообложения. Налоговым периодом является календарный год.

Сфера применения УСН в настоящее время состоит из следующих особенностей:

1) упрощенная система налогообложения применяется налогоплательщиками наряду с ПСН;

2) переход к упрощенной системе или возврат к иным режимам налогообложения осуществляется налогоплательщиками добровольно;

3) для налогоплательщиков, применяющих УСН, сохраняются действующие порядок ведения кассовых операций и порядок представления отчетности;

4) налогоплательщики, применяющие упрощенную систему, не освобождаются от исполнения обязанностей налоговых агентов.

Патентная система налогообложения предусмотрена только для индивидуальных предпринимателей. ПСН предусматривает освобождение предпринимателя от ряда налогов, является добровольным, может совмещаться с УСН, ЕСХН и ОСН.

Перечень видов предпринимательской деятельности, подлежащих налогообложению в рамках ПСН, ограничен. Всего их 63, наиболее популярные из них:

– розничная торговля через объекты стационарной торговой сети с площадью торгового зала не более 50 кв. м по каждому объекту организации торговли;

– услуги общественного питания, оказываемые через объекты общественного питания с площадью зала обслуживания не более 50 кв. м;

– услуги общественного питания, оказываемые через объекты организации общественного питания, не имеющие зала обслуживания посетителей;

– оказание автотранспортных услуг по перевозке пассажиров автомобильным транспортом;

– сдача в аренду (наем) жилых и нежилых помещений, садовых домов, земельных участков, принадлежащих ИП на праве собственности;

– парикмахерские и косметические услуги.

ПСН предполагает следующие основные ограничения:

– средняя численность наемных работников не должна превышать за налоговый период 15 человек;

– доход не превышает 60 млн. руб. в год.

Налоговая ставка по ПСН предполагает 6 %.

Патент не применяется в отношении:

– видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в рамках договора простого товарищества (договора о совместной деятельности) или договора доверительного управления имуществом;

– реализации товаров, не относящихся к розничной торговле (реализация подакцизных товаров, товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в том числе контрольными (идентификационными) знаками).

Применение режима заменяет уплату: НДФЛ в отношении доходов, являющихся объектом обложения налогом на профессиональный доход; НДС (кроме НДС при импорте товаров и НДС в качестве налогового агента); налога

на имущество (за исключением объектов недвижимости, налоговая база по которым определяется как их кадастровая стоимость).

ПСН предполагает следующие основные обязанности: налог уплачивается два раза в год; необходимо вести книгу учета доходов (форма книги учета доходов и порядок заполнения утверждены приказом Минфина России от 22.10.2012 № 135н).

Отчетность при ПСН не представляется. Патент выдается с любой даты, на период от одного до 12 месяцев включительно в пределах календарного года. Субъекты РФ вправе устанавливать дополнительный перечень бытовых услуг, в отношении которых может применяться патент.

Законом ДНР № 426-ПНС от 30.11.2022 г. «О введении в действие на территории Донецкой Народной Республики патентной системы налогообложения» установлены размеры потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода по видам предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система налогообложения [5].

Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) для индивидуальных предпринимателей и организаций предполагает налоговую ставку 6 %. При этом законами субъектов РФ налоговая ставка может быть уменьшена до 0 %.

Законом Донецкой Народной Республики «Об установлении ставки единого сельскохозяйственного налога на территории Донецкой Народной Республики» от 04.08.2023 г. № 467-ПНС установлена ставка 0 %, которая может применяться данной категорией налогоплательщиков с 1 января 2024 года [8].

Не вправе переходить на уплату ЕСХН:

- организации (ИП), занимающиеся производством подакцизных товаров, за исключением подакцизного винограда, вина, игристого вина (шампанского), виноматериалов, виноградного сула, произведенных из винограда собственного производства;

- организации, осуществляющие деятельность в сфере игорного бизнеса;

- организации, осуществляющие деятельность по организации и проведению азартных игр;

- казенные, бюджетные и автономные учреждения.

Применение ЕСХН заменяет уплату: налога на прибыль – для юридических лиц; НДФЛ с доходов, полученных от предпринимательской деятельности, – для ИП; налога на имущество (в части имущества, используемого при производстве сельскохозяйственной продукции).

Основные обязанности по режиму ЕСХН: отчетность раз в год; авансовые платежи (за полугодие); необходимо вести книгу учета доходов и расходов. Её форма и порядок заполнения утверждены приказом Минфина России от 11 декабря 2006 г. № 169 н. С 1 января 2019 года плательщики ЕСХН признаются плательщиками НДС. При соблюдении условий п.1 ст.145 НК РФ лица, применяющие ЕСХН, имеют право на освобождение от исполнения обязанностей плательщика НДС. Специальный налоговый режим, который

разработан и введен для производителей сельскохозяйственной продукции с учетом специфики отрасли. В целях налогообложения к сельскохозяйственной продукции относится продукция растениеводства, сельского и лесного хозяйства, животноводства, в том числе полученная в результате выращивания и доращивания рыб и других водных биологических ресурсов.

Перейти на этот режим могут организации и индивидуальные предприниматели (ИП), у которых доля дохода от сельскохозяйственной деятельности за календарный год составляет не менее 70 %.

Налог на профессиональный доход (НПД) – это новый специальный налоговый режим для самозанятых граждан, который применяется с 2019 года и действует на территории всей страны.

НПД предполагает следующие основные ограничения: нельзя привлекать наемных работников; доход не должен превышать 2,4 млн. руб. в год; нельзя совмещать с иными специальными налоговыми режимами; не применяется при перепродаже товаров, имущественных прав (кроме имущества для личных, домашних и (или) иных подобных нужд); не применяется при реализации подакцизных товаров и товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации.

НПД предполагает следующие налоговые ставки: 4 % при реализации товаров (работ, услуг) физическим лицам; 6 % при реализации товаров (работ, услуг) ИП и ЮЛ.

Применение НПД заменяет уплату: НДС в отношении доходов, являющихся объектом обложения налогом на профессиональный доход; НДС (кроме НДС при импорте товаров и НДС в качестве налогового агента).

Сумма налога исчисляется налоговым органом как соответствующая налоговой ставке процентная доля налоговой базы с учетом уменьшения соответствующей суммы налога на сумму налогового вычета. Сумма вычета – 10 000 рублей. Ставка 4 % уменьшается до 3 %, ставка 6 % уменьшается до 4 %. Расчет автоматический.

Не позднее 12-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом, налоговый орган уведомляет налогоплательщика о сумме налога через мобильное приложение «Мой налог». Не позднее 28-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом, необходимо уплатить налог.

Налоговым периодом признается календарный месяц.

Регистрация осуществляется через бесплатное мобильное приложение «Мой налог» или веб-кабинет «Мой налог». Приложение обеспечивает всё взаимодействие между самозанятыми и налоговыми органами, не требуя личного визита в инспекцию. Налоговая декларация по налогу в налоговые органы не представляется. Учет доходов ведется автоматически в мобильном приложении, что не предполагает использование ККТ. Чек формируется в мобильном приложении «Мой налог». Отсутствует обязанность по уплате фиксированных взносов на социальное страхование. Пенсионное страхование осуществляется в добровольном порядке. Можно работать без регистрации в

качестве ИП. Доход подтверждается справкой из приложения. Налог начисляется автоматически в приложении.

Использование НПД предполагает совмещение с работой по трудовому договору. При этом зарплата не учитывается при расчете налога и трудовой стаж по месту работы не прерывается.

Специальный режим НПД нельзя совмещать с иными режимами налогообложения. Остальные режимы можно совмещать, что является новшеством для ДНР.

На территории ДНР с 01.01.2023 г. НПД введен Законом Донецкой Народной Республики «О введении в действие на территории Донецкой Народной Республики специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» № 427-ПНС от 30.11.2022 г.

Выводы. В результате можно отметить, что применение специальных налоговых режимов в Донецкой Народной Республике имеет свои особенности. Во-первых, специальные режимы согласно НК РФ отличны от специальных режимов, которые действовали на территории ДНР до 1 января 2023 года. Практически по всем режимам увеличены границы дохода, возможности применения наемных работников, по ПСН значительно расширен список видов деятельности, введен новый режим на профессиональный доход (НПД). Во-вторых, применение специальных режимов в ДНР имеет свои особенности в отличие от других субъектов РФ. По УСН снижена налоговая ставка в 2023 году, и еще будет снижена в 2024 году до 1 % по налоговой базе доходы и 5 % по налоговой базе «доходы минус расходы», что подтверждено соответствующими законами. По ЕСХН с 2024 года предусмотрена ставка 0 %. Кроме того, в ДНР не предусмотрено в 2023 взимание региональных и местных налогов и сборов. С 2024 года вводятся лишь транспортный налог на определенные виды транспорта и налог на имущество организаций, исчисленный по среднегодовой стоимости имущества.

Таким образом, специальные налоговые режимы выступают способом стимулирования развития мелкого и среднего бизнеса на территории ДНР, способствуют привлечению предпринимателей в регион.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.12.2022). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ – (дата обращения: 22.04.2024).
2. О транспортном налоге: Закон Донецкой Народной Республики № 28-РЗ от 30.11.2023 г. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-transportnom-naloge/> – (дата обращения: 22.04.2024).

3. О налоге на имущество организаций: Закон Донецкой Народной Республики № 27-ПЗ от 30.11.2023 г. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-naloge-na-imushhestvo-organizatsij/> – (дата обращения: 22.04.2024).
4. О введении в действие на территории Донецкой Народной Республики специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Закон Донецкой Народной Республики № 427-ПНС от 30.11.2022 г. – URL: <https://dnrsovet.su/427-iins-zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vvedenii-v-dejstvie-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki-spetsialnogo-nalogovogo-rezhima-nalog-na-professionalnyj-dohod/> – (дата обращения: 22.04.2024).
5. О введении в действие на территории Донецкой Народной Республики патентной системы налогообложения: Закон Донецкой Народной Республики № 425-ПНС от 30.11.2022 г. – URL: <https://glavadnr.ru/doc/zakony/zП426.pdf> – (дата обращения: 23.04.2024).
6. О внесении изменения в Закон Донецкой Народной Республики «Об установлении ставки налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения на территории Донецкой Народной Республики»: Закон Донецкой Народной Республики № 19-ПЗ от 09.11.2023 г. – URL: <https://www.gb-dnr.ru/normativno-pravovye-akty/13944> – (дата обращения: 23.04.2024).
7. Об установлении ставки налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения на территории Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики № 425-ПНС от 30.11.2022 г. – URL: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-ustanovlenii-stavki-naloga-vzimaemogo-v-svyazi-s-primeneniem-uproshhennoj-sistemy-nalogooblozheniya-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – (дата обращения: 23.04.2024).
8. Об установлении ставки единого сельскохозяйственного налога на территории Донецкой Народной Республики»: Закон Донецкой Народной Республики от 04.08.2023 № 467-ПНС. – URL: <https://glavadnr.ru/doc/zakony/zП467.pdf> – (дата обращения: 23.04.2024).
9. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения»: Федеральный закон Российской Федерации от 25.02.2022 № 17-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410240/ – (дата обращения: 25.04.2024).
10. Федеральная налоговая служба Российской Федерации / официальный сайт /. – URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/> – (дата обращения: 25.04.2024).

УДК 343.98

КОМПЛЕКСИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Бордюгов Л.Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: Leonidbrd@yandex.ru)

Рубцова И.В., аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: riv81@bk.ru)

Статья посвящена вопросам использования комплексных судебных экспертиз с применением цифровых технологий в процессе расследования преступлений, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, в частности судебных автотехнических и видеотехнических экспертиз. Предлагается на основе интеграции специальных знаний разработать теоретические вопросы и ввести новый однопредметный вид судебной экспертизы – видео-автотехнической.

Ключевые слова: *расследование дорожно-транспортных происшествий, комплексирование специальных знаний, комплексная судебная автотехническая и видеотехническая экспертиза, однопредметная экспертиза, видео-автотехническая экспертиза.*

COMPLEXING SPECIAL KNOWLEDGE USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN ROAD ACCIDENT INVESTIGATION

Bordyugov, L.G., Rubtsova, I.V.

The article is devoted to the use of complex forensic examinations using digital technologies in the process of investigating crimes related to road traffic accidents, in particular forensic auto technical and video technical examinations. It is proposed, based on the integration of special knowledge, to develop theoretical issues and introduce a new single-subject type of forensic examination - video auto technical.

Keywords: *investigation of road traffic accidents, integration of special knowledge, comprehensive forensic auto-technical and video technical expertise, single-subject expertise, video auto-technical expertise.*

Актуальность темы исследования. В процессе расследования дорожно-транспортных происшествий у органов предварительного следствия и суда часто возникает необходимость назначения судебных экспертиз разных родов и видов для исследования одного общего объекта. При этом вопросы, которые должны решаться судебной экспертизой определенного вида, не могут быть решены без применения специальных знаний экспертов других специальностей. В таких случаях становится актуальным назначение комплексной судебной экспертизы.

В настоящее время комплексная судебная экспертиза является одним из основных инструментов, которые позволяют решить вопросы, стоящие перед следствием (судом), решение которых до недавнего времени было не только проблематичным, а практически невозможным.

Следует отметить, что если в теории судебной экспертизы вопросов, касающихся назначения и проведения комплексных экспертиз, практически не возникает, то в практической деятельности такие вопросы возникают очень часто. Вопросы возникают и при назначении комплексных судебных экспертиз в процессе расследования дорожно-транспортных происшествий. Именно этим вопросам и посвящена данная работа.

Анализ научных исследований. История судебной экспертизы сохранила данные о том, как профессором медико-хирургической академии Н.И. Пироговым в деле по обвинению князя Кочубея, которым были нанесены раны австрийскому подданному Зальцману, была проведена комплексная медико-баллистическая экспертиза, в которой им был применен комплекс знаний, а именно знания в области хирургии и знания в области судебной баллистики [5, С. 111].

Что касается советской криминалистики, то следует отметить, что еще в конце 40-х годов XX столетия А.И. Винберг говорил, что «во многих случаях криминалистическая экспертиза является комплексной» [3, С. 74]. Следует отметить, что в 50-60 годах прошлого столетия некоторые процессуалисты выступали против существования комплексной судебной экспертизы. Однако, в целом большинство ученых не только признало, но и внесло существенный вклад в разработку научных и правовых положений комплексной судебной экспертизы.

Исследованию теоретических вопросов комплексной экспертизы посвящали свои работы советские ученые и в более поздний период [2; 9].

Следует отметить особую роль А.Р. Шляхова и Р.С. Белкина в формировании теоретических основ комплексной экспертизы.

Несмотря на то, что и на современном этапе многие исследователи посвящают свои работы проблемам назначения и проведения комплексных судебных экспертиз [8; 12], в том числе и при расследовании дорожно-транспортных происшествий [1; 4], ряд вопросов требуют разработки и совершенствования, поскольку в её теории и практике остаются еще «белые пятна» [6, С. 139].

Целью статьи является анализ теоретических основ назначения и проведения комплексных судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных происшествий, в частности, автотехнической и видеотехнической.

Изложение основного материала. Поскольку проведение комплексной экспертизы в каждом случае обусловлено вопросами, требующими применения различных специальных знаний, являющихся достоянием двух или более наук, специалисты, обладающие такими знаниями, проводят необходимые исследования совместно.

Важным вопросом в теории комплексной экспертизы является вопрос об интеграции специальных знаний, которая заключается, главным образом, в их комплексировании. Именно в комплексировании специальных знаний заключается сущность комплексной судебной экспертизы. При этом под термином «комплексирование» понимается использование знаний и методов из области одной экспертной специальности при «решении вопроса в рамках другой» экспертной специальности [6, С. 145] или интеграция, суммарное использование методов двух разных наук, в результате которого получается «не сложение (набор), а совокупность признаков» [11, С. 8], или еще проще путь, «по которому идет генезис института специальных знаний в уголовном судопроизводстве» [7, С. 173].

Теоретические исследования в области судебной экспертизы, судебно-экспертная и судебно-следственная практика стали основой для разработки методик решения экспертных задач на основе интеграции специальных знаний. Формирование методик экспертного исследования требует надежной теоретической базы, поскольку практика без теории не может выполнять функций стабильного рычага современных достижений науки и техники в судопроизводстве. Важная роль в этом принадлежит разработке, прежде всего, теоретических положений комплексной судебной экспертизы. Сам характер объектов комплексной судебной экспертизы и особенности применяемых для их исследования средств позволяют использовать и приспособлять к решению задач комплексной судебной экспертизы методы разных наук.

Организация проведения комплексных экспертиз, в частности, порядок их назначения, проведения, общие принципы регулируется отдельными положениями процессуального законодательства. В разных сферах отечественного судопроизводства такие процессуальные нормы хоть и незначительно, но различаются между собой. По нашему убеждению, необходимость законодательной регламентации комплексных экспертиз очень важна, поскольку такая экспертиза имеет свой предмет исследования, который нуждается в применении различных сфер знания, специфику, как по ее назначению, так и по полномочиям и ответственности экспертов. При проведении комплексных судебных экспертиз происходит использование разных видов, родов и классов накопленных знаний, использование новых методов естественных и технических наук, которые могут помочь в установлении истины в процессе расследования сложных уголовных дел, в

частности, при расследовании террористических актов, дорожно-транспортных происшествий и пр.

Следует отметить, что использование различных наук в сфере судопроизводства связано, прежде всего, с усовершенствованием подозреваемыми механизма совершения преступления, применением ими современных методов их сокрытия, что требует от правоохранителей использовать знания разнообразных отраслей науки и техники, совершенствовать проведение исследований с целью установления истины на предварительном следствии и в судебном разбирательстве и дает основания определить комплексную экспертизу как самостоятельный институт защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц и интересов государства в целом.

На практике часто возникают вопросы при назначении и проведении межведомственных комплексных судебных экспертиз. При этом не решено правовое обеспечение установления критериев выбора ведущего экспертного учреждения, при назначении экспертиз в различные ведомства; не определены правила проведения экспертизы разными экспертами в составе комиссии; не определены сроки проведения комплексных межведомственных экспертиз; не определены критерии назначения эксперта-организатора межведомственной комплексной экспертизы; не определены основания заявления ходатайства со стороны ведущего экспертного учреждения и т.д. Современная следственная и судебная практика требуют при проведении комплексной экспертизы внедрения и использования в исследовании разработанных современных научно-технических достижений на основе развития смежных наук. Основной проблемой является разработка методик проведения новых комплексных отраслевых и межведомственных судебных экспертиз.

При этом следует отметить, что основные принципы организации и проведения комплексных судебных экспертиз, независимо от вида судопроизводства, практически одинаковы. Основным объединяющим элементом проведения комплексной судебной экспертизы является наличие общего предмета исследования для разных областей знаний, исследование которого осуществляется на основе общих методов и правил, регламентирующих такое исследование, отражение результатов исследования каждого эксперта в общем заключении.

В настоящее время широкое применение в судебно-экспертной и судебно-следственной практике находят комплексные автотехнические и видеотехнические экспертизы, которые начали проводиться при расследовании дорожно-транспортных происшествий сравнительно недавно, примерно с начала 2000-х, т.е. имеют сравнительно непродолжительную историю своего развития – около 20 лет. Их возникновение связано с научным интересом к комплексированию в судебной экспертизе, обусловлено научно-техническим прогрессом и необходимостью одновременной и разносторонней оценки обстоятельств дорожно-транспортных происшествий, что, безусловно, будет

способствовать повышению качества экспертного исследования, а значит и качества расследования дорожно-транспортных происшествий. В данном случае определяющим является развитие компьютерной техники, цифровизация различных сфер деятельности, в том числе и судебно-экспертной деятельности, что «включает разнообразные информационные технологии» [10, С. 570]. Немаловажным является также практический интерес судебных экспертов-автотехников к более широкому использованию в судебно-автотехнической экспертизе новейших методов оценки обстоятельств дорожно-транспортных происшествий.

Предметом комплексной автотехнической и видеотехнической экспертизы являются фактические данные о механизме дорожно-транспортного происшествия и обстоятельствах происшествия, устанавливаемые по результатам исследования, как по материалам дела – схемам и протоколам осмотра, следственных экспериментов, выкопировкам из плана населенного пункта, диаграммам работы светофорных объектов, так и по видеозаписям происшествия с камер видеонаблюдения, видеорегистраторов и других средств видеофиксации.

Объектами исследования данной комплексной экспертизы являются первичные материалы осмотра места происшествия, фотоснимки в аналоговом и цифровом виде, видеозаписи с камер наблюдения, видеорегистраторов, носители видеоинформации в цифровой форме на встроенных и съемных носителях (флэш-карты, диски, встроенная память цифровой техники) и т.п.

Задачи комплексной автотехнической и видеотехнической экспертизы могут носить как диагностический, так и идентификационный характер.

К ним можно отнести следующие:

- определение скорости движения участников дорожно-транспортного происшествия;
- определение значений замедления или ускорения транспортного средства;
- определение времени движения (существования) препятствия;
- определение различных расстояний, расположения и траекторий движения участников движения в различные моменты времени;
- определение принадлежности следов, оставленных на проезжей части транспортным средством, их расположения относительно границ проезжей части;
- определение режима работы светофорного объекта на месте происшествия, установление фактических сигналов светофора на момент возникновения ДТП;
- определение марки и модели транспортного средства, а в некоторых случаях и государственного номера транспортного средства.

В связи с указанным необходимо рассмотреть и проанализировать некоторые аспекты уже устоявшейся практики использования смежных специальных знаний в области автотехники и видеотехники. Не подвергая

сомнению не только экономическую, но и тактическую целесообразность одновременного, взаимодополняющего применения специальных знаний смежных, но отдельных видов судебной экспертизы, следует обосновать не только необходимость применения, но и понимания органами, назначающими указанную комплексную экспертизу, ее задач, возможностей, а также рассмотреть различные уровни регулирования этой экспертизы, в частности законодательный, нормативно-методический.

Комплексные экспертизы при расследовании дорожно-транспортных происшествий проводятся довольно часто. Оценка вывода комплексной экспертизы, своевременно назначенной и проведенной, позволяет уже на начальной стадии расследования получить очень ценную информацию об обстоятельствах совершенного преступления. Ценность данной информации обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, в начале расследования дорожно-транспортных происшествий у следователя зачастую нет сведений, необходимых для проверки следственных версий. Вывод комплексной экспертизы в некоторой степени восполняет этот пробел.

Во-вторых, некоторые из обстоятельств, установленных комплексной экспертизой, не могут быть установлены другим путем.

В-третьих, проведение комплексной экспертизы по сравнению с проведением ряда однопредметных экспертиз, при прочих равных условиях, позволяет сократить время на проведение экспертных исследований, что способствует более оперативному расследованию преступлений.

При расследовании дорожно-транспортных происшествий чаще всего проводятся комплексные медико-автотехнические, медико-транспортно-трасологические экспертизы.

При оценке комплексной экспертизы особое внимание следует обращать на соблюдение каждым экспертом принципа личной ответственности за предоставленный вывод. В этой связи необходимо четко определить личную и общую компетенцию членов комиссии экспертов; убедиться, что проведенные исследования основаны на их специальных знаниях, а комплекс применяемых методов необходим и достаточен для решения поставленных вопросов.

В связи с этим считаем необходимым поддержать мнение ученых об определенной регламентации в законодательных актах такого самостоятельного вида экспертиз, как комплексная судебная экспертиза.

Поэтому работа в этом направлении учеными-криминалистами должна продолжаться.

Следует отметить, что во время проведения судебных автотехнических экспертиз экспертами используются исходные данные, которые задаются в постановлении следователя или содержатся в материалах дела. Такие исходные данные касаются, как пространственно-динамических характеристик, таких как скорость движения транспортного средства или пешехода, время его движения, расстояние, которое было преодолено с момента возникновения опасности до

столкновения или наезда, так и самих обстоятельств происшествия, или локальных параметров – расположение участника на проезжей части, наличие дорожной разметки, сигналов светофоров и т.п.

В общей практике такие данные определяются органом расследования или судом со слов участников происшествия или свидетелей. Также возможно экспериментальное определение параметров движения путем проведения следственного эксперимента. Ряд параметров может определяться методами транспортной трасологии по имеющейся на проезжей части следовой информации, которая фиксируется при осмотре места происшествия.

Такие способы определения исходных данных содержат достаточно субъективную составляющую, поскольку базируются в основном на той информации, которая содержится в показаниях участников происшествия или свидетелей. Не единичны случаи, когда комплекс исходных данных, полученный таким путем, оказывается несостоятельным с технической точки зрения, или, наоборот, в материалах дела может содержаться несколько противоположных, но при этом технически обоснованных версий происшествия.

В настоящее время существует много различных технических средств фиксации дорожных обстоятельств. К ним можно отнести различные видеокамеры внешнего наблюдения, автомобильные видеорегистраторы, которые приобрели широкую популярность среди водителей и т.д.

Такие технические средства позволяют выполнять непрерывную фиксацию дорожных обстоятельств с записью на цифровые носители информации. Использование таких записей в экспертной практике позволяет получить объективные исходные данные для выполнения судебных автотехнических экспертиз.

Использование изображений из видеозаписей обстоятельств происшествия (по кадровым снимкам) дает возможность более точно определить траекторию движения транспортного средства и его расположение в момент столкновения (наезда), а также расположение следов движения транспортного средства, обломков деталей, различных осыпей и т.д. относительно стационарных элементов проезжей части либо иных объектов, расположенных за ее пределами.

На основании исследования видеозаписей и других материалов дела судебный эксперт имеет возможность установить объективные данные о событии дорожно-транспортного происшествия.

Как правило, такие исследования проводятся комплексно экспертами автотехниками совместно с экспертами-видеотехниками, что не всегда приемлемо, поскольку далеко не в каждом судебно-экспертном учреждении имеется эксперт-видеотехник.

Следует отметить, что развитие науки и технических средств, которыми овладевает все большее количество пользователей, способствует интеграции научных знаний у одного лица, что в свою очередь способствует решению комплексных вопросов одним лицом.

Примером этого в судебной экспертизе может служить транспортно-трассологическая экспертиза, теория которой воплотилась в практику в конце 70-х годов прошлого столетия. До этого вопросы транспортной трассологии решались комплексно экспертом-автотехником и экспертом-трассологом. В настоящее время транспортно-трассологическая экспертиза является однопредметной экспертизой.

Современная отрасль специальных знаний в области судебной видеотехнической и автотехнической экспертизы наряду с традиционными знаниями в указанных отраслях сталкивается с информационными объектами, имеющими новую цифровую форму (природу), а технический прогресс способствует широкому распространению цифровой фото и видеотехники, в объектив которой попадают различные события, в том числе и дорожно-транспортные происшествия. Традиционно, установлением обстоятельств ДТП занимались эксперты автотехнических, трассологических и медицинских направлений. То же самое касается и проведения соответствующих комплексных исследований.

Вместе с тем, как уже отмечалось, с широким распространением автомобильных видеорегистраторов, систем видеонаблюдения, которые установлены на различных объектах (заправках, домах вдоль дорог и магистралей) и различных web-сервисов, предметом исследования экспертов указанных направлений, все чаще становятся фактические данные, которые зафиксированы в соответствующим образом полученных видеозаписях и изображениях. Это обусловило стремительное развитие новых методов исследования, некоторые из которых носят междисциплинарный характер.

Выводы. С учетом этого предлагается внедрить в практику судебной экспертизы новый вид однопредметной экспертизы видео-автотехническую, которая бы решала вопросы, связанные с установлением обстоятельств дорожно-транспортного происшествия (скорость движения транспортного средства, направление движения, процесс торможения или ускорения транспортного средства и т. д.), зафиксированных на цифровых носителях (видеокамерах, видеорегистраторах и т. д.). При этом под объектом данной однопредметной экспертизы следует понимать некий интеграционный объект судебной экспертизы как системное образование, которое объединено общим предметом исследования, с целью решения задач, требующих применения специальных знаний в области судебной автотехники и видеотехники. Вместе с тем, следует отметить, что в процессе проведения данного вида экспертизы происходит интеграция специальных знаний не только по предмету, объектам и задачам, но и путем взаимного проникновения методов экспертного исследования, представляющих собой иерархическую систему, построенную по трем уровням: общие, отдельные и специальные. С учетом этого возникает необходимость в разработке конкретных методик исследования объектов судебной видео-автотехнической экспертизы.

В связи с указанным необходимо разработать теоретические вопросы предмета, объекта, задач и т.д. указанной экспертизы, после чего разработать программу дополнительной профессиональной подготовки по данной экспертизе и внести ее в Перечень видов и родов судебных экспертиз, проводимых в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации.

Список литературы

1. Алиев, М.М. Особенности тактики назначения, производства и оценки результатов комплексных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений / М.М. Алиев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 1 (36). – С. 119-124.
2. Аринушкин, Г.П. Комплексная экспертиза требует регламентации / Г.П. Аринушкин // Социалистическая законность. – М.: Известия, 1977. – № 10. – С. 40-43;
3. Винберг, А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы / А.И. Винберг – М.: Юридиздат, 1949. – 132 с.
4. Колотушкин, С.М. Комплексные экспертизы по делам, связанным с ДТП / С.М. Колотушкин // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию юбилею кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета. – 2017. – С. 191-196.
5. Кудряшов, Д.А. Актуальные вопросы истории развития научных основ комплексной судебной экспертизы / Д.А. Кудряшов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Вып.2. Ч. II. Юридические науки. – Тула. Изд-во ТулГУ, 2016. – С. 110-116.
6. Майлис, Н.П. Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития / Н.П. Майлис, В.Ф. Орлова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – №1 (33) – С. 138-147.
7. Медведева, А.С. Комплексование как тенденция развития института специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних / А.С. Медведева // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 165-175.
8. Моисеева, Т.Ф. Методологические и процессуальные проблемы комплексных исследований в судебной экспертизе / Т.Ф. Моисеева // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 241-245.
9. Орлов, Ю.К. Правовые вопросы комплексной экспертизы. / Ю.К. Орлов // Советская юстиция. – 1978. – № 13. – С. 14-15.
10. Россинская, Е.Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности взаимосвязи и разграничения / Е.Р. Россинская // Вопросы экспертной практики. – 2019. – № S1. – С. 569-574.

11. Смирнова, С.А. Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы / С.А. Смирнова, Т.Н. Секераж, В.О. Кузнецов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 6-11.
12. Соболевская, С.И. Проблемные вопросы комплексной экспертизы в уголовном судопроизводстве / С.И. Соболевская // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1 (47). – С. 142-150.

УДК 343.33

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОСТИ ПРИ
РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С
РЕАБИЛИТАЦИЕЙ НАЦИЗМА**

Войтов А.В., кандидат юридических наук, заместитель директора института нотариата и адвокатуры, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: alexv7995vvv@yandex.com)

Байков А.И., младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экспертной и следственно-криминалистической деятельности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: baykov-2023@internet.ru)

В данной статье рассматривается дискуссионный вопрос, связанный с реабилитацией нацизма в Уголовном кодексе Российской Федерации. Отсутствие понимания термина «публичности» в национальном законодательстве приводит к проблемам толкования указанной нормы. Кроме того, в статье предложены пути решения, связанные с трудностью определения признаков объективной стороны преступления при расследовании уголовных дел указанной категории.

***Ключевые слова:** реабилитация, нацизм, оправдание, публичность, принципы, объективная сторона преступления.*

**APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY IN THE
INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE REHABILITATION OF
NAZISM**

Voitov, A.V., Baykov, A.I.

This article examines a controversial issue related to the rehabilitation of Nazism in the Criminal Code of the Russian Federation. The lack of understanding of the term «publicity» in national legislation leads to problems in interpreting this norm. In addition, the article proposes solutions related to the difficulty of determining the signs of the objective side of a crime when investigating criminal cases of this category.

***Keywords:** rehabilitation, Nazism, justification, publicity, principles, objective side of the crime.*

Актуальность темы исследования. В новейшей истории Российская Федерация столкнулась с рядом серьезных внешних угроз, которые могут

привести к уничтожению нашего государства и народа, т.е. являются экзистенциальными. Одной из подобных проблем является реабилитация нацизма в современной Европе, достигающая, на примере Украины и стран Прибалтики, масштабов государственной власти, которая открыто пропагандирует нацистскую идеологию, восстановление в правах нацистских преступников и их пособников.

Политическими деятелями стран Европы регулярно предпринимаются попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, нивелирование общемирового значения Международного военного трибунала в Нюрнберге и приговоров национальных судов над нацистскими преступниками.

Ответом на вышеуказанные угрозы является принятие 04.04.2014 года Федерального закона № 197582-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» изменений, предусматривающих установление в действующем законодательстве уголовной ответственности за реабилитацию нацизма.

Необходимость введения уголовной ответственности за пересмотр итогов Второй мировой войны вызван широким общественным резонансом, который был вызван неоднократными попытками представителей стран Европы и США оправдать нацистских преступников и их пособников, очернив и нивелировав роль Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) и Красной Армии.

Анализ научных исследований. Теоретическую базу исследования составили научные труды таких ученых как А.В. Петрянин, И.А. Коннов, С.А. Воронцов, А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевалков, С.В. Борисов, Р.М. Узденов, Ю.С. Варанкина, В.Д. Ларичев, А.С. Скудин и другие.

Следует отметить, что в работах указанных авторов рассматривались отдельные элементы реабилитации нацизма, либо его направленность или деятельность, регламентированные в рамках определённого государства. Вместе с тем, комплексное исследование принципа публичности при расследовании преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, не рассматривалось.

Целью данной статьи является рассмотрение дискуссионных вопросов, связанных с реабилитацией нацизма, в Уголовном кодексе Российской Федерации. Авторами указывается на отсутствие понимания термина публичности в национальном законодательстве. Кроме того, отмечен законодательный пробел, связанный с трудностью определения признаков объективной стороны преступления при расследовании уголовных дел указанной категории, предложены пути решения обнаруженных проблем.

Изложение основного материала. Криминализация вышеуказанных действий не являлось случайным шагом и ему предшествовало принятие в 2012 году на 37-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ)

Модельного закона № 37-18 «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников», основные положения которого стали основой нормы «Реабилитации нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Факторами, способствовавшим введению в национальное законодательство ответственности за реабилитацию нацизма, стали события «Майдана», которые привели к государственному перевороту в Украине и непосредственный приход к власти неонацистов и, как следствие, вооруженный конфликт между киевским режимом и жителями Донецкой и Луганской областей 2014-2022 года. В ходе боевых действий нацистский режим применял всю имеющуюся у него военную технику против мирного населения, был замечен в несоблюдении и саботировании ранее заключенных международных соглашений о прекращении вооруженного противостояния, тем самым демонстрируя полную недоговороспособность.

Необходимо отметить, что в национальном общественно-политическом поле проблема реабилитации нацизма занимает значительное место. Данный факт подтверждает интервью Президента Российской Федерации В.В. Путина сербской газете «Политика» от 14.10.2014 г., где он отметил: «к сожалению, «вакцина» от нацистского вируса, выработанная на Нюрнбергском трибунале, в некоторых государствах Европы теряет силу. Наглядное свидетельство – открытые проявления неонацизма, которые стали уже обыденной вещью в Латвии и других странах Прибалтики. Особое беспокойство в этом плане вызывает ситуация на Украине..... Сегодня наш общий долг – противодействовать героизации нацизма, твёрдо противостоять попыткам ревизии итогов Второй мировой войны, последовательно бороться с любыми формами и проявлениями расизма, ксенофобии, агрессивного национализма и шовинизма» [4].

Исключительную актуальность указанная норма (354.1 УК РФ) приобрела в феврале 2022 года, когда Российская Федерация начала проведение специальной военной операции (далее – СВО) на территории Украины. Задачи и цели СВО отражены в официальном решении Президента Российской Федерации В.В. Путина, объявленного в Обращении от 24.02.2022 г., в соответствии со ст.51 ч.7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации и во исполнение ратифицированных Федеральным собранием договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой, о проведении специальной военной операции на территории Украины, согласно которым одной из целей СВО является денацификация Украины. Так же задача денацификации Украины актуализирована президентом России В.В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме как одна из ключевых [5].

Несмотря на высокую актуальность криминализации действий, связанных с реабилитацией нацизма, с момента вступления в силу ст. 354.1 УК РФ, норма статьи вызывает ряд споров, связанных с правильностью ее понимания и

дальнейшего применения.

Кроме того, данная норма как самостоятельный состав преступления в виду относительной новизны еще не имеет значительного объема следственно-судебной практики. Однако вышеуказанный факт не отменяет актуальности данной нормы. Лишь за 2023 год судами Российской Федерации рассмотрено 52 уголовных дела по преступлениям предусмотренным ст.354.1. УК РФ, из них по ч.1 ст. 354.1. УК РФ вынесено 6 (шесть) обвинительных приговоров, в том числе: 3-е граждан РФ приговорены к реальному лишению свободы; по ч.2 ст.354.1. УК РФ – 14 обвинительных приговора, 1 гражданин РФ приговорен к реальному лишению свободы; по ч. 3 ст.354 УК РФ – 8 обвинительных приговора, 2-е граждан РФ приговорены к реальному лишению свободы, по ч. 4 ст.354.1 УК РФ – 24 обвинительных приговора, 14 граждан РФ приговорены к реальному лишению свободы [1].

Несмотря на наличие обвинительных приговоров по ст. 354.1. УК РФ «Реабилитация нацизма» при рассмотрении норм указанной статьи можно выделить ряд спорных вопросов, требующих дальнейшего рассмотрения.

Так, в ходе применения к рассматриваемой норме метода уголовно-правового анализа, который общепринят на территории Российской Федерации и предусматривает выделение в уголовно-правовой норме 4 частей: объекта преступления, объективной стороны преступления, субъекта преступления, субъективной стороны преступления, мы можем определить общий признак, характерный для всех составов преступлений, которым является публичность. Структурно рассматриваемый признак входит в объективную сторону преступления. Содержание объективной стороны состава преступления образуют соответствующие признаки, которые можно классифицировать на основные и факультативные. К группе факультативных признаков относится способ совершения преступления, которым является публичность.

Следует отметить, что названный признак, являясь по природе своей факультативным (дополнительным), в контексте нормы «Реабилитации нацизма» трансформировался в основной (обязательный), так как он законодательно закреплён в исследуемой норме.

Кроме того, для указанного состава публичность является его неотъемлемой частью, ведь в отсутствии этого признака невозможно квалифицировать действия лица как уголовно наказуемые.

Определить содержание признака публичности для составов, содержащихся в статье 354.1. УК РФ, представляется нетривиальной задачей, так как в действующем УК РФ, а также в Постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ отсутствует понятие публичности как непосредственного признака объективной стороны преступления.

В общем значении под публичностью стоит понимать нечто, осуществляемое в присутствии публики, открытое [6, С. 631], а публика – это люди, находящиеся где-нибудь в качестве зрителей, слушателей, пассажиров, а также вообще люди, общество [7, С. 630].

При определении понятия публичности в уголовном праве мнения ученых разделились. Так, Дьяков С.В. считает, что под сущностью термина публичность, заложенного изначально законодателем, заключалась в совершении противоправных действий исключительно в общественном месте либо сетях общего пользования (например, массовая рассылка сообщений абонентам связи). Главное здесь – открытость, гласность, обращенность призыва к многим людям – арифметический подход здесь не приемлем [2, С. 38].

В свою очередь, Ю.М. Ткачевский указывает, что едва ли можно считать публичным сообщение клеветнических измышлений двум-трем лицам, в то же время публичность выступления на митинге, общем собрании жильцов дома или подъезда и даже перед группой, состоящей из пяти-шести человек, не вызывала сомнения у авторитетного ученого [8].

Наличия трех человек достаточно для признания публичности, считает В.И. Шмарион, но только при условии, что в данном конкретном случае имеется возможность дальнейшего распространения клеветы и оскорбления среди широкого круга посторонних лиц [9, С. 104].

А.А. Арямов также придерживается мнения, что в квалифицированном составе «минимальное количество все же не должно быть меньше трех человек». Это должно происходить на собрании, митинге, съезде и т.п., даже если на них вместо запланированного большого числа слушателей пришло только три. Автор справедливо считает, что каждая ситуация сугубо индивидуальна и нельзя ограничиваться каким-то конкретным числом слушателей и подвести все к единому знаменателю. Поскольку публичность выступления является оценочной категорией, она должна устанавливаться судом применительно к каждому конкретному случаю [10, С. 212].

По мнению В.М. Лебедева, публичность выступления или публичная демонстрация означает доведение информации до сведения многих лиц в газетах, журналах, любых иных средствах массовой информации, а также в выступлениях на митинге, в лекции, при выкрикивании на улице, вывешивании в доступных для граждан местах листовок, обращений, заявлений и т.п. Вывешивание в таких местах даже одного заявления или обращения не исключает признака публичности, поскольку в этом случае факты или сведения становятся известными неограниченному кругу лиц [3, С. 329].

В ходе изучения мнений ученых о содержании признака «публичности» в уголовном праве мы пришли к выводу, что смысловое значение термина претерпевает изменения в зависимости от нормы УК РФ, в которую он включен. Подобная ситуация противоречит правилам законодательной техники, которые требуют одинакового понимания терминов, применяемых в УК РФ для всех составов, в которых они присутствуют.

Для разрешения сложившейся ситуации возможно обратиться к актуальной судебной практике. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (Верховый суд РФ) от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой

репутации граждан и юридических лиц» в п. 7 указано, что под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях.

Также термин «публичность» нашел отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В п. 4 рассматриваемого документа указано, что под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

В п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205.2. УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности.

Таким образом, анализируя разъяснения Верховного суда РФ, мы приходим к выводу о том, что в них отсутствуют количественные определения лиц, к которым должны адресоваться публичные призывы и действия, указанные в рассматриваемых Пленумом статьях. Можем отметить, что, исходя из логики законодателя, для установления вышеуказанного факта достаточно одного лица, который бы ознакомился с декларируемыми правонарушителем информацией. Следует отметить, что логичным является факт того, что данным лицом в обязательном порядке должен быть посторонний, т.е. лицо, никак не связанное с правонарушителем. Вместе с тем, нам видится, что к лицам, к которым адресуются высказывания не должны применяться формальные требования в виде, например, достижения ими совершеннолетия или наличия у них определенного правового статуса (государственного служащего, военнослужащего, депутата и т.д.). Также, исходя из логики термина «публичности» закреплённого в постановлениях пленума Верховного суда следует учитывать субъективное отношение лиц, к которым оно адресуется. Данное отношение может выражаться как в непосредственном восприятии и понимании высказываемой информации, так и в непосредственной реакции на нее в виде, например, сообщения о правонарушении в правоохранительные органы.

При этом мы можем считать, что фактическое ознакомление посторонних

людей с публикуемой или высказываемой информацией не является определяющим признаком публичности, а важна сама возможность свободного и беспрепятственного доступа к указанным данным.

Вместе с тем, Судом указан исчерпывающий перечень способов, которыми можно огласить информацию, для определения ее как публичной. К ним можно отнести: опубликование таких сведений в печати; их трансляцию по радио и телевидению; демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации; распространение в сети Интернет; распространение с использованием иных средств телекоммуникационной связи; изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях; распространение информации в любой письменной либо устной форме.

Выводы. Таким образом, вопрос о способах распространения информации, чтобы та приобрела признаки публичности, законодателем фактически разрешен и требует лишь официального закрепления в национальных нормативно-правовых актах. Вместе с тем, с развитием информационно-телекоммуникационных систем возникнут новые источники распространения публичной информации, что потребует своего закрепления в действующем законодательстве.

Можем отметить, что отсутствие официального определения ключевого понятия объективной стороны преступления в виде публичности, вызывает трудности при расследовании преступлений по ст. 354.1. УК РФ сотрудниками следственных органов и рассмотрения уголовного дела в суде.

Сложившаяся ситуация требует дальнейшей научной работы и открытого обсуждения. Наиболее вероятным разрешением проблемы, связанной с определением понятия публичности в отсутствии четкого законодательного определения указанного термина, для целей его единообразного применения в рамках уголовного законодательства, считаем возможным опираться, в первую очередь, на Постановления Пленума ВС РФ, которые являются обязательными к применению нижестоящими судами Российской Федерации. На основании положений указанных правовых документов будет формироваться последующая правоприменительная практика, с накоплением которой станет возможным дать наиболее полное определение публичности, которое наиболее точно соответствует всем имеющимся уголовным составам действующего УК РФ.

Список литературы

1. Агентство правовой информации. – URL: <https://апи-пресс.рф/page/1> – (дата обращения 01.06.2024). – Режим доступа – свободный.
2. Дьяков, С.В. Унификация уголовного законодательства об ответственности за преступления против государства / С.В. Дьяков // Вестник межпарламентской ассамблеи. – 1995. – № 4. – С. 38.
3. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / ред. д.ю.н., проф., Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. М.: Норма, 2005. – С. 329.

4. Президент Российской Федерации: официальный сайт. Москва. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46806> (дата обращения: 31.05.2024). – Режим доступа – свободный.
5. РИА Новости: официальный сайт. – Москва. – URL: <https://ria.ru/20230616/ukraina-1878727166.html/> – (дата обращения: 05.04.2024). – Режим доступа – свободный.
6. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / Под. ред. Ожегова С.И., Шведова Н. Ю. – М., 2000. – С. 631.
7. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / Под. ред. Ожегова С.И., Шведова Н.Ю. – М., 2000. – С. 630.
8. Ткачевский, Ю.М. Уголовная ответственность за клевету // Законодательство. 1999. – № 11. – URL: <https://base.garant.ru/3541552/> – (дата обращения: 01.06.2024). – Режим доступа – свободный.
9. Шмарион, В.И. Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по российскому уголовному законодательству: дисс. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08: утв. 21.03.2001 – Ростов н/Д, 2001, – С. 104.
10. Энциклопедия уголовного права. Т. 14. Преступления против свободы, чести и достоинства личности. Издание профессора Малинина. (Автор главы: Арямов А.А.) – СПб.: ГКА, 2010. – С. 212.

УДК 343.13

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гапотченко Г.Н., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: gapot4enko63@mail.ru)

В статье исследуются отдельные вопросы, посвященные правовой регламентации процедуры предъявления обвинения по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Автором высказываются отдельные замечания и обосновываются предложения по усовершенствованию правовой регламентации процедуры предъявления, изменения и дополнения обвинения на предварительном следствии.

Ключевые слова: изменение и дополнение обвинения, обвиняемый, предварительное следствие, предъявление обвинения, процессуальная регламентация, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, следователь, уголовное дело, уголовно-процессуальный кодекс.

CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE INVOLVEMENT OF A PERSON AS AN ACCUSED UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gapotchenko, G.N.

The article examines certain issues related to the legal regulation of the procedure for bringing charges under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author makes some comments and substantiates proposals to improve the legal regulation of the procedure for filing, amending and supplementing charges at the preliminary investigation.

Keywords: amendment and addition of the charge, the accused, preliminary investigation, presentation of charges, procedural regulations, decision on bringing as an accused, investigator, criminal case, Code of Criminal Procedure.

Актуальность темы исследования. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и

свобод, являются назначением всего уголовного судопроизводства Российской Федерации (далее – РФ), о чём прямо указано в ч.1 ст.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3].

В соответствии со ст.49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого [1].

Вместе с тем, следственная практика по уголовным делам в РФ свидетельствует об отдельных фактах необоснованного привлечения лиц в качестве обвиняемого на стадии предварительного расследования, что влечет за собой отмену приговора, прекращение уголовного дела или иные реабилитирующие обвиняемого правовые последствия.

По официальным данным Агентства Правовой Информации РФ, в 2023 году было оправдано 184 человека, осужденных за умышленное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью (ст.111, 112 УК РФ); 12 человек, осужденных за изнасилование (ст.131 УК РФ); 47 человек, осужденных за кражу (ст.158 УК РФ) и другие преступления, а всего оправдано судами в 2023 году по уголовным делам 1874 человека [5].

Приведенные данные свидетельствуют об актуальности темы настоящего научного исследования и необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства РФ в части правовой регламентации процессуального порядка привлечения лица в качестве обвиняемого на предварительном следствии.

Не является темой нашего исследования процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовным делам, находящимся в производстве органов дознания.

Анализ научных исследований. В различное время вопросы, изложенные в настоящей статье были предметом научного исследования ученых-процессуалистов: М.И. Бажанова, Б.Т. Безлепкина, Ю.Н. Белозёрова, В.П. Божьева, С.В. Бородина, В.И. Зажицкого, В.С. Зеленецкого, Л.М. Карнеевой, Е.Д. Лукьянчикова, П.А. Lupинской, А.Р. Михайленко, Ю.В. Сидорова, А.А. Чувилёва и других.

Отдельные вопросы, касающиеся правовой регламентации привлечения лица в качестве обвиняемого, были предметом и нашего научного исследования, однако они проводились ещё по Уголовно-процессуальному кодексу Донецкой Народной Республики, который в настоящее время уже утратил силу [2, С. 82-89].

С октября 2022 года Донецкая Народная Республика законодательно принята в состав Российской Федерации, а законодательные и иные

нормативные правовые акты РФ действуют на территории ДНР со дня принятия ДНР в состав РФ.

Указанное обстоятельство обязывает определённых субъектов – граждан и должностных лиц РФ изучить соответствующие нормативные правовые акты РФ, руководствоваться ими и применять их в повседневной жизни и деятельности.

Это в полной мере относится и к вопросам правовой регламентации привлечения лица в качестве обвиняемого по законодательству Российской Федерации, что требует дополнительного научного изучения и исследования.

Следует согласиться с предложениями Ю.В. Сидорова, которые опубликованы в научной литературе, и касаются вопросов изменения и дополнения обвинения по уголовным делам [4, С. 176-179].

В то же время, отдельные вопросы по теме исследования, по нашему мнению, остаются дискуссионными и требуют усовершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Цель статьи. Основной целью данной научной статьи является проведение комплексного правового исследования уголовно-процессуального законодательства РФ, по вопросам правовой регламентации отдельных норм УПК РФ, которые регламентируют процессуальный порядок предъявления, изменения и дополнения обвинения на предварительном следствии.

Изложение основного материала. В соответствии с п.1 ч.1 ст.47 УПК РФ обвиняемым признаётся лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого.

Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ, и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Данная норма закрепляет важную гарантию прав и законных интересов лица, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу.

Буквальное понимание и толкование указанной нормы УПК РФ говорит о том, что с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и подписания его следователем, лицо становится обвиняемым и приобретает соответствующий процессуальный статус с определёнными правами и обязанностями. В статусе обвиняемого лицо будет находиться весь последующий срок предварительного следствия, до назначения уголовного дела к судебному разбирательству.

Таким образом, на момент вынесения (составления) следователем постановления о привлечении определенного лица в качестве обвиняемого по конкретному уголовному делу, как правило, должны быть установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст.73 УПК РФ. Также должно быть установлено отсутствие обстоятельств, которые в соответствии с УПК РФ исключают производство по уголовному делу.

Процедура привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу (кроме дел частного обвинения) состоит из нескольких самостоятельных

по регламентации, но взаимосвязанных между собой по конечной цели процессуальных действий:

1) установление наличия в материалах уголовного дела достаточных доказательств, указывающих на совершение преступления определенным лицом, которые в соответствии с ч.1 ст.171 УПК РФ обязывают следователя вынести (составить) мотивированное постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого;

2) вызов данного лица к следователю для предъявления обвинения;

3) разъяснение обвиняемому его процессуальных прав и обязанностей с письменной фиксацией данного действия, что удостоверяется подписями обвиняемого, его защитника и следователя на постановлении с указанием даты и времени предъявления обвинения.

4) непосредственное предъявление обвиняемому постановления о привлечении его в качестве обвиняемого по настоящему уголовному делу, и разъяснение сути предъявленного обвинения;

5) вручение обвиняемому и его защитнику копии постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого;

6) допрос лица в качестве обвиняемого по предъявленному обвинению незамедлительно после предъявлении ему обвинения.

Если по одному уголовному делу в качестве обвиняемого привлекаются несколько лиц, то в отношении каждого из них составляется отдельное постановление, в котором четко указывается его конкретная роль в совершении одного или нескольких преступлений.

Этим достигается индивидуализация обвинения и уголовной ответственности, а также обеспечение реализации права обвиняемого на защиту от предъявленного обвинения.

УПК РФ обязывает следователя предъявить лицу обвинения не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если он участвует в уголовном деле.

Обращаем на это особое внимание в связи с тем, что дата вынесения (составления) следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого определённого лица и дата фактического предъявления обвинения этому лицу в силу различных обстоятельств могут не совпадать. Такими обстоятельствами, например, могут быть тяжёлая болезнь обвиняемого, которая препятствует предъявлению ему обвинения; не установление места нахождения обвиняемого и его розыск, и другое. Такой промежуточный разрыв в отдельных случаях может достигать от нескольких дней до нескольких лет.

В соответствии с ч.9 ст.172 УПК РФ, копия постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого направляется прокурору. При этом закон не устанавливает сроки выполнения данного процессуального действия. Полагаем, что такая трактовка является не конкретной, поскольку не устанавливает

границы максимального процессуального срока направления копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого прокурору.

Кроме того, отсутствие у прокурора данных о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого путём не направления ему копии соответствующего постановления, лишают его возможности исполнять возложенные на него ст.37 УПК РФ обязанности за точным и неуклонным соблюдением законности органами предварительного следствия, в том числе, при предъявлении обвинения по уголовным делам, а также своевременно принимать меры прокурорского реагирования в случае выявления допущенных нарушений закона или прав обвиняемого при предъявлении ему обвинения.

Полагаем, что поскольку речь идёт о соблюдении прав обвиняемого, в том числе конституционных, данная норма требует усовершенствования и конкретизации.

На это также побуждает анализ других норм УПК РФ, которые конкретизируют временные сроки уведомления прокурора о принятом процессуальном решении.

Так, норма ч.4 ст.146 УПК РФ обязывает руководителя следственного органа, следователя, дознавателя уведомить о возбуждении уголовного дела незамедлительно, а в случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, указанные субъекты обязаны уведомить прокурора о принятом решении путём направления копии соответствующего постановления течение 24 часов с момента его вынесения.

Изложенное позволяет предложить конкретизировать ч.9 ст.172 УПК РФ, изложив её в следующей редакции – «копия постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого направляется следователем прокурору в порядке надзора в течение суток со дня его вынесения».

Также следует обратить внимание на вопрос процессуальной регламентации фиксации отказа обвиняемого от подписания постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Такие случаи предусмотрены ч.7 ст.172 УПК РФ, где прямо указано, что в случае отказа обвиняемого подписать постановление следователь делаёт в нём соответствующую запись.

Многолетний личный опыт следственной работы показывает, что на практике подобная форма фиксации отказа обвиняемого от подписи в постановлении встречается, и вызывает вопросы соблюдения законности следователем при предъявлении обвинения, в стадии судебного разбирательства, поскольку при такой регламентации присутствие иных лиц, кроме следователя и самого обвиняемого, УПК РФ не предусмотрено.

В отдельных случаях, это приводит к тому, что обвиняемые в дальнейшем отказываются как от признания своей вины, так и от самого факта предъявления обвинения следователем. Иногда, при этом, обвиняемые обвиняют следователя в применении к ним недозволенных методов психического и физического воздействия. Оспорить такие аргументы следователю в суде крайне сложно,

поскольку кроме него и самого обвиняемого при предъявлении обвинения больше никого не было, а все сомнения, как указывает закон, трактуются в пользу обвиняемого.

Предлагаем простой, но весьма действенный порядок фиксации предъявления обвиняемому постановления о привлечении его в качестве обвиняемого и факт отказа обвиняемого в постановлении.

Часть 7. ст.172 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции – «в случае отказа обвиняемого от ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и (или) отказа подписать данное постановление, следователь приглашает двух незаинтересованных в исходе уголовного дела граждан, в их присутствии зачитывает обвиняемому вслух постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, и предлагает засвидетельствовать данный факт своей подписью. В случае отказа обвиняемого подписать данное постановление, следователь составляет об этом отдельный протокол, в котором фиксирует факт ознакомления обвиняемого с постановлением, и факт отказа обвиняемого от подписи. Протокол подписывается следователем и гражданами, в присутствии которых было произведено указанное действие».

Данная процедура не требует каких-либо дополнительных затрат, но в то же время, позволит зафиксировать как сам факт предъявления соответствующего постановления обвиняемому, так и факт отказа обвиняемого от подписи в постановлении. В случае каких-либо жалоб со стороны обвиняемого на неправомерность действий следователя, указанные граждане, в присутствии которых, производились указанные действия, могут быть вызваны в суд и допрошены в качестве свидетелей по данному факту.

Отдельно следует обратить внимание на процедуру процессуальной регламентации изменения и дополнения обвинения в ходе предварительного следствия.

Многолетний личный опыт следственной работы позволяет утверждать, что в следственной практике вопросы изменения или дополнения возникают нередко. Речь идет о так называемом «первоначальном» обвинении и предъявлении последующего по уголовному делу обвинения «в полном объеме». Данная процедура не вызывает каких-либо возражений у других участников уголовного процесса (прокурор, потерпевший, защитник и др.) и не служит препятствием для рассмотрения уголовного дела в суде.

Часть 1 ст.175 УПК РФ предусматривает возможность изменить или дополнить во время предварительного следствия уже предъявленное обвинение и обязывает следователя в случае такой необходимости предъявить лицу новое обвинение.

Вместе с тем, в указанной норме УПК РФ отсутствует правовая регламентация оснований для изменений уже предъявленного обвинения по уголовному делу, что является поводом для её различного понимания и дискуссий в научной литературе.

Полагаем, что указанная диспозиция данной статьи изложена законодателем не конкретно и нуждается в изменении и дополнении.

Из личного опыта следует отметить, что основаниями для изменения или дополнения ранее предъявленного обвинения на стадии предварительного расследования могут быть, например:

- объединение в одно производство нескольких уголовных дел, по которым одному или нескольким лицам уже были или не были предъявлены обвинения;
- установление новых эпизодов совершения преступления лицом, которому ранее было предъявлено обвинение;
- установление новых обстоятельств совершения преступления, которые в соответствии с УПК РФ подлежат доказыванию по каждому уголовному делу (время, место, способ совершения преступления, размер причинённого ущерба, полные анкетные данные лица, совершившего преступление и др.);
- необходимость изменения квалификации совершенного преступления и иные обстоятельства, которые установлены в ходе расследования.

Полагаем, что основания для изменения или дополнения ранее предъявленного обвинения по уголовному делу должны быть изложены и регламентированы в УПК РФ более конкретно.

Следственная практика свидетельствует о том, что в материалах одного уголовного дела (как правило, многоэпизодного или объединённого в одно производство), могут содержаться несколько постановлений о привлечении одного лица (или нескольких лиц) в качестве обвиняемого, ранее вынесенных и предъявленных разными следователями по разноимённым эпизодам преступлений.

Таким образом, лицо может находиться в статусе обвиняемого по одному уголовному делу сразу по нескольким ранее предъявленным обвинениям.

Данная практика вносит правовую неопределённость в положение как самого обвиняемого о реальном объёме обвинения, в котором его обвиняют, так и иных участников уголовного процесса, а также требует правового урегулирования.

В этой связи требования УПК о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела обязывают следователя, в производстве которого находится такое уголовное дело, внимательно изучить все ранее предъявленные лицу обвинения, а также эпизоды, по которым обвинение ранее ещё не предъявлялось. С учетом исследованных и оценённых доказательств всего уголовного дела, следователь обязан сформулировать обвинение лицу в полном объеме, по всем доказанным эпизодам совершенных им преступлений.

В соответствии с ч.1 ст.252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Таким образом, на момент окончания предварительного расследования по уголовному делу следователем должно быть сформировано одно единое и

полное процессуальное решение в форме постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, в котором сформулированы и изложены все установленные по делу обстоятельства по всем эпизодам совершения им преступлений.

Обвинение по такому постановлению в окончательной формулировке должно быть предъявлено обвиняемому с соблюдением всех требований УПК РФ. С содержанием данного постановления также должны иметь возможность ознакомиться и иные участники уголовного процесса при ознакомлении со всеми материалами дела (потерпевший, гражданский истец, и др.).

В связи с этим возникает вопрос о юридической силе ранее предъявленного обвинения (ранее предъявленных обвинений другим следователем по другому уголовному делу), которое никем не отменено и имеет юридическую силу с момента вынесения следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, о чем мы отмечали ранее.

Полагаем, что предъявлению изменённого или дополненного обвинения в полном объеме должно предшествовать промежуточное процессуальное решение следователя, в котором обосновывается и констатируется необходимость изменения или дополнения ранее предъявленного обвинения. Такое решение будет логическим, процессуально обоснованным, и снимающим вопрос о ранее предъявленном обвинении.

Кроме того, в данном постановлении следователю необходимо дать юридическую оценку действию ранее вынесенного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Поскольку сам следователь не наделен полномочиями отменять действие своего же постановления или постановления другого следователя, полагаем, что постановление о необходимости изменения или дополнения ранее предъявленного обвинения подлежит согласованию с прокурором.

Данное предложение является дискуссионным, однако, необходимость его законодательного разрешения не вызывает сомнения.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы, и сформулировать предложения о внесении изменения в УПК РФ.

Выводы.

1. Вопрос правовой регламентации сроков направления прокурору копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в соответствии с ч.9 ст.172 УПК РФ законодателем не определен.

Предлагаем конкретизировать ч.9 ст.172 УПК РФ, изложив её в следующей редакции:

«Копия постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого направляется следователем прокурору в порядке надзора в течение суток со дня его вынесения».

2. Процессуальный порядок фиксации отказа обвиняемого от подписи постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, изложенный в ч.7 ст.172 УПК РФ, полагаем не конкретным.

Часть 7. ст. 172 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «В случае отказа обвиняемого от ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и (или) отказа подписать данное постановление, следователь приглашает двух незаинтересованных в исходе уголовного дела граждан, в их присутствии зачитывает обвиняемому вслух постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, и предлагает засвидетельствовать данный факт своей подписью. В случае отказа обвиняемого подписать данное постановление, следователь составляет об этом отдельный протокол, в котором фиксирует факт ознакомления обвиняемого с постановлением, и факт отказа обвиняемого от подписи. Протокол подписывается следователем и гражданами, в присутствии которых было произведено указанное действие».

3. Диспозиция ч.1 статьи 175 УПК РФ изложена законодателем не конкретно и нуждается в изменении и дополнении.

Предлагаем ч.1 ст.175 УПК ДНР «Изменение и дополнение обвинения» изменить и изложить в следующей редакции:

«Если в ходе предварительного следствия возникнет необходимость изменить предъявленное обвинение или дополнить его, следователь выносит согласованное с прокурором постановление о необходимости изменения или дополнения ранее предъявленного обвинения. В описательно-мотивировочной части постановления обосновывается необходимость изменения или дополнения ранее предъявленного обвинения. В резолютивной части постановления указывается констатация отмены действия ранее предъявленного обвинения и необходимости принятия решения об изменении или дополнении ранее предъявленного обвинения с учетом полученных новых доказательств по уголовному делу, которые являются основанием для принятия соответствующего решения.

Основаниями, влекущими за собой изменение обвинения, являются:

- 1) установление совершения обвиняемым новых эпизодов преступной деятельности, которые охватываются одним составом;
- 2) установление совершения обвиняемым иных эпизодов преступной деятельности, по которым обвинение было или не было предъявлено;
- 3) установление иного размера вреда, причиненного преступлением, который влияет на квалификацию преступления;
- 4) установление в ходе предварительного следствия иных, более точных данных об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу (время, место, способ и др.);
- 5) установление иной роли обвиняемого в совершении преступления;
- 6) установление дополнительных квалифицирующих признаков вмененного обвиняемому преступления (совершение преступления группой лиц, по предварительному сговору, из корыстных побуждений и др.);
- 7) выявление несоответствия примененной нормы уголовного закона фактическим действиям обвиняемого;

8) объединение в одном производстве нескольких уголовных дел в связи с совершением обвиняемым, нескольких преступлений по которым обвинение уже было ранее или не было предъявлено;

9) установление в ходе предварительного следствия иных доказательств или обстоятельств, обязывающих следователя изменить либо дополнить ранее предъявленное обвинение.

После этого, следователь обязан сформулировать новое обвинение в полном объеме, изложить его в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявить обвиняемому новое обвинение с соблюдением требований, установленных статьями 171 и 172 настоящего Кодекса и допросить его по новому обвинению.

Материалы по всем ранее предъявленным лицу обвинениям, в том числе ранее предъявленные лицу постановления и привлечении его в качестве обвиняемого, из уголовного дела не изымаются, а остаются в уголовном деле».

Часть вторую указанной статьи УПК РФ оставить без изменения.

4. Полагаем, что внесение в УПК РФ указанных изменений и конкретных оснований для изменения или дополнения ранее предъявленного обвинения, будет способствовать соблюдению прав как лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, так и потерпевших от преступлений, а также внесет определенность и ясность в деятельность лиц, уполномоченных законом на предъявление нового обвинения.

Указанные замечания и предложения не являются исчерпывающими, требуют дальнейшего научного исследования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/780291ec1777fd4e50e27106bea5925f70f298c7/ – (дата обращения 14.06.2024).
2. Гапотченко, Г.Н. Актуальные вопросы правовой регламентации привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовно-процессуальному законодательству Донецкой Народной Республики / Г.Н. Гапотченко // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: Материалы II Международной научно-практической конференции, 21-22 мая 2022 года, г. Донецк / отв. ред. к.ю.н., доцент С.Ю. Мироненко, – Донбасская юридическая академия. – Донецк, 2022. – 406 с. – С.82-89.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в редакции от 29.05.2024 г.). – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/9c0055b0210758105cac01789a12999ae05e7711/ – (дата обращения: 14.06.2024).

4. Сидоров, Ю.В. Изменение и дополнение обвинения в досудебном производстве по уголовным делам: вопросы и предложения по совершенствованию законодательства / Юрий Владимирович Сидоров // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – С.176-179.
5. Судебная статистика РФ по уголовным делам за 2023 год. Сайт Агентства Правовой Информации РФ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> – (дата обращения: 14.06.2024).

УДК 340.5; 378.016

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКИХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ У БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Гладких И.В., начальник отдела аспирантуры и докторантуры Донбасского государственного университета юстиции, аспирант 3-го курса Донецкого государственного университета (г. Донецк)
(e-mail: inna-burceva@mail.ru)

В статье сформулированы основные педагогические условия формирования риторических умений в процессе подготовки будущих юристов. Предложены подходы к реализации представленных педагогических условий, обосновано их решающее значение для целостного становления специалистов данной сферы деятельности.

***Ключевые слова:** риторика, педагогические условия, судебная речь, профессиональные знания, профессиональные умения и навыки.*

ON THE ISSUE OF PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF RHETORICAL SKILLS AND ABILITIES OF FUTURE LAWYERS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING

Gladkikh, I.V.

The article formulates the main pedagogical conditions for the formation of rhetorical skills in the process of training future lawyers. Approaches to the implementation of the presented pedagogical conditions are proposed, their crucial importance for the holistic formation of specialists in this field of activity is substantiated.

***Keywords:** rhetoric, pedagogical conditions, judicial speech, professional knowledge, professional skills and abilities.*

Актуальность темы исследования. Главенствующая роль права как регулятора общественных отношений в современном обществе неразрывно связана с повышением престижа профессии юриста. Углубленная подготовка будущих юридических кадров предусматривает не только безупречное знание законов, но и свободное владение юридической терминологией, умение её применять в деловом общении. Для того, чтобы уверенно отстаивать и защищать права и интересы человека и общества, слово юриста должно быть грамотным,

справедливым и крайне убедительным. Умение выступать публично не приходит само по себе. Этому навыку необходимо упорно учиться, овладевая приемами риторического искусства шаг за шагом. Важная роль здесь отводится юридической риторике, приобретающей на данном этапе современного общества особую актуальность хотя бы потому, что в судебном процессе именно умение квалифицированно убедить, виновен подсудимый или нет – прямая профессиональная обязанность юриста.

Анализ научных исследований. Различные аспекты педагогических условий формирования умений и навыков в процессе профессиональной подготовки рассматривались в трудах Е. Климова, О. Лебедевой, Н. Матвеевой, В. Андреева, М. Данилова, А. Леонтьева, Е. Руденского и др. А именно, часть исследователей придерживаются взглядов Е.А. Климова, подчёркивая значимость образовательной среды в становлении профессиональных качеств выпускников вузов, и таким образом полностью разделяют мнение о том, что убеждения, идеалы, мировоззрение, самооценка, самосознание будущего профессионала «характеризуются общественной обусловленностью и создаются за счет общественной среды образования» [6, С. 45]. Согласно же позиции О.В. Лебедевой, исследовавшей роль компетентностного подхода в гражданском образовании и обосновавшей целесообразность «гражданско-компетентностной модели образования», решающее значение в подготовке будущего профессионала отводится «компетентности социального выбора» и «компетентности социального действия» [7, С. 202]. Кроме того, Н. В. Матвеева считает, что определяющее место отводится исключительно практике, именно она определяет приобретение будущими профессионалами специфических компетенций, а также влияет на самореализацию студентов, обретение ими субъективно ценностного опыта будущей профессиональной деятельности [9, С. 27].

Однако отметим, что вопросам формирования риторических умений и навыков у будущих юристов внимание практически не уделялось, поэтому считаем необходимым детальнее остановиться на данном вопросе.

Цель статьи – проведение анализа педагогических условий формирования риторических умений и навыков у будущих юристов в процессе профессиональной подготовки.

Изложение основного материала. Перед современным высшим образованием стоит актуальная задача – повысить уровень профессиональной подготовки специалистов и создать такие педагогические условия, которые бы способствовали развитию компетентной, конкурентоспособной личности будущего специалиста на основе максимального учета индивидуальных особенностей. На основе изучения теоретических основ подготовки будущих юристов в риторической деятельности, раскрытия сущности и показателей риторических умений и критериев, предлагаем выделить основные педагогические условия, влияющие на формирование данного навыка.

Для определения педагогических условий в целом мы использовали накопленные в педагогической практике варианты выделения условий в различных аспектах решения проблем обучения личности и проблем профессиональной подготовки (управление образовательным процессом, повышение качества обучения и воспитания и т.д.).

Несмотря на то, что предметом большинства педагогических исследований выступают педагогические условия реализации определенных процессов, в современной науке существуют некоторые расхождения в толковании самого понятия «педагогические условия». Поэтому считаем целесообразным определить собственное видение сущности этого понятия.

В лексическом плане под понятием «условие» понимаются необходимые обстоятельства, способствующие чему-либо; обстоятельства, особенности объективной действительности, при которых осуществляются определённые изменения.

В справочной философской литературе «условие» рассматривается как философская категория, выражающая отношение предмета и окружающих явлений, без которых предмет существовать не может. При этом он сам выступает как нечто предопределенное, а условие – как относительно внешнее к предмету разнообразие объективного мира. В отличие от причины, порождающей то или иное явление или процесс, непосредственное условие составляет ту самую среду, обстановку, в которой последние возникают и развиваются [1, С. 703].

Таким образом, условия – это то, от чего зависит что-то другое (предопределенное); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояния, взаимодействия), из которого вытекает необходимость существования этого явления. Весь этот комплекс в целом называют достаточными условиями явления. Если из всего возможного набора достаточных условий отобрать общие, получим необходимые условия, то есть условия, которые важно учитывать всякий раз, когда имеет место конкретное явление. Полный набор необходимых условий, из которых нельзя исключить ни одного компонента, не нарушая предопределенность, и к которым невозможно добавить ничего лишнего, называют необходимыми и достаточными условиями. Условие является необходимым обстоятельством, которое дает возможность осуществления, создания и образования чего-либо или способствует чему-либо.

Под педагогическими же условиями многие исследователи (В. Андреев [2], М. Данилов [3], Е. Руденский [4]) понимают совокупность объективных возможностей, обстоятельств и мер, сопровождающих образовательный процесс, которые определенным образом структурированы и направлены на достижение цели. По определению исследователя А. Роскошного, условия – обстоятельства, от которых зависит наличие или изменение чего-то другого, что обусловлено ими [4]. Педагогические условия – это необходимые и достаточные обстоятельства, от которых зависит эффективность обучающего процесса.

Педагогическое условие чаще всего определяют как обстоятельство педагогического процесса, выступающее результатом целенаправленного отбора,

конструирования и использования элементов содержания, методов (приемов), а также организованных форм обучения для достижения поставленных целей.

На основе анализа научной литературы [3; 4] мы под педагогическими условиями понимаем совокупность обстоятельств, средств и мер, которые обеспечивают эффективность формирования риторических умений в процессе профессиональной подготовки.

Все факторы, влияющие на учебный процесс, можно поделить на две группы: внешние и внутренние [3]. К внешним факторам относим организацию учебно-воспитательного процесса в вузе, содержание учебного материала, межличностные взаимодействия.

Организация учебно-воспитательного процесса в вузе состоит из форм и методов обучения, преподавания учебных дисциплин с учетом профессионального направления, технического обеспечения учебно-воспитательного процесса и т. д. Содержание учебного материала у правоведов базируется на актуальности развития правового государства и реформирования правосудия, научной новизне, теоретической и практической значимости для дальнейшей правозащитной деятельности. Межличностные взаимодействия подразумевают взаимодействие: преподаватель-студент и учебная группа-преподаватель.

К внутренним факторам можно отнести профессиональную и познавательную мотивацию, потребность в самосовершенствовании; наклонности; предпочтения; способности; заинтересованность в знаниях, в своем профессиональном становлении [3]. Педагогические условия являются проявлением как внешних, так и внутренних факторов [5]. На основе экспертных оценок определена совокупность педагогических условий, способствующих эффективности учебно-воспитательного процесса в юридических вузах, а именно: рассмотрение риторики как фактора успешности профессиональной деятельности будущего юриста как работника сферы правосудия в содержании теоретической подготовки; целенаправленная подготовка будущих юристов к овладению риторическими умениями с использованием спецкурса, разнообразных форм учебной деятельности; приобретение профессионального опыта по использованию риторики как средства воздействия, убеждения слушателей – участников судебного процесса; творческая реализация в организации учебно-воспитательного процесса профессионально-ориентированных задач, направленных на развитие интереса у будущих юристов к профессиональной деятельности.

Анализируя вышеперечисленные педагогические условия, остановим свое внимание на тех, которые можно создать для формирования риторических умений у будущих юристов в процессе профессиональной подготовки. Их выбор базируется на следующих критериях: логико-мыслительный, лингвистически-речевой, коммуникативно-убедительный. На основе этих критериев, исходя из сущности психолого-педагогических, общеправовых, специальных, риторических умений мы определили педагогические условия, которые

обеспечат процесс их формирования в юридических вузах. Эти педагогические условия следует определять как оптимальные.

Логически обосновывая выбор первого педагогического условия – отражения риторики как фактора успешности профессиональной деятельности будущего юриста в содержании теоретической подготовки – следует исходить из того, что обучение – это процесс, который зависит от активности студента в овладении определенными знаниями об определении предмета (в нашем случае, предметом выступает риторика, как деятельность, представленная в содержании учебной дисциплины). Если предмет (риторическая деятельность) не представлен в содержании учебной дисциплины, то студенту нечего познавать, то есть усваивать как знание. Учеными [6; 8] доказано, что познавательный интерес повышает продуктивность усвоения знаний, умений, придает познавательной деятельности целенаправленный характер. Знания, которые усвоены с интересом, повышают жизненный тонус, обладают большей прочностью и углубленностью, побуждают к самостоятельности и творческому подходу в работе. Познавательный интерес – это выборочное отношение к специальным дисциплинам и профессионально-учебной деятельности, проявляющееся в активном, целенаправленном стремлении студентов к приобретению новых знаний, которые связаны с интересной для них отраслью деятельности [7]. Ведь специальное обучение юриста, работника правосудия определяется имеющимися знаниями, совокупностью соответствующих профессиональных умений. Профессиональные знания – это профессионально важная информация, ставшая достоянием сознания (в том числе памяти) специалиста. Опираясь на знания, профессионал ориентируется в жизни, правовой сфере, планирует решение стоящих перед ним задач, обдумывает пути выполнения служебных функций, изучает возникшие проблемы, намечает цели и пути их решения, готовит решения, выбирает способы действия, контролирует и оценивает свое поведение. Чем глубже и основательнее он понимает все это, тем выше его профессионализм, тем успешнее его юридическая (судейская) деятельность. В ситуациях конфронтации, борьбы с преступником специалист побеждает, если он много знает, глубоко понимает все аспекты дела.

При обосновании второго педагогического условия – целенаправленной подготовки будущих юристов к овладению риторическими умениями с использованием спецкурса, разнообразных форм учебной деятельности – следует исходить из того, что проведение анализа и оценка судебных речей, построение судебной речи (защитной и обвинительной) предполагают наличие знаний композиции (структуры) речи и требуют определенной подготовки (сбор, анализ, систематизация материалов, письменная подготовка речи). Приобретение этих умений предопределяет необходимость организации, например, спецкурса «Искусство судебной речи». Разрабатывая подобные факультативы, необходимо непременно учитывать личностные качества студента. В этом случае процесс обучения рассматривается как сугубо индивидуальный и предполагает использование самых разнообразных форм,

методов обучения и способов деятельности студентов с учетом их личностных качеств.

При обосновании третьего педагогического условия (приобретение профессионального опыта по использованию риторики как средства воздействия, убеждения слушателей – участников судебного процесса) логическим аргументом выступает тезис о том, что знание само по себе не является гарантией того, что человек использует его в своей практической деятельности. Сочетание теоретических знаний и практических умений, полученных в аудитории, с реалиями практической деятельности является основной необходимой предпосылкой формирования риторических умений у будущих юристов на высоком уровне. Для достижения такого результата важно, чтобы знание о предмете (риторической деятельности) приобрело определенный смысл для того, кто им владеет, то есть стало личностно значимым умением. Возможности и успехи личности в работе и жизни определяются не только тем, к чему человек стремится, но и тем, чем он обладает для реализации своих устремлений, как он может работать и воплотить их в жизнь. Следовательно, убедить человека возможно лишь на личном опыте. Переживая результаты своего опыта, студент осмысливает (то есть внутренне оценивает) значимость риторической деятельности и переводит ее из плана теоретических знаний в план практических действий [8].

Логически обосновывая выбор четвертого педагогического условия – творческой реализации в организации учебно-воспитательного процесса профессионально-ориентированных задач, направленных на развитие интереса у будущих юристов к юридической деятельности – следует опираться на то, чтобы студенты непременно проникались проблемой, вникали в определенную ситуацию, брали на себя соответствующую роль, которая способствовала бы развитию и укреплению нужных риторических умений и требовала бы конкретного их применения. Познавательный интерес стимулирует умственную деятельность, повышает интенсивность умственного труда, мобилизует внимание, и все это, в конечном итоге, приводит к улучшению качества усвоения знаний, их обновлению и углублению. С психологической точки зрения познавательный интерес обуславливает длительное состояние удовлетворения учебной деятельностью, побуждает к творчеству, активному усвоению учебного материала. Практическая проработка судебных речей побуждает студентов к приобретению профессиональных и риторических умений и служит образцом для составления процессуальных документов.

Во время овладения студентами основами риторических умений у них формируется особый стиль мышления, который способствует выработке у будущих юристов следующих умений и навыков: четко определять конечный результат судебной речи на судебном заседании; тщательно анализировать исходные условия (аргументировать факты, действия или противодействия); правильно строить судебную речь (обвинительную, защитную).

Студенты, как будущие профессионалы – работники правосудия, должны понимать необходимость в освоении этой части знаний. Данная потребность выражается в понимании значения риторических умений у работников правосудия, что, в свою очередь, повысит мотивацию процесса обучения, обеспечив в конечном итоге достижение поставленной цели.

Выводы. Итак, основная сущность проблемы формирования личности профессионала – будущего юриста рассматривалась, исходя из двух аспектов:

– «личность проявляется в профессии», то есть в процессе выбора и овладения профессией, профессионального совершенствования, определения своего места в обществе, приобретения материальных и духовных ценностей, удовлетворения необходимых познавательных интересов;

– «развитие личности в деятельности», то есть формирование профессионально ориентированных качеств человека, расширение сферы познания окружающего мира и его сущностного содержания, развитие форм и содержания предмета общения происходит в процессе освоения и осуществления деятельности.

Таким образом, в современном мире обладание риторическими умениями и навыками является крайне важным для успешной профессиональной деятельности, особенно для будущих юристов. Педагогические условия формирования данных умений и навыков играют ключевую роль в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции.

Список литературы

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова; [науч. редакторы-сост.: П.П. Апрышко, А.П. Поляков, Ю.Н. Солодухин]. – Изд. 8-е, дораб. и доп. – М.: Современник, 2009. – 845 с.
2. Андреев, В.И. Деловая риторика. (Практический курс делового общения и ораторского мастерства) / В.И. Андреев. – М.: Народное образование, 2015. – 208 с.
3. Данилов, М.А. Процесс обучения / М.А. Данилов // Основы дидактики / Акад. пед. наук. Ин-т теории и истории педагогики; под ред. д-ра пед. наук проф. Б.П. Есипова. – М.: Просвещение, 1967. – 472 с.
4. Руденский, Е.В. Социальная психология: курс лекций / Е.В. Руденский. – М.: ИНФРА. – М.; Новосибирск : НТАЭиУ, 2018. – 224 с.
5. Платонов, К.К. Краткий словарь системы психологических понятий / К.К. Платонов. – М.: Высшая школа, 1984. – 174 с.
6. Климов, Е.А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд) : учебное пособие, – М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2003. – 320 с.
7. Лебедева, О.В. Гражданское образование в России (историко-педагогическое) / О.В. Лебедева. – М., 2004. – С. 178.
8. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

9. Матвеева, Н.В. Значение и методика организации производственной практики для студентов гражданско-правовой специализации // Вопросы учебно-методической работы в юридическом вузе. – Вологда : Вологодский ЦНТИ, 2008. – 103 с.
10. Михалкин, Н.В. Риторика для юристов : учебник для вузов / Н.В. Михалкин, С. С. Антюшин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 322 с.– (Высшее образование). – ISBN 978-5-9916-9772-9. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/535591> – (дата обращения: 03.07.2024).
11. Руденский, Е.В. Социальная психология: курс лекций / Е.В. Руденский. – М.: ИНФРА. – М.; Новосибирск : НТАЭиУ, 2018. – 224 с.

УДК 340.695; 368.8

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Мазина Н.Е., кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой служебной психологии, социально-гуманитарных и специальных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: mazina_nataliya@mail.ru)

Бабаханян Д.А., магистрант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: dianabofficial@mail.ru)

Статья посвящена анализу существующей нормативно-правовой базы и доктрины в области страхования профессиональной ответственности врачей за вред, причиненный жизни и здоровью пациентов в результате выполнения должностных обязанностей. Рассматриваются основные проблемы правового регулирования страхования профессиональной ответственности медицинских работников в РФ, предлагаются способы их решения. По итогу исследования обосновывается необходимость законодательного закрепления обязанности по страхованию профессиональной ответственности медицинских сотрудников.

Ключевые слова: *страхование профессиональной ответственности, здравоохранение, медицинские работники, правовое регулирование, страховщик, страхователи.*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INSURANCE OF PROFESSIONAL LIABILITY OF MEDICAL WORKERS

Mazina, N.E., Babakhanian, D.A.

The article is devoted to the analysis of the existing regulatory framework and doctrine in the field of insurance of professional liability of doctors for harm caused to the life and health of patients because of performing official duties. The main problems of legal regulation of professional liability insurance for medical workers in the Russian Federation are considered, and ways to solve them are proposed. Based on the results of the study, the need for legislative consolidation of the obligation to insure the professional responsibility of medical staff is justified.

Keywords: *professional liability insurance, healthcare, medical workers, legal regulation, insurer, policyholders.*

Актуальность темы исследования. Риски сопровождают многие сферы профессиональной деятельности, и возникают они как для работника, так и для лица, пользующегося теми или иными услугами. Физические и юридические лица, выполняющие свои должностные обязанности, могут посредством страхования профессиональной ответственности защитить себя от возможных финансовых претензий. Обращение к данному виду страхования особенно важно в таких сферах, как медицина, юриспруденция, строительство, архитектура, оценочная деятельность и др. [10, С. 192].

Анализ научных исследований. Проблемы правового регулирования страхования профессиональной ответственности медицинских работников и страхового обеспечения профессиональных рисков при предоставлении медицинских услуг освещены в работах таких отечественных ученых, как О.В. Аверьянова, Т.А. Белоусова, Л.В. Бесфамильная, С.Б. Богоявленский, Б.М. Болдырев, А.В. Воропаев, И.В. Воропаева, А.В. Завражский, В.Н. Дадьков, М.И. Коробов, Е.Г. Князева, О.Ю. Красильников, М.М. Токуев, Ж.В. Писаренко, О.Н. Сусякова, Ю.А. Тарасова, Ю.С. Исаев и др.

В своих исследованиях А.В. Воропаев, И.В. Воропаева и Ю.С. Исаев делают акцент на том, что в медицинской профессиональной деятельности существует ряд специальностей с повышенным риском неблагоприятного исхода лечения (анестезиологи, хирурги, травматологи, акушеры-гинекологи, стоматологи и т.д.), и представители этих направлений заинтересованы в формировании эффективных механизмов правовой защиты своей профессиональной деятельности, одним из которых является страхование профессиональной ответственности врача.

А.В. Завражский обращает внимание на отсутствие прозрачной и справедливой модели оценки вреда для выплаты компенсации пострадавшим и рассматривает данный факт как существенный недостаток действующей системы взаимоотношений между медицинским сообществом и пациентами [5; 6]. Исследователь отмечает, что «несмотря на возрастающую угрозу привлечения к ответственности за врачебную ошибку, использование страховых инструментов для защиты медицинского сообщества пока так и не получило широкого внедрения» [6, С. 82].

В своих работах О.Ю. Красильников рассматривает основные виды рисков, врачебных ошибок, а также типов страхователей и делает вывод о большом потенциале развития данного вида страхования и недостаточности его развития, что особенно остро проявилось в период пандемии коронавируса [3; 4].

О.В. Аверьянова, М.И. Коробов отмечают, что на сегодняшний день медицинская деятельность представляет собой особый объект правового регулирования, а значительное количество реформ в сфере здравоохранения, сделало медицинское право реальным явлением в правовой науке. С учетом проводимых реформ, вопрос об изучении мер обеспечения в области профессиональной ответственности медицинской деятельности стоит особенно остро [2]. В частности, п.7 ст. 72 Федерального закона «Об основах охраны

здоровья граждан в Российской Федерации» в качестве одного из прав медицинских и фармацевтических работников рассматривает страхование риска своей профессиональной ответственности [1]. Исследователи отмечают, что страхование профессиональной ответственности медицинских работников в Российской Федерации, является новой и недостаточно изученной страховой услугой, для эффективного использования которой необходимо совершенствование и внедрение новых механизмов регулирования в здравоохранении [2].

Следует отметить: несмотря на достаточное количество работ в области изучения особенностей страхования профессиональной ответственности медицинских работников, данная проблема исследована фрагментарно, и недостаточно представлена в научном и правовом дискурсе.

Цель статьи. Цель исследования – обобщение теоретических знаний в вопросе страхования профессиональной ответственности медицинских работников, формирование предложений по совершенствованию законодательства в этой сфере и решению выявленных проблем.

Изложение основного материала. В наше время вопрос о страховом обеспечении профессиональных рисков врачей и медработников становится все более острым. Работа в области здравоохранения связана с высокими рисками, и врачебные ошибки могут привести к непоправимым последствиям для здоровья пациентов. Сам же процесс формирования и развития страхования медицинской деятельности тесно переплетается с правовыми традициями каждой отдельной страны [5, С. 80]. Начиная с XX века, на Западе стали активно реализовывать механизм страхования риска профессиональной ответственности врачей [16, С. 250]. В этот период отмечалась тенденция к увеличению числа и объема требований, которые пациенты предъявляли к медицинским работникам и учреждениям, тем самым отражая растущую осведомленность и активность пациентов в защите своих прав [6, С. 80].

Социологические исследования и опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что с врачебными ошибками сталкивался каждый второй опрошенный россиянин. Из них 32 % респондентов заявило, что лично пострадали из-за врачебной халатности, 19 % опрошенных подтвердили наличие подобных случаев, которые произошли с членами их семьи, 10 % отметили, что жертвами врачебной ошибки стали и они, и члены их семей [4, С. 78].

Всемирная организация здравоохранения оценивает количество пациентов, подвергшихся медицинским ошибкам, в 10-12% от общего числа госпитализированных. Наибольшее число судебных исков к представителям медицинской сферы предъявляется в США. Проведенное Американской медицинской ассоциацией исследование показало, что даже наиболее опытные и квалифицированные врачи в США не застрахованы от предъявления к ним исковых требований. Согласно отчету 2022 года, каждый третий медицинский специалист в какой-то момент своей карьеры сталкивался с подобными претензиями, что подтверждается на официальном сайте Ассоциации. Это

обосновывает важность законодательного регулирования страхования профессиональной ответственности в медицине [8].

Данный вид страхования уникален тем, что основаниями для наступления страхового случая являются не случайные внешние события, а квалификация и действия медицинского персонала. В отличие от обычных видов страховых рисков, таких, как природные катастрофы или посторонние вмешательства, здесь ключевым элементом выступает уровень профессиональной подготовки медицинских работников и индивидуальные особенности пациентов. Профессиональная ответственность медиков подразумевает, что даже безупречное выполнение сотрудниками своих обязанностей может привести к ухудшению здоровья пациента, вплоть до угрозы жизни. В таких случаях возможно возникновение ситуаций, когда врачу будет предъявлено требование о возмещении морального и физического ущерба.

Медицинское страхование распространяет защиту от профессиональных рисков на организации здравоохранения, в числе которых:

1. Медицинские учреждения широкого спектра лечебных услуг;
2. Частные клиники и частные практикующие доктора;
3. Специалисты разнообразных медицинских направлений (фельдшеры, медсестры, санитары, а также лаборанты и другие квалифицированные эксперты) [4, С. 79-80].

Предметом защиты в рамках профессионального страхования выступает ответственность медицинского персонала по отношению к пациентам. Связано это со значительным риском причинения вреда здоровью пациентов вследствие некорректных медицинских действий, ошибочных решений лечащих врачей, а также неточностей в ходе осуществления диагностических и лечебных процедур.

Страховые случаи в медицинской сфере могут наступать по ряду причин, в частности:

- оказание услуг несоответствующего качества, способных привести к ухудшению здоровья пациентов;
- причинение жизни или здоровью пациентов вреда из-за оказываемых на них опасных факторов, таких как использование радиации в лечении, побочные реакции на медикаменты;
- ошибки в установлении диагноза или при выборе методики лечения;
- невнимательность медицинского персонала при назначении лекарств;
- задержки в оформлении медицинских документов, таких как выписки из больницы или больничные листы;
- неправильное применение медицинского оборудования;
- действия, ведущие к серьезным последствиям для здоровья пациентов, включая инвалидность или летальный исход [4, С. 81].

Такой страховой полис обладает гибкостью, и для обеспечения всесторонней защиты может охватывать от одного до множества рисков в соответствии с предпочтениями страхователя. В случае, если медицинский работник обладает страховкой профессиональной ответственности, страховая

организация покрывает ущерб, причиненный пациенту, включая возмещение утраченного дохода и дополнительные издержки, связанные с ухудшением здоровья, такие как медицинское обслуживание, приобретение медикаментов, протезирование, специальное питание, услуги по уходу, траты на транспорт, переквалификацию. Также страховщиком покрываются расходы на похороны, затраты на выяснение обстоятельств страхового случая и срочные меры по минимизации нанесенного пациенту ущерба, судебные издержки до лимита (предела) ответственности, установленного в страховом договоре. В большинстве случаев, а это около 90 %, пациенты требуют компенсацию за моральный ущерб.

Имеет место тенденция, что на фоне снижения количества обращений в правоохранительные органы, связанных с ятрогенными преступлениями (2021 г. – 6248 обращений; 2022 г. – 5747 обращений; 2023 г. – 4431), существенно выросло количество уголовных дел, возбужденных по результатам проверок (с 1860 дел в 2022 г., до 2332 в 2023 г.). Среди факторов, ведущих к минимизации уголовного преследования медицинских работников, следует рассматривать страхование профессиональной ответственности данной категории работников.

Если обращаться к статистическим данным, то ежегодно в Российской Федерации пациентами, недовольными качеством оказанных услуг, подается более 4000 исков к медицинским учреждениям. Из них около 60% судебных решений принимается в пользу пациентов. Однако, по причине отсутствия у организации страхования профессиональной ответственности, а также средств на возмещение ущерба, процесс получения пациентом денежной компенсации затягивается на неопределенный срок. Введение обязательного страхования для медицинских специалистов является ключевым шагом к усилению защиты пациентов, т.к. данная мера не только будет способствовать обеспечению компенсации за вред, причиненный здоровью из-за врачебных ошибок, но и предоставит медикам необходимую защиту от правовых последствий, связанных с их профессиональной деятельностью. Заметим, что данная мера важна для обеих сторон в процессе предоставления медицинских услуг и оказания медицинской помощи [9].

Вопрос о страховом обеспечении ответственности врачей и медперсонала обсуждается российским законодателем уже более 14 лет, однако до сих пор этот вид страхования не получил статуса обязательного. В 2010 году Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации разработало и опубликовало на своем сайте законопроект «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами». Его целью являлось создание в России эффективного механизма компенсации вреда, причиненного при оказании медицинской помощи, путем возложения на медицинские учреждения обязанности по оформлению своей профессиональной ответственности.

Согласно предложенному законопроекту, за врачебную ошибку отвечает страховая компания, а не медицинская организация. Однако из-за серьезных недостатков проект так и не был принят в качестве закона. По словам депутата Государственной Думы и бывшего зампреда Комитета по здравоохранению Колесникова С.И., экспертное мнение по вопросу задержки принятия данного законопроекта в качестве закона основывается на нехватке бюджетных средств, необходимых государственным медицинским учреждениям для его реализации. Страхование от профессиональных ошибок преимущественно распространено среди частных клиник, и даже среди них не все обращаются к такому способу защиты. Многие коммерческие медицинские центры страхуют таким образом наиболее подверженные рискам направления своей деятельности, например, пластическую хирургию, гинекологию и стоматологию [12].

На сегодняшний день медицинские специалисты и фармацевтический персонал имеют возможность заключать договоры на добровольное страхование своей профессиональной ответственности, что предусмотрено п. 7 ч. 1 ст. 72 Федерального закона РФ № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Но, несмотря на это, законом не устанавливается порядок и правила такого страхования [1].

В общем виде страхование профессиональной ответственности медицинского работника предполагает наличие у него страхового полиса, по которому страховая компания предоставляет следующие гарантии:

1. Общение с пострадавшим. В случае медицинской ошибки страховщик берет на себя задачу взаимодействия с пациентом. Коммуникация с пациентом включает обсуждение обстоятельств случая, сбор необходимой документации и другой информации, которая может быть необходима для оценки страхового случая.

2. Компенсацию понесенного пациентом по вине врача ущерба здоровью и угрозы жизни в период действия страхового полиса. Это охватывает оплату медицинских расходов, компенсацию за утрату дохода, а также компенсацию за моральный ущерб.

3. Проведение независимой медицинской экспертизы для установления факта причинения вреда пациенту из-за врачебной ошибки.

4. Защиту интересов медицинского работника в суде. Если дело доходит до суда, страховая компания может представлять интересы врача и обеспечивать его юридическую защиту.

Сторонами в соглашении определяется величина страхового покрытия (лимит ответственности), которая является важным фактором, оказывающим влияние на размер страховых премий и выплат. Это означает, что страховая выплата не может превосходить данный лимит [4, С. 81].

Стоимость страхования в области здравоохранения устанавливается с учетом количества медицинского персонала и специфики работы медицинской организации. Наиболее рисковыми и, следовательно, дорогими для страхования являются такие области, как хирургия, стоматология, акушерство и гинекология.

Как правило, для медицинского учреждения устанавливаются лимиты ответственности в размере 15-20 млн рублей в год, однако только 10-20 % лечебных заведений оформляют такое страхование [11].

Любой медицинский работник, независимо от профиля и занимаемой должности, может заключить договор страхования профессиональной ответственности напрямую со страховщиком. Такую возможность предлагает в том числе страховая компания «Ингосстрах», являющаяся одной из крупнейших в России. Максимальная сумма выплат, которую можно получить по такой страховке, составляет 2 миллиона рублей, а её стоимость – до 15 тысяч рублей в год. Пациенту или его близким выплата осуществляется в течение 15 рабочих дней после того, как страховщику поступает заявление на страховое возмещение и все требуемые к нему документы. На 2022 год таким образом в «Ингосстрахе» застраховали свою профессиональную ответственность более 35000 врачей [15]. Кроме крупного «Ингосстраха», данный вид страхования для медицинских учреждений и их специалистов осуществляют такие страховые компании, как «РЕСО-Гарантия», «ВСК», «Ренессанс страхование», «СОГАЗ» и «Макс».

Страхование от медицинских ошибок позволяет пациентам рассчитывать на компенсацию, а врачам совершать все возможные действия и принимать на себя дополнительные риски, направленные на спасение жизни пациента. Такой механизм дает медицинским работникам стимул прикладывать максимальные усилия для оказания помощи человеку, невзирая на риск неудачи. Заметим, что в российском праве присутствует ряд препятствий для законодательного закрепления обязательного страхования медицинской ответственности. Во-первых, помимо финансовой составляющей, отсутствует законодательное закрепление ряда понятий, а именно: «врачебная ошибка», «врачебная небрежность» и «врачебная халатность». Для каждой категории предусматриваются различные меры ответственности, устанавливаемые судом, вплоть до лишения свободы. Так, врачебная халатность может повлечь за собой уголовную ответственность по ст. 293 УК РФ, в то время как врачебная ошибка и врачебная небрежность могут рассматриваться как проявление халатности и, тем самым, охватываться нормами той же ст. 293 УК, так и в рамках гражданско-правового иска. Важно и то, что ответчиком по гражданскому иску чаще всего выступает медицинская организация, в то время как уголовная ответственность за халатность наступает для конкретного медицинского сотрудника.

Помимо этого, пациентам часто приходится сталкиваться с трудностями при попытках обязать медицинские учреждения компенсировать ущерб в рамках гражданского процесса. Для успешного результата по иску необходимо наличие следующих условий:

- противоправного поведения лица, нарушившего законодательную или договорную норму;
- причиненного вреда;
- прямой связи между противоправным актом ответчика и возникшими отрицательными последствиями;

– вины правонарушителя.

Следовательно, не во всех случаях возможно доказать наличие причинно-следственной связи. Для того, чтобы требование было удовлетворено полностью или частично, проводится медицинская экспертиза. Она может проводиться как по инициативе суда, так и истца до начала судебного разбирательства. В ходе экспертизы анализируется, имеется ли связь между действиями медицинского учреждения и ухудшением здоровья пациента. Результаты экспертизы служат основанием для принятия того или иного судебного решения. Если экспертиза не подтвердит наличие такой связи, то суд не сможет удовлетворить заявленные истцом требования. Что же касается уголовных производств по ст. 293 УК РФ «Халатность», то в действительности их количество ограничено. Зачастую это объясняется нежеланием медперсонала давать показания против своих коллег и признавать существование медицинской ошибки [16, С. 251].

В современном мире, ввиду наличия строгой системы контроля качества медицинских услуг, во многих странах врачи редко сталкиваются с уголовным преследованием. Чаще всего они лишаются права или лицензии на осуществление медицинской практики, что неизбежно приводит к завершению их профессионального пути. Именно возможность такого риска, а также высокая стоимость страхового полиса подталкивает медицинских специалистов к более осознанному или ответственному исполнению своих должностных обязанностей [5, С. 82]. Но, несмотря на это, избежать ошибок в медицинской практике при наличии «человеческого фактора» не всегда возможно, поэтому страхование становится незаменимым инструментом защиты от подобных инцидентов [13].

Однако имеются и иные барьеры, которые сдерживают развитие системы страхования профессиональной ответственности в сфере здравоохранения. Как было указано ранее, бюджетные учреждения на данный момент не располагают достаточными средствами для страхования медицинской ответственности своих работников. Такие договоры могут заключать только самоокупаемые лечебные учреждения, частнопрактикующие врачи или же те государственные клиники, которые обладают хозрасчетными подразделениями [14]. По данным на 2024 год, процент частных клиник (от 70 до 90 %) в регионах России значительно превалирует процент государственных медицинских учреждений (от 10 до 30 %) [9]. С одной стороны, это позволяет предположить, что доля медицинских учреждений и медицинских работников, которые застраховали риск своей профессиональной ответственности, увеличилась, но с другой стороны, увеличение количества частных клиник не является показателем увеличения доступности и качества предоставляемых медицинских услуг для населения. Деятельность частных клиник направлена на извлечение прибыли, что сказывается на качестве и стоимости предоставляемых ими медицинских услуг. Ввиду того, что не все граждане могут воспользоваться дорогостоящим лечением, усугубляется проблема социального неравенства в здравоохранении. Кроме того, высокая стоимость оказываемых медицинских услуг еще не является

гарантией защищенности пациента от врачебных ошибок, халатности и неблагоприятных последствий для его здоровья. Введение обязательного страхования профессиональной ответственности медицинских работников могло бы упростить процедуру возмещения ущерба для пациентов и сократить количество судебных дел.

С учетом данных обстоятельств, возникает потребность в поддержке со стороны государства бюджетных медицинских учреждений, которая может быть реализовано через:

– выделение из государственного бюджета дополнительных финансовых средств медицинским организациям для обеспечения оплаты страховых взносов, связанных со страхованием профессиональной ответственности медперсонала (в виде напрямую предоставляемых субсидий или грантов);

– сотрудничество с российскими страховщиками и разработку отдельных программ по страхованию ответственности врачей-бюджетников. Работа в этом направлении может выражаться в предоставлении различных льгот, в частности, понижении тарифов страховых взносов для государственных клиник, а также их специалистов;

– утверждение порядка выплаты государством компенсаций напрямую лицам, пострадавшим от медицинского вмешательства в бюджетных лечебных учреждениях (в случае, если результаты медицинской экспертизы подтвердили, что действия или бездействие медицинского работника привели к ущербу для здоровья или даже смерти пациента, а также принято соответствующее решение суда).

Что касается уплаты страховых взносов хозяйственными организациями, то предлагается исключение сумм этих взносов из налогооблагаемой массы. Это также может послужить стимулом к развитию страхования профессиональной ответственности в медицинской сфере. Изначальный убыток государства из-за уменьшения налоговых поступлений от медучреждений будет нивелирован за счет увеличения налоговых отчислений от страховых компаний, благодаря росту их доходов от взносов и расширению объема страхового покрытия. Практика зарубежных государств подтверждает, что такая мера значительно стимулирует страховую активность.

Также можно рассмотреть возможность законодательного закрепления личной обязанности медицинских работников, в частности – врачей, по страхованию профессиональной ответственности. Поскольку ущерб пациенту может быть причинен именно из-за некомпетентности или халатности медицинского работника, то целесообразно включение в трудовой договор при приеме на работу условия о страховании профессиональной ответственности за свой счет или об отчислении из заработной платы определенных сумм, которые будут направлены на уплату страховых взносов. Однако следует отметить, что внедрение этих способов может навлечь дополнительную финансовую нагрузку на медицинских работников и, тем самым, ухудшить их материальное положение. Ввиду этого руководителям медицинских учреждений необходимо

принимать подобные решения с учетом интересов всех заинтересованных сторон [14].

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что сфера медицины так или иначе сопряжена с рисками как для пациентов, так и для медицинских работников. Все отмеченные нами моменты подтверждают уязвимое положение потребителей медицинских услуг и подчеркивают важность государственной поддержки страхования профессиональной ответственности медиков. Основные результаты исследования доказывают важность законодательного закрепления обязательного страхования в данной области. Создание такой системы обеспечит уверенность пациентов в том, что в случае совершения медицинской ошибки финансовая ответственность будет возложена на медработника, медицинскую организацию или даже государство. Вместе с тем, врачи смогут сосредоточиться на принятии жизненно важных решений для сохранения здоровья пациентов, не беспокоясь о возможности судебного разбирательства.

Выводы. Таким образом, вопрос о закреплении обязательного страхования рисков медицинской деятельности является одной из наиболее актуальных проблем в здравоохранении РФ. Это обусловлено необходимостью усиления правовой и социальной защиты, как пациентов, так и медиков. Совершенствование правового регулирования в вопросе страхования профессиональной ответственности медицинских работников особенно важно для наиболее рискованных областей медицины, среди которых хирургия, акушерство и гинекология, стоматология, реаниматология, анестезиология. Однако, независимо от области предоставления медицинских услуг, медицины, правовая защита необходима каждому медицинскому работнику, поскольку она создает гарантии в случае предъявления исковых требований со стороны пострадавших лиц.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. (ред. от 03.08.2018) // КонсультантПлюс: Законодательство. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ – (дата обращения: 10.05.2024).
2. Аверьянова, О.В. Некоторые проблемы правового регулирования страхования профессиональной ответственности медицинских работников / О.В. Аверьянова, М.И. Коробов // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2019. – Т. 38. – № 3. – С.168-172.
3. Воропаев, А.В. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников / А.В. Воропаев, И.В. Воропаева, Ю.С. Исаев // Сибирский медицинский журнал. – 2006. – № 2. – С. 104-106.
4. Гзогян, С.А. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников / С.А. Гзогян, Н.М. Саргсян, О.Н. Сусякова // Инновационная

- экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – №. 8 (34). – С. 78-83.
5. Завражский, А.В. Анализ отечественного и зарубежного опыта страхования профессиональной ответственности медицинских работников / А.В. Завражский // Финансы и управление. – 2019. – №. 1. – С. 79-90.
 6. Завражский, А.В. Комплексное страхование рисков профессиональной медицинской ответственности / А.В. Завражский // Проблемы анализа риска. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С.82-89.
 7. Красильников, О.Ю. Риски страхования профессиональной ответственности медицинских работников / О.Ю. Красильников / Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. – 2021. – № 6. – С. 250-253.
 8. Медвестник. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Tret-vrachei-v-SShA-stalkivautsya-s-sudebnymi-iskami-v-techenie-karery.html> – (дата обращения: 10.05.2024).
 9. Соотношение частных и государственных клиник. – URL: <https://statprivat.ru/okfs?r=2> – (дата обращения: 10.05.2024).
 10. Страхование : учебник / [Е.Г. Князева, О.А. Бойтуш, Т.Д. Одинокова, Е.А. Разумовская, Л.И. Юзвович, Ю.Т. Ахвледиани]; под общ. ред. Е.Г. Князевой; М-во науки и высшего обр. Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 241 с.
 11. Страхование от врачебных ошибок перед операцией. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/ask/oshibka/> – (дата обращения: 10.05.2024).
 12. Страхование врачебных рисков: нужен закон. – URL: <http://miz.altai.ru/edit/main/22/71/> – (дата обращения: 10.05.2024).
 13. Страхование профессиональной ответственности врачей: норма в развитых странах, но редкость в России. – URL: <https://dzen.ru/a/W2r1jpleDwCt0V-X> – (дата обращения: 10.05.2024).
 14. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников в России: сущность и проблемы развития. – URL: https://community.akusherstvo.ru/articles/medicinskoe_strahovanie/strahovanie_professionalnoj_otvetstvennosti_medicinskih_rabotnikov_v_rossii_sushchnost_i_problemy_ra/ – (дата обращения: 10.05.2024).
 15. Страхование от СПАО «Ингосстрах». – URL: <https://www.ingos.ru/> – (дата обращения: 10.05.2024).
 16. Токуев, М.М. Проблемы страхования профессиональной ответственности медицинских работников в России / М.М. Токуев // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №. 7. – С. 250-251.

УДК 340.662

ПРОБЛЕМЫ СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Мазина Н.Е., кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой служебной психологии, социально-гуманитарных и специальных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: mazina_nataliya@mail.ru)

Щербинская В.С., студент, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nikaeklipse@gmail.com)

В статье раскрыты основные особенности страхования в сфере туристической деятельности. Показано значение данного института страхования. Проведено исследование нормативно-правовой базы, регулирующей страхование гражданской ответственности в сфере туризма, выявлены противоречия и неоднозначности в законодательстве, а также предложены пути и механизмы их устранения. Выявление проблемных моментов и предложения по их устранению послужат в дальнейшем благоприятным фундаментом для развития данного института страхования.

Ключевые слова: страхование, туризм, гражданская ответственность, туристическая деятельность.

LEGAL PROBLEMS OF INSURANCE OF CIVIL LIABILITY IN THE SPHERE OF TOURISM

Mazina, N.E., Scherbinskaya, V.S.

The article will reveal the main features of insurance in the field of tourism activities. The importance of this insurance institution is shown. It is planned to conduct a study of the regulatory framework governing civil liability insurance in the field of tourism, identify contradictions and ambiguities in legislation, as well as propose ways and mechanisms to eliminate them. The identification of problematic issues and suggestions for their elimination will serve as a favorable foundation for the development of this insurance institution in the future.

Keywords: insurance, tourism, civil liability, tourist activity.

Актуальность темы исследования. Турист – это человек, который временно покидает свое место жительства для посещения других мест или стран с целью отдыха и развлечения. Таким образом, туристическая деятельность – это

вид деятельности, которая связана с организацией и проведением путешествий с целью отдыха, познания других стран и культур, знакомства с достопримечательностями и т.д.

Но любое путешествие зачастую несёт опасности для жизни и здоровья туриста, а именно на территории государства, куда отправился отдыхающий, может разразиться военно-политический конфликт, могут произойти природные катаклизмы, такие как наводнение, цунами, ураган и др., турист может попасть в аварию, стать жертвой преступников или заразиться серьёзным инфекционным заболеванием. Но, невзирая на все риски, такой вид развлечения как туризм с каждым годом лишь преумножает своих поклонников.

Но чтобы обезопаситься хотя бы в денежном эквиваленте, существует договор страхования. Основные положения данного договора урегулированы Гражданским кодексом Российской Федерации, а именно опираясь на статью 927 пункт первый, можно заметить, что страхование может осуществляться посредством двух договоров, а именно договором имущественного страхования и договором личного страхования, которые гражданин или юридическое лицо заключают со страховой организацией [6].

Подводя черту, можно сделать вывод о том, что туристическое страхование – это вид страхования, который позволяет застраховать себя от различных рисков и непредвиденных ситуаций, которые могут произойти во время туристической поездки, это может быть отмена рейса или утрата багажа, которые повлекли для туриста финансовые лишения, и более серьёзные ситуации, таящие опасность не только для имущества туриста, но и для его жизни и здоровья. Страхование обеспечивает получение финансовой компенсации в случае возникновения проблем.

Поэтому так важно развитие данного института страхования, поскольку, в случае возникновения, все вышеуказанные проблемы наносят значительный ущерб как самим туристам, находящимся в путешествии, так и туроператорам и турагентам, которые предоставляют услуги своим клиентам. И здесь важно обратить внимания на компенсационную составляющую, поскольку названные негативные факторы могут «ударить по карманам» обеих сторон. Судебная практика говорит о том, что институт страхования в сфере туризма вызывает множество спорных ситуаций, а также недостаточно представлен в юридическом дискурсе.

Цель статьи заключается в анализе действующего законодательства и раскрытии основных проблем, с которыми сталкиваются туристические организации и сам турист при заключении договоров страхования гражданской ответственности.

Анализ научных исследований в области страхования туризма, показывает, что рассмотрением данного вопроса занимались следующие учёные правоведы: И.Ю. Кулеева, Е.В. Зобова, Л.А. Яковлева, Ю.Ю. Косенкова, В.А. Золотовский, Н.Я. Золотовская, В.Э. Ирицян, А.Р. Кунаккузина, М. Малыгина, А.И. Пахомова, С.А. Буряков, К.Н. Уланова, В.И. Егоров и др.

К примеру, И.Ю. Кулеева в своей работе говорит о том, что на протяжении долгих лет законодательство в сфере страхования туризма подвергалось многочисленным изменениям, это решало одни вопросы и порождало новые и сейчас всё ещё сохраняется необходимость постоянной переработки законов в рассматриваемой сфере. Как замечает автор, необходимо законодательно закрепить норму о видах страхования, которые необходимы для посещения той или иной страны, потому что сейчас это отведено лишь на усмотрении самого туриста [5].

Е.В. Зобова отмечает, что нет нормативного урегулирования вопроса страхования туристов, которые совершают поездки в рамках территории Российской Федерации [2, С. 63]. Многие туристы не видят в этом необходимости, что является большой ошибкой, поскольку чрезвычайные ситуации возникают в любом месте, как в родной стране, так и за её пределами. К примеру, 10 мая 2024 года в Санкт-Петербурге автобус с пассажирами упал в реку Мойка, по данным МЧС в результате данного происшествия трое человек утонули, а двое находятся в состоянии клинической смерти. Среди пострадавших, с высокой долей вероятности могли находиться туристы, посещавшие Санкт-Петербург.

Как утверждает Л.А. Яковлева, туристам, которые путешествуют в пределах Российской Федерации, даже при наличии ОМС необходимо приобретать полис добровольного страхования, поскольку ОМС не включает полный перечень возможных несчастных случаев, которые могут подстеречь путешественника. При этом обязанность предлагать пакеты добровольного страхования и пояснять целесообразность их приобретения ложится на туроператоров, которые могут данным вопросом пренебречь.

К подобному выводу приходят российские исследователи В.А. Золотовский и Н.Я. Золотовская, которые отмечают нежелание туроператоров включать в пакетные туры внутреннего туризма даже отдельные аспекты добровольного страхования, поскольку это значительно повышает денежную стоимость тура. [3, С. 63]. Вышеуказанное в конечном итоге ведёт к тому, что разнообразные компании, предоставляющие туристические услуги стараются обходить подобные вопросы, и тем самым могут навлечь множество проблем, как на туристов, так и на самих себя. Также, по мнению ученых, в туристических агентствах довольно скудный выбор услуг по дополнительному страхованию, а клиентам в основном предлагаются шаблонные «страховые пакеты», которые покрывают лишь малую часть возможных рисков для туриста. Поэтому, в зависимости от вида отдыха и региона посещения, так важно предоставить как туристам, так и туроператорам, возможность создания собственных «страховых пакетов», комбинируя услуги в рамках страхования гражданской ответственности в туристической сфере в зависимости от особенностей путешествия. Следует отметить, что использование шаблонных договоров страхования, которые не отражают особенности путешествия в

отдельных странах (международный туризм) и регионах РФ (внутренний туризм), с учетом современных вызовов и рисков утрачивает актуальность.

Говоря об условиях, которые обязательно должны быть включены в страховой полис, Ирицян В.Э. и Васильченко Е.И. отмечают:

– первое, туроператор принимает на себя обязательство оплатить все медицинские и другие расходы при наступлении страхового случая, обговорённого в договоре;

– второе, туроператор обязан сообщить клиенту достоверную информацию о стране, куда отправляется турист, а именно – не только позитивные аспекты, но и негативные, ознакомить с пакетами добровольного страхования, которые «актуальны» для конкретной поездки, а также разъяснить возможные последствия отказа от заключения договора страхования [4, С. 708].

Изложение основного материала. Акцент на важность задачи по определению роли страхования гражданской ответственности в сфере туризма и выявлению влияния данного вида страхования на обеспечение безопасности туристов и защиту их интересов делают многие отечественные ученые. В рамках данной работы, рассмотрим виды страхования в сфере туризма.

Медицинское страхование – покрывает медицинские расходы за границей, включая лечение, стоматологическую помощь, госпитализацию и другие медицинские услуги.

Страхование багажа – это вид страхования, который позволяет застраховать ценные вещи и личные владения при перевозке их авиа, железнодорожным, морским или автомобильным транспортом. Под страхование багажа попадают как личные вещи, так и ценные документы, которые могут быть утеряны или повреждены в процессе перемещения. Багажное страхование может также включать в себя покрытие расходов на покупку первой необходимости в случае потери багажа или его задержки в пути.

Страхование ответственности перед третьими лицами – это вид страхования, который помогает застраховать себя от финансовых потерь, связанных с причинением вреда третьим лицам. Этот вид страхования может покрыть ущерб, причиненный имуществу или здоровью других людей, а также компенсировать затраты на юридическую защиту в случае возникновения судебных исков. Страхование ответственности перед третьими лицами обязательно для владельцев автомобилей и является важным инструментом защиты финансовой стабильности в случае несчастного случая или происшествия, виновником которого становится само застрахованное лицо.

Страхование авиаперелетов – предоставляет защиту от задержек и отмены полёта, например из-за стихийных бедствий, отказа в выдаче визы и другие непредвиденные обстоятельства, или потери багажа при авиаперелетах.

Но предоставление подобного рода страховых услуг исключительно страховыми компаниями Российской Федерации не представляется возможным, поэтому страховые компании сотрудничают с иностранными страховыми и передают им в рамках такого сотрудничества определенный процент

ответственности и соответствующую этому проценту долю страховой премии. Обычно размер доли колеблется от 60 % до 90 %.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» турист обладает следующими правами [7]:

- правом на безопасность и охрану здоровья во время туристской поездки;
- правом на свободный выбор туристской программы и услуг;
- правом на получение информации о предоставляемых туристских услугах;
- правом на защиту своих прав и интересов как потребителя туристских услуг;
- правом на возмещение ущерба в случае нарушения или неисполнения договора о туристском обслуживании;
- правом на конфиденциальность персональных данных при оформлении туристской поездки;
- право на свободное передвижение по территории государства, в котором пребывает турист;
- право на сохранность и безопасно своего личного имущества;
- право на получение экстренной медицинской помощи;
- право на получение информации о возможности добровольно застраховать риски, связанные с совершением путешествия и не покрываемые финансовым обеспечением ответственности туроператора, в том числе в связи с ненадлежащим исполнением туроператором обязательств по договору о реализации туристского продукта и др.

Особенности договора добровольного страхования в сфере туризма отражены в ст. 17 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», согласно которой «договор добровольного страхования (страховой полис) обеспечивает оплату и (или) возмещение расходов на оплату медицинской помощи в экстренной и неотложной формах в стране временного пребывания и (или) возвращения тела (останков)» [7].

Говоря об аспектах важности и значения страхования для туристов, то из данного положения видно, что добровольное имущественное страхование является важным инструментом защиты их имущества от различных рисков во время путешествия. Туризм – это приятное и увлекательное времяпровождение, однако никто не застрахован от непредвиденных ситуаций, таких как кража багажа, повреждение имущества или непредвиденные затраты из-за отмены поездки, а также инфекционной болезни в стране (месте) временного пребывания.

Добровольное имущественное страхование туриста предусматривает возможность получения финансовой компенсации в случае утраты или повреждения имущества во время поездки. Это может быть как страхование багажа и личных вещей, так и страхование отмены поездки или медицинского

страхования за границей и т.п. Таким образом, добровольное имущественное страхование туриста предусматривает защиту его имущества от рисков, связанных с путешествием и пребыванием в другом месте [1].

Выбор страховой компании и пакета услуг по страхованию имущественных интересов туристов зависит от конкретных потребностей клиента, но в основном у туроператоров идут стандартные пакеты по страхованию от страховых компаний, с которыми туристическая организация сотрудничает. Перед оформлением страховки необходимо внимательно изучить условия и ограничения страхования, чтобы быть уверенным в полной защите во время поездки.

Добровольное имущественное страхование туриста также может включать дополнительные услуги, такие как помощь в случае потери документов, организация эвакуации или консультации по безопасности в месте пребывания. Помимо финансовой защиты, страхование имущественных интересов туристов помогает снизить уровень стресса и улучшает общее впечатление от поездки. Зная, что ваше имущество застраховано, вы можете наслаждаться путешествием более спокойно и без лишних переживаний.

В целом, добровольное имущественное страхование туриста является важным компонентом безопасного и комфортного путешествия, обеспечивая защиту имущества и финансовую поддержку в случае непредвиденных ситуаций.

Одной из веских причин для заключения туристом договора добровольного имущественного страхования является возможность превентивной защиты своей собственности и финансов от рисков.

Как было указано ранее, в рамках законодательства РФ туроператор (турагент) обязан ознакомить потребителя туристской услуги с основными особенностями договора добровольного страхования, а также проинформировать туриста, который направляется в путешествие, о негативных последствиях отказа от страхования рисков.

Следует отметить, что информирование туриста о добровольном страховании является важным аспектом в деятельности туроператора (турагента), как законодательно, так и с точки зрения добросовестности предоставления туристических услуг, однако туроператоры зачастую пренебрегают этим, с целью снижения стоимости тура и увеличения продаж.

Однако как туроператоры (турагенты), которые игнорируют данную обязанность, так и сам турист, пожелавший сэкономить на страховке, впоследствии могут столкнуться с множеством проблем затяжных судебных разбирательств.

Также недобросовестные туроператоры (турагенты), предоставляют неполную и недостоверную информацию о предлагаемом туристическом продукте. Примером подобных действий может служить рассмотренный ниже случай из судебной практики.

Судебная коллегия гражданского сектора Московского городского суда провела открытое судебное заседание по апелляционной жалобе на решение районного суда г. Москвы, которым было решено обязать ООО «СК» выплатить М. определенную сумму, отклонив остальные требования. Истец М., действуя в своих интересах и в интересах несовершеннолетней М., обратился в суд с иском к ООО «СК» о компенсации ущерба после неудачной поездки в Турцию, во время которой произошел несчастный случай, повлекший значительные финансовые издержки с его стороны. Несмотря на то, что суд первой инстанции частично удовлетворил иск истца, судебная коллегия пришла к выводу о том, что требования М. должны быть полностью удовлетворены из-за неисполнения туроператором обязательств по информированию граждан о необходимости добровольного страхования на время поездки. Однако суд первой инстанции не учел условия договора страхования гражданской ответственности, что привело к изменению решения в пользу М. В связи с этим, судебная коллегия удовлетворила иск М. и взыскала компенсацию за моральный вред, неустойку и штраф с туроператора.

Еще одной проблемой является недостаточное количество обязательных видов страхования для субъектов туристической деятельности. Некоторые туроператоры или агентства не уделяют должного внимания страхованию гражданской ответственности, что может привести к возможным претензиям со стороны клиентов в случае возникновения конфликтной ситуации.

Также стоит упомянуть о недостаточном контроле со стороны государства в области страхования туристической деятельности. Отсутствие эффективного механизма надзора над страховыми компаниями и недостаточное законодательное регулирование способствуют возможности злоупотреблений и нарушений прав потребителей. В целом, проблемы страхования гражданской ответственности в сфере туризма в России требуют комплексного и системного подхода для обеспечения защиты интересов как потребителей, так и субъектов туристической отрасли.

Проблемой в сфере страхования гражданской ответственности в туризме также является недостаточная конкуренция среди страховых компаний, что может привести к завышению цен и ограничению выбора для потенциальных клиентов. Некоторые страховые компании могут использовать своё доминирующее положение на рынке для установления высоких тарифов и ужесточения условий страхования, что затрудняет доступ к необходимой страховой защите для туристов.

Ещё одним важным аспектом является сложность процесса оформления страховки гражданской ответственности в туристической сфере. Для многих потребителей туристических данный процесс может быть запутанным и неочевидным, что в свою очередь отпугивает потенциальных клиентов от приобретения необходимой страховки перед поездкой. Здесь следует отметить, что задача туроператора как раз и состоит в том, чтобы максимально просто и доступно донести информацию о возможностях страхования до туристов. На

наш взгляд, было бы полезно разработать инструкции для туристов по выбору и оформлению страхового полиса и разместить данную инструкцию на официальных сайтах туроператоров (турагентов). Предоставление и размещение в свободном доступе для потребителя подобных инструкций должно регламентироваться государством и стать обязательным для туристических организаций, что в свою очередь позволило потребителю туристской услуги создать более чёткое представление о договоре добровольного страхования в сфере туризма.

Выводы. В заключении следует отметить, что отсутствие закреплённого в законодательстве РФ положения о необходимости обязательного страхования имущественных интересов туристов перед путешествием создает площадку для недобросовестных действий и манипуляций со стороны туроператоров (турагентов) по отношению к потребителю туристических услуг. Таким образом, существует пробел в правовых нормах, не гарантирующий защиту интересов путешественников в случае возникновения непредвиденных обстоятельств во время поездки. Это означает, что туристы сами несут ответственность за сохранность своего имущества во время путешествия, и в случае его потери или порчи понесут финансовые издержки, а в случае утери (кражи) ценных вещей, документов или денег получают сложные проблемы. Обязательное страхование имущественных интересов туристов призвано обеспечить дополнительную защиту путешественникам при возникновении несчастных случаев или утраты имущества и документов во время путешествия.

Для обеспечения безопасности и защиты прав туристов необходимо разработать специальную норму закона, которая бы обязывала туроператоров (турагентов) предоставить клиентам страховку на случай непредвиденных ситуаций. Такие меры позволят гарантировать решение возможных проблем и компенсацию убытков в случае отмены поездки, задержки рейса или утраты багажа. Кроме того, строго регламентированные правила страхования будут способствовать формированию положительного имиджа туроператора (турагента), повышению уровня доверия к туристическим компаниям и дальнейшему развитию индустрии туризма в нашей стране.

Судебная практика показывает, что для того, чтобы турист максимально обезопасил себя на время путешествия, во-первых, необходимо выбирать добросовестного туроператора, имеющего множественные положительные отзывы, а во-вторых, детально ознакомиться с предлагаемым туристским продуктом. Также анализ правоприменительной практики в сфере страхования туризма в Российской Федерации свидетельствует о том, что в данной области имеются определенные проблемы и недочеты, которые требуют внимания и доработок как со стороны законодателей, так и страховых компаний.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются туристы в сфере страхования гражданской ответственности, связаны с недостаточной информированностью, а зачастую и с непониманием условий страхования,

длительностью процесса выплат и необходимостью предоставления большого объема документов.

Стоит обратить внимание на необходимость разработки стандартов, а также прозрачных и четких правил в сфере страхования гражданской ответственности как для туроператоров (турагентов), так и для туристов, что в свою очередь позволит улучшить ситуацию на рынке туристических услуг и обеспечить более эффективную защиту интересов всех сторон. Пробелы в законодательстве и отсутствие единых стандартов могут привести к разночтениям и спорам между сторонами в случае возникновения конфликтов.

В целях повышения значимости страхования для потребителя туристических услуг, необходимо законодательно закрепить обязанность туроператора (турагента) разработать инструкции для туристов по выбору и порядку оформления страховки на период путешествия, и разместить данную инструкцию на официальных сайтах туристических организаций. Введение подобных инструкций позволит потребителю туристской услуги иметь более четкое представление о договоре добровольного страхования в сфере туризма.

Следует отметить, что туроператор обязан информировать туристов о специфических чертах, возможных рисках и особенностях культуры страны, которую они собираются посетить. Также видится целесообразным предоставление туроператором (турагентом) информации обо всех видах страхования, которые могут быть доступны в рамках предлагаемого тура. В настоящее время обязательность информирования со стороны туроператора (турагента) касается только договора добровольного страхования, и ничего не сказано о других видах страхования. Видится необходимым внести соответствующие изменения в законодательство [5].

Список литературы

1. Алиев, Б.Х. Страхование : учебник / Б.Х. Алиев, Ю.М. Махдиева. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 415 с. – ISBN 978-5-238-01946-8. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/71061.html> – Режим доступа: Электронно-библиотечная система IPR BOOKS.
2. Зобова, Е.В. Специфика рисков в туризме в Российской Федерации / Е.В. Зобова, Л.А. Яковлева, Ю.Ю. Косенкова // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 5. – С. 62-69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-riskov-v-turizme-v-rossiyskoj-federatsii> – (дата обращения: 12.05.2024).
3. Золотовский, В.А. Правовое регулирование туристской деятельности : учебник для среднего профессионального образования / В.А. Золотовский, Н.Я. Золотовская. – Москва : Юрайт, 2021. – 247 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-9916-9854-2. – URL: <https://urait.ru/bcode/472244> – (дата обращения: 12.05.2024). Режим доступа: Образовательная платформа Юрайт.

4. Ирицян, В.Э. Проблема страхования в туризме / В.Э. Ирицян, Е.И. Васильченко. Текст : электронный // Экономика и социум. – 2017. – № 3 (34). – С. 708-711. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-strahovaniya-v-turizme> – (дата обращения: 12.05.2024).
5. Кулеева, И.Ю. Проблемы гражданско-правового регулирования страхования в сфере туристической деятельности / И.Ю. Кулеева // Современное право. – 2018. – № 5. – С. 51-56. – URL: <https://sovpravo.press/stati/problemy-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-strahovaniya-v-sfere-turisticheskoy-deyatelnosti/?ysclid=lw0xwgo0jy975619113> – (дата обращения: 12.05.2024).
6. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ГК РФ : Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года] : [с изменениями и дополнениями на 16 мая 2023 года]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – (дата обращения: 12.05.2024). – Режим доступа: КонсультантПлюс.
7. Российская Федерация. Законы. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ : [принят Государственной Думой 4 октября 1996 года : одобрен Советом Федерации 14 ноября 1996 года] : [редакция от 28 мая 2022 года]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ – (дата обращения: 12.05.2024). – Режим доступа: КонсультантПлюс.

УДК 343.337.4

НОРМА О ПРИМЕНЕНИИ ЗАПРЕЩЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ В СИСТЕМЕ НОРМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мироненко С.Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

В статье проведен анализ нормы о применении запрещенных средств и методов ведения войны и ее место в системе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества. Характерной особенностью уголовного законодательства постсоветских государств, в том числе Уголовного кодекса Российской Федерации, является то, что составы преступлений, устанавливающие ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, располагаются исключительно в разделах (главах) Особенной части УК, предусматривающих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: военные преступления, применение запрещенных средств и методов ведения войны.

THE NORM ON THE USE OF PROHIBITED MEANS AND METHODS OF WARFARE IN THE SYSTEM OF NORMS ON CRIMES AGAINST THE PEACE AND SECURITY OF MANKIND

Mironenko, S.Yu.

The article analyzes the norm on the use of prohibited means and methods of warfare and its place in the system of norms on crimes against the peace and security of mankind. A characteristic feature of the criminal legislation of post-Soviet states, including the Criminal Code of the Russian Federation, is that the elements of crimes establishing responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare are located exclusively in sections (chapters) The special part of the Criminal Code, which provides for responsibility for crimes against the peace and security of mankind.

Keywords: war crimes, the use of prohibited means and methods of warfare.

Актуальность темы исследования. Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаны самыми важными ценностями. Однако именно этим ценностям на протяжении всего периода

существования человеческой цивилизации наносился вред. Многочисленные международные и внутренние военные конфликты и борьба за экономическое господство унесли множество жизней, поставили под угрозу мирное сосуществование наций, народов и государств, нарушили нормальное течение международных отношений. Беспрецедентный рост преступлений, которые наносят ущерб не только отдельным индивидам, но и большей части интересам многих государств, является характерной чертой современности. При этом следует отметить, что масштаб угрозы растет год от года, учитывая возможность использования достижений новейших глобальных технологий в противоправных целях.

Анализ научных исследований. Рассмотрением вопросов, связанных с применением запрещенных средств и методов ведения войны, в той или иной степени в разное время занимались: Р.А. Адельханян, И.Н. Арцибасов, В.П. Емельянов, В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец, Н.Ф. Кузнецова, Д.Б. Левин, Ф.Ф. Мартенс, Б.С. Никифоров, А.А. Пионтковский, А.А. Пинаев, Ю.А. Решетов, А.Н. Савенков, А.Н. Трайнин, Г.И. Тункин, И.Я. Фойницкий, В.В. Фуркал, А.И. Чучаев, В.М. Чхиквадзе, и другие.

Цель исследования. Основная цель исследования заключается в определении места нормы о применении запрещенных средств и методов ведения войны в системе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Изложение основного материала. В.Н. Синюков отмечает: «Если с некоторым упрощением охарактеризовать главную проблему права высоких технологий, то ее можно сформулировать так – продвинутые технологии могут потерять человека. Кроме этого, возникают новые угрозы самого его существования как биологического вида» [5, С. 16]. Это касается и изобретения человечеством новых высокотехнологических вооружений. Некоторые государства, приняв на вооружение новые виды оружия, пренебрегают нормами международного гуманитарного права. Так, во время войны в Персидском заливе американские пилоты сбросили на позиции иракских военных почти миллион боеприпасов с урановой начинкой. В 1999 году натовские самолеты сбросили на Югославию более 15 тонн снарядов с обедненным ураном. В настоящее время против мирного населения Донбасса украинские вооруженные силы применяют запрещенные экспансивные пули «дум-дум», кассетные боеприпасы, химическое оружие. И таких примеров множество.

Эффективность борьбы с преступлениями против мира и безопасности человечества, военными преступлениями, не может быть обеспечена только за счет установления ответственности на межгосударственном уровне. Криминализация таких преступлений внутри любого государства является залогом успешного общего предупреждения преступности.

Внедрение в жизнь международных актов, одной из сторон которых является Российская Федерация и которые направлены на борьбу с преступлениями против мира и безопасности человечества (в том числе

военными преступлениями), демонстрирует приверженность государства ценностям международного гуманитарного права, которое рассматривает применение запрещенных средств и методов ведения войны как особо тяжкие посягательства на основополагающие принципы мирного сосуществования народов.

Поскольку некоторая часть составов преступлений, которые закреплены в разделе XII (глава 34) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), имеют конвенционный характер, задача по модернизации правовой регламентации концептуальных основ противодействия совершению этих преступлений как на межгосударственном, так и внутригосударственном уровнях не теряет своей актуальности.

Изучение особенностей правового регулирования ответственности за преступления против мира и безопасности человечества, к которым относятся и применением запрещенных средств и методов ведения войны, является предметом пристального внимания представителей различных направлений юридической науки. К ним относятся специалисты в области уголовного права, международного права, криминологи, истории и теории государства и права. Их научный интерес обусловлен спецификой и многоаспектностью данной проблематики, что требует комплексного междисциплинарного подхода к ее исследованию. Каждое из указанных научных направлений вносит свой вклад в познание правовой регламентации ответственности за такие тяжкие международные преступления, исходя из особенностей своего предметного поля и методологии.

В соответствии с доктриной уголовного права и международного права, преступления против мира и безопасности человечества относятся к международным преступлениям. Международные преступления характеризуются повышенной степенью общественной опасности, поскольку они посягают на фундаментальные принципы международного права, такие как обеспечение мира, безопасности человечества, а также на императивные нормы, запрещающие применение силы в международных отношениях. Данная категория преступлений затрагивает интересы всего мирового сообщества, нарушая основополагающие ценности и устои международного правопорядка.

Ученые предлагают различные определения международных преступлений. В одних случаях в понятие международных преступлений включают «преступления против мира и человечества, агрессивные войны, геноцид, апартеид, колониализм и экологические преступления» [3, С. 187]. В других случаях они включают «особо опасные нарушения принципов и норм международного права, необходимых для обеспечения мира, защиты личности и жизненно важных интересов международного сообщества в целом и которые представляют особую угрозу для человеческой цивилизации» [4, С. 53].

Большинство ученых дают определение международных преступлений как преступлений против мира и безопасности человечества [10, С. 31-39]. Такое

понятие соответствует классификации, которая приведена в статье 6 Устава Нюрнбергского трибунала.

Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге стал первым нормативным правовым актом, который предложил всестороннее определение международным преступлениям, выделив три основные категории таких деяний: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

1. Преступления против мира: участие в совместном планировании или заговоре с целью планирования, подготовки, начала или ведения агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или обязательств или выполнение любого из вышеперечисленных действий.

2. Военные преступления: нарушения законов и обычаев войны. К этому виду преступлений относятся: убийство гражданских лиц на оккупированной территории, пытки, порабощение, убийство или пытки военнопленных, захват и убийство заложников, разграбление общественной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов и деревень, разрушения, не оправданные военной необходимостью, и другие преступления.

3. Преступления против человечности: убийство, истребление или другое жестокое обращение с гражданским населением до начала военных действий или во время войны, преследование по политическим, религиозным, расовым мотивам, с целью «совершения преступлений, подпадающих под юрисдикцию трибунала, или в связи с этим, вне зависимости от того, противоречат ли эти действия соответствующим национальным законам страны, в которой они были совершены» [9].

Формулировки этих преступлений, изложенные в Уставе Нюрнбергского трибунала, явились не только обобщением преступных действий нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, которые развязали Вторую мировую войну. Данный Устав (в том числе ст. 6) дал четкие определения понятиям, ставшим основанием для отнесения тех или иных деяний к категории международных преступлений.

Согласно Уставу Международного военного трибунала в Нюрнберге, преступления против мира включали в себя, прежде всего, планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны. Действительно, основным политическим курсом нацистской Германии было планирование и осуществление агрессивных военных действий, что противоречило нормам международного права, зафиксированным в соответствующих договорах и соглашениях. Все деяния, связанные с агрессивными замыслами гитлеровского режима, были квалифицированы Нюрнбергским трибуналом как преступные.

В соответствии с принципами международного уголовного права, термин «развязывание агрессивной войны» охватывает широкий круг деяний, совершенных до начала военных действий. Действия, направленные на развязывание агрессивной войны, включают в себя:

– провокационные заявления, связанные с официальной политикой противника. Такие заявления могут содержать угрозы применения силы, оскорбления, ложные обвинения в адрес другого государства с целью создания напряженности в отношениях;

– сосредоточение вооруженных сил на границах противника. Концентрация военной техники, войск и подготовка к возможному вторжению представляют собой опасные провокационные действия, направленные на дестабилизацию ситуации;

– подстрекательство противника к вооруженным столкновениям или иным провокационным действиям. Государство может намеренно совершать действия, которые вынуждают другую сторону реагировать применением силы, что впоследствии может быть использовано в качестве предлога для развязывания агрессивной войны.

Понятие «ведение агрессивной войны» охватывает непосредственные военные действия, осуществляемые одним государством против другого, с целью оккупации его территории или достижения иных агрессивных политических целей. Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала четко определяет, что ведение агрессивной войны подразумевает проведение военных операций в нарушение международных соглашений, договоров и гарантий, принятых на себя государством-агрессором. Таким образом, ведение агрессивной войны представляет собой прямое применение вооруженной силы одним государством против другого, вопреки нормам международного права, закрепленным в различных международно-правовых актах [9]. Это преступное деяние, ответственность за которое предусмотрена как нормами международного уголовного права, так и национальным законодательством государств.

Согласно положениям Женевских конвенций 1949 года, под «серьезными нарушениями» понимаются следующие действия: «умышленное убийство; пытки и бесчеловечное обращение; умышленное причинение тяжких страданий; серьезные травмы и вред здоровью; незаконное, произвольное и масштабное уничтожение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью» [2]. Данные деяния регламентируются статьями 50, 51, 130 и 147 четырех Женевских конвенций 1949 года. Они рассматриваются как наиболее тяжкие нарушения норм международного гуманитарного права, влекущие за собой индивидуальную уголовную ответственность.

В соответствии с Женевской конвенцией об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года (ст. 130) и Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года (ст. 147), к «серьезным нарушениям» относятся: «принуждение военнопленных или находящихся под защитой гражданских лиц к службе в вооруженных силах вражеского государства; умышленное лишение военнопленных или находящихся под защитой гражданских лиц права на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство, предусмотренное данными конвенциями» [2].

В соответствии с Дополнительным протоколом I 1977 года (статьи 11 и 85), «серьезные нарушения» включают «умышленные и необоснованные действия или бездействие, причиняющие ущерб физическому или психическому здоровью и неприкосновенности лиц, находящихся под властью другого государства, задержанных или лишенных свободы в результате вооруженного конфликта. К таким нарушениям относятся, в частности, причинение увечий, изъятие тканей или органов для трансплантации или проведение медицинских и научных экспериментов, а также проведение медицинских процедур, не являющихся необходимыми для состояния здоровья человека и не соответствующих медицинским нормам» [2, С. 214, 260]. Таким образом, «серьезные нарушения» в данном случае подразумевают грубое посягательство на физическую и психическую неприкосновенность задержанных или интернированных лиц, находящихся под защитой международного гуманитарного права.

Согласно международному гуманитарному праву, «серьезные нарушения» также включают:

«1) Умышленные действия, совершенные в нарушение положений Женевских конвенций и Дополнительных протоколов. К таким действиям относятся:

- перемещение оккупирующей державой части своего гражданского населения на оккупированную территорию;
- депортация или перемещение за пределы территории всех или части граждан оккупированной территории;
- необоснованная отсрочка репатриации военнопленных или гражданских лиц.

2) Практику применения апартеида или других бесчеловечных, унижающих достоинство действий и дискриминации на расовой основе.

3) Уничтожение исторических памятников, произведений искусства, мест отправления культа, а также разрушение культурного и духовного наследия.

4) Превращение культурных и религиозных объектов в военные цели, что приводит к их масштабному разрушению, если они не расположены рядом с военными объектами и не используются для поддержки военных действий.

5) Лишение лиц, находящихся под защитой Конвенций и Протокола I, права на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство» [2].

Полагаем, что подобная классификация не является полной и совершенной. Между преступлениями против мира, военными преступлениями и преступлениями против человечности нет четкого разграничения. Это создает трудности в их разграничении на практике. Преступления против мира включают подготовительные действия к агрессивной войне, такие как планирование и подготовка. Однако в этой классификации не нашла отражения такая опасная форма, как пропаганда самой агрессии. Устав Нюрнбергского трибунала не дает четкого определения понятия «агрессия», что создает дополнительные сложности. Трудно провести четкую границу между военными

преступлениями, такими как убийство, пытки и обращение в рабство гражданских лиц на оккупированной территории, и преступлениями против человечности, включающими аналогичные деяния в отношении гражданского населения. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего совершенствования системы преступлений против мира и безопасности человечества.

Согласно принципам международного уголовного права, безопасность человечества является важнейшим объектом правовой охраны в рамках международно-правовой системы, призванной предотвращать и пресекать наиболее тяжкие преступления, затрагивающие основы существования всего человечества. Международное уголовное право призвано обеспечить защиту основополагающих прав и свобод человека, а также гарантировать безопасность всего человечества в целом от наиболее серьезных преступлений, представляющих опасность для мира. «Каждое международное преступление (включая преступления против мира и безопасности человечества) в той или иной степени посягает на интересы мирового правопорядка, который состоит из различных родовых групп юридических интересов и благ» [1, С. 87].

В действующем УК РФ законодатель впервые выделил указанные преступления в разделе XII (глава 34), в частности: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354); реабилитация нацизма (ст. 354.1); разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355); применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356); мародерство (ст. 356.1); геноцид (ст. 357); экоцид (ст. 358); наемничество (ст. 359); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360); акт международного терроризма (ст. 361).

Согласно положениям Особенной части УК РФ, преступления, предусмотренные разделом XII «Преступления против мира и безопасности человечества», классифицируются в соответствии с непосредственным объектом преступного посягательства:

- «а) преступления против мира (статьи 353, 354; часть 2 статьи 360 УК РФ);
- б) преступления против безопасности человечества (статьи 355, 357, 358 УК РФ);
- в) преступления против международного порядка (статьи 354.1, 356, 359; часть 1 статьи 360 УК РФ)» [7, С. 955].

Согласно альтернативной классификации, предложенной другими учеными, преступления, предусмотренные разделом XII Особенной части УК РФ, можно разделить на следующие группы:

- «а) преступление геноцида (статья 357 УК РФ);
- б) преступление против человечности (статья 358 УК РФ);
- в) военные преступления (статьи 355 – 356, 359 УК РФ);
- г) преступления агрессии (статьи 353 – 354 УК РФ);

д) посягательство на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой (статья 360 УК РФ)» [8, С. 34].

На наш взгляд, такая классификация является более точной и полной.

Сравнение составов преступлений, предусмотренных международно-правовыми актами, с составами преступлений, предусмотренных статьей 356 УК РФ, показывает, что к этим действиям относятся проявления насилия в отношении военнопленных и гражданского населения, которые запрещены международно-правовыми актами.

Согласно Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года, следующие действия в отношении гражданских лиц запрещены, так как посягают на их «жизнь, здоровье, физическое и психическое состояние: убийство; жестокое обращение, такое как пытки, нанесение увечий или любой другой вид телесного наказания; коллективное наказание; захват и удержание заложников; акты терроризма; посягательства на человеческое достоинство, а именно: унижение, изнасилование, принуждение к проституции, непристойные действия в любой форме, рабство и работорговля, грабеж; угрозы совершения этих действий» (ст. 3); принудительные меры физического и морального воздействия с целью получения информации от них или третьих лиц (ст. 31). Лица, находящиеся под покровительством, не могут подвергаться воздействию, причиняющему им физическую боль или их смерть. Этот запрет распространяется не только на убийства, пытки, телесные наказания, увечья, медицинские или научные эксперименты, которые не требуются для лечения указанных лиц, но и на другие формы насилия со стороны представителей гражданских или военных властей (ст. 32).

В соответствии с положениями Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 года, предусмотрена уголовная ответственность за применение насилия в отношении военнопленных. Данная конвенция возлагает на государств-участников обязанность привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против военнопленных, что является важной гарантией соблюдения норм международного гуманитарного права. «Ни один военнопленный не должен подвергаться физическому жестокому обращению или подвергаться научным и медицинским экспериментам, которые не могут быть оправданы лечением военнопленных и их интересами. Военнопленные всегда должны быть защищены от любого насилия или любого вида издевательства, а также угроз. Применение репрессий к военнопленным запрещено» (ст. 13); «Физические или психические пытки, или другие меры принуждения военнопленных с целью получения от них информации недопустимы. К военнопленным, отказавшимся отвечать на поставленные вопросы, нельзя применять пытки, угрозы, оскорбления или иные ограничения» (ст. 17). Согласно статье 130 Конвенции, «серьезные нарушения» в отношении военнопленных включают: «умышленное убийство, бесчеловечное обращение, пытки, биологические и медицинские эксперименты, умышленное причинение

тяжких страданий, серьезные увечья или причинение вреда здоровью, принуждение к службе в вооруженных силах вражеского государства, лишение права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное настоящей Конвенцией» [2, С. 72, 73, 119].

В случаях, когда формы насилия, предусмотренные международно-правовыми актами (Женевскими конвенциями) в отношении военнопленных и гражданского населения, одновременно охватываются одной или более статьями Особенной части УК РФ, встает вопрос о квалификации содеянного с точки зрения конкуренции уголовно-правовых норм. «Конкуренция уголовно-правовых норм отражает приемы законодательной техники, уровень абстрагирования и конкретизации в законодательной характеристике преступления. Различают конкуренцию общей и специальной норм» [8, С. 126]. Таким образом, при квалификации форм насилия, предусмотренных международно-правовыми актами, необходимо определить, какая норма Особенной части УК РФ является специальной по отношению к данному деянию, и применять ее в качестве приоритетной.

Как отметил Р.А. Адельханян, «причинение вреда или угроза причинения вреда интересам безопасности человечества является основным признаком военных преступлений по международному уголовному праву. Кроме того, такие деяния должны быть совершены во время вооруженного конфликта, то есть либо в случае фактической войны между государствами, либо в ходе вооруженного конфликта внутри государства. В противном случае деяния, которые содержат элементы военных преступлений, следует квалифицировать как соответствующие преступления общеуголовного характера» [1, С. 88].

Такие деяния, как жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением, формально могут подпадать под признаки статьи 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), статьи 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) статьи 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), статьи 116 УК РФ (побои), статьи 117 УК РФ (истязание) и др. Депортация гражданского населения формально может подпадать под признаки статьи 126 УК РФ (похищение человека), статьи 127 УК РФ (незаконное лишение свободы). Разграбление национального имущества на оккупированной территории формально может подпадать под признаки статьи 164 УК РФ (хищение предметов, имеющих особую ценность). Однако указанные деяния определены в диспозиции части 1 статьи 356 УК РФ, которая законодателем включена в Главу 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» и относится к военным преступлениям. Следовательно, нормы статьи 356 УК РФ могут вступать в конкуренцию с нормами статей 111, 112, 115, 116, 117, 126, 127, 164 УК РФ.

При наличии конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм, которая возникает при квалификации форм насилия, предусмотренных международно-правовыми актами, применяется специальная норма. Общепринятый в теории уголовного права принцип гласит, что при конкуренции

общей и специальной норм необходимо применять специальную норму, поскольку она в наибольшей степени отражает специфику и особенности данного преступного деяния. Это обусловлено тем, что специальная норма содержит более детализированное и узкое описание преступного деяния, в отличие от общей нормы, которая имеет более широкий характер. Применение специальной нормы обеспечивает более точную правовую оценку совершенного деяния с учетом его фактических обстоятельств и особенностей. Таким образом, при квалификации форм насилия, предусмотренных международно-правовыми актами, следует руководствоваться принципом применения специальной нормы Уголовного кодекса РФ, наиболее полно и адекватно отражающей специфику и характер данного преступного деяния. В соответствии с частью 3 статьи 17 УК РФ, «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, то совокупность преступлений отсутствует, уголовная ответственность наступает по специальной норме» [6, С. 126].

При квалификации преступлений, связанных с применением насилия в отношении военнопленных и гражданского населения, необходимо учитывать не только конкуренцию общей и специальной уголовно-правовой нормы, но и такой важный признак, как обстановка совершения преступления. В международном праве выделяют два типа вооруженных конфликтов: 1) международные вооруженные конфликты и 2) вооруженные конфликты немеждународного характера (внутригосударственные). Для применения статьи 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» обязательным условием является наличие обстановки вооруженного конфликта, как международного, так и немеждународного характера. В то же время, преступления, предусмотренные статьями 111, 112, 115, 116, 117, 126, 127, 164 УК РФ, могут быть совершены вне обстановки вооруженного конфликта. Следовательно, данный критерий – обстановка совершения преступления (вооруженный конфликт) – также должен учитываться при квалификации деяний, связанных с насилием в отношении военнопленных и гражданского населения.

Международно-правовые документы, в том числе Женевские конвенции, признают лиц, находящихся во власти противоборствующей стороны (комбатантов), военнопленными во время международного вооруженного конфликта. Данный статус обеспечивает им определенный правовой режим защиты, включая запрет на применение насилия. Вместе с тем, вопрос об ответственности за насилие в отношении лиц, находящихся во власти противоборствующей стороны, но не признанных военнопленными во время немеждународного вооруженного конфликта, регулируется другими международными документами, в частности, Дополнительным протоколом II к Женевским конвенциям. Таким образом, международное гуманитарное право обеспечивает правовую защиту комбатантов и лиц, находящихся под контролем противоборствующей стороны, в различных видах вооруженных конфликтов, устанавливая ответственность за применение насилия в отношении них.

Поэтому квалификация насилия в отношении военнопленных и гражданских лиц исключительно в зависимости от характера вооруженного конфликта (международный или немеждународный) является спорной и неоднозначной. Необходимо более детальное рассмотрение каждого конкретного случая с учетом комплекса факторов, включая правовой статус пострадавших лиц, обстоятельства и форму применения насилия, а также соотношение общих и специальных уголовно-правовых норм.

Сравнительный анализ Уголовного кодекса Российской Федерации с уголовными кодексами некоторых постсоветских стран позволяет сделать вывод о том, что в уголовных кодексах этих стран преступления, связанные с применением запрещенных средств и методов ведения войны, включены в раздел (главу), определяющий ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. По нашему мнению, наиболее удачной является конструкция Особенной части УК Республики Беларусь, где выделена отдельная глава, в которую включены семь составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за военные преступления. В Главу 18 «Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны», включены следующие составы преступлений: статья 132 «Вербовка, обучение, финансирование и использование наемников», статья 133 «Наемничество», статья 134 «Применение оружия массового поражения», статья 135 «Нарушение законов и обычаев войны», статья 136 «Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов», статья 137 «Бездействие либо отдание преступного приказа во время вооруженного конфликта», статья 138 «Незаконное пользование знаками, охраняемыми международными договорами».

Выводы. Таким образом, характерной особенностью уголовного законодательства постсоветских государств, в том числе Уголовного кодекса Российской Федерации, является то, что составы преступлений, устанавливающие ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, располагаются исключительно в разделах (главах) Особенной части УК, предусматривающих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. Такой подход соответствует принципам международного гуманитарного права, согласно которым применение запрещенных средств и методов ведения войны рассматриваются как наиболее тяжкие военные преступления, посягающие на фундаментальные основы мира и безопасности всего человечества. Расположение данных норм в разделе о преступлениях против мира и безопасности человечества подчеркивает их особую общественную опасность, ввиду причинения вреда не только отдельным лицам, но и международному правопорядку в целом. Таким образом, законодатель стремится обеспечить соответствие национального уголовного законодательства международно-правовым стандартам в сфере защиты жертв вооруженных конфликтов, невзирая на их характер (международный или немеждународный).

Список литературы

1. Адельханян, Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Р.А. Адельханян – М., 2003. – 430 с.
2. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним. – 5-е изд. доп. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. – 302 с.
3. Курс международного права: Отрасли международного права. В 7-ми томах. Т. 6 / И.Н. Арцибасов, Б.М. Ашавский, Г.В. Игнатенко, Н.Б. Крылов, и др. – М.: Наука, 1992. – 312 с.
4. Панов, В.П. Международное уголовное право: Учеб. пособие / В.П. Панов. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 320 с.
5. Синюков, В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна / В.Н. Синюков // *Lex Russica (Русский закон)*. – Т. 74. – № 2 (171). – 2021. – С. 16.
6. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М.: КОНТРАКТ, 2017. – 382 с.
7. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. – М.: Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский Криминологический взгляд, 2015. – 990 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учебник для бакалавров / под ред. доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. – М.: «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2013. – 372 с.
9. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> – (дата обращения: 07.02.2024).
10. Шаргородский, М.Д. Некоторые вопросы международного уголовного права / М.Д. Шаргородский // *Советское государство и право*. – 1947. – № 36. – С. 31-39.

УДК 34.096; 004.738.5:004.056

РОЛЬ МЕДИАПОЛИЦЕЙСКОГО В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Подмаркова И.П., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления проектами и аудиторской деятельности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: irina_podmarkowa@list.ru)

В статье раскрываются особенности современного медиaprостранства и средств массовой коммуникации, позволяющих быстро распространять любую информацию на любые расстояния, что вызывает необходимость государственного контроля в целях недопущения распространения деструктивной информации. Проанализированы основы законодательства РФ, ограничивающего распространение определенной информации. Выделены основные направления деятельности и потенциальные функции медиаполицейских – представителей новой перспективной профессии, обеспечивающей безопасность в сфере массовых коммуникаций.

Ключевые слова: цифровизация, общество, государство, средства массовой информации, средства массовой коммуникации, безопасность, интернет, медиаполицейский.

THE ROLE OF THE MEDIA POLICE IN ENSURING SECURITY IN THE FIELD OF MASS COMMUNICATIONS

Podmarkova, I.P.

The article reveals the features of the modern media space and mass communications, which make it possible to quickly disseminate any information over any distance, which necessitates government control in order to prevent the spread of destructive information. The fundamentals of the legislation of the Russian Federation limiting the dissemination of certain information are analyzed. The main areas of activity and potential functions of media police are highlighted – representatives of a new promising profession that ensures security in the field of mass communications.

Keywords: digitalization, society, the digital society, state, information technology.

Актуальность проблемы. Развитие современных интернет-технологий привело к кардинальным изменениям в сфере информационного взаимодействия

между людьми. Сейчас информация может распространяться в считанные секунды и доводиться до неограниченно большого круга людей. При этом далеко не всегда распространяемая информация является актуальной, объективной, полной, правдивой, полезной и конструктивной. Часть информации по своим качественным характеристикам может быть достаточно сомнительной, а часть – явно деструктивной и опасной, что может вызвать угрозы как для отдельных групп людей, так и для государства и общества в целом.

В условиях ведения руководимых спецслужбами иностранных государств информационных войн назрела необходимость создания системы контроля за информацией на государственном уровне. Помимо законодательных, организационных и технических мер в этом направлении важно обеспечить подготовку соответствующих специалистов, способных выявлять деструктивную информацию, пресекать ее распространение и, при наличии предусмотренных законом оснований, привлекать к ответственности лиц, виновных в создании и распространении такой информации.

Анализ предшествующих исследований и публикаций. Вопросы информационной безопасности в сети Интернет и других средствах массовой коммуникации рассматривались в работах многих исследователей, среди которых М.А. Ющенко [14], С.М. Гурский и В.А. Полубенцев [6] и др. Новая перспективная профессия медиаполицейского, призванного обеспечивать безопасность информации в Интернете и других медиаресурсах, пока только начинает формироваться и требует теоретического, методического, организационного и правового обоснования.

Цель исследования – определить роль и функции медиаполицейского как представителя одной из профессий, актуальной в будущем для обеспечения информационной безопасности на всех уровнях, начиная от отдельного человека, субъектов хозяйствования, отраслей, сфер деятельности, регионов и государства в целом.

Изложение основного материала. Прежде всего стоит определиться с основополагающими понятиями.

Слово «медиа» (лат. – medium) буквально означает середину, посредничество. Изначально термин «медиа» использовался в XX веке применительно к массовой культуре.

В зарубежной (прежде всего англоязычной) практике под масс-медиа (massmedia) понимаются средства массовой информации (СМИ), с помощью которых информацию публично распространяют на широкую аудиторию. В России существует терминологическая путаница между понятиями масс-медиа, (СМИ) и средствами массовой коммуникации (СМК).

Можно выделить три основных подхода к соотношению указанных понятий:

1. Часто, особенно на бытовом уровне, СМК отождествляются с понятием СМИ. Это в принципе соответствует англоязычному подходу.

2. Ряд авторов считают, что «в России понятие массмедиа объединяет СМИ и СМК» (в частности, [9, С. 539]).

3. СМК является более широким понятием, чем СМИ, при этом СМИ являются частью СМК (например, [14, С. 67]).

Проанализируем отмеченные понятия.

Ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1 (далее – Закон о СМИ) понимает под массовой информацией предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы [11].

Таким образом, средства массовой информации – это способы распространения информации, предназначенные для того, чтобы донести информацию до большого количества людей.

Средства коммуникации – это способы общения между людьми, такие, как устное общение, телефон, телеграф, почта. Они используются для передачи информации от одного человека к другому. Массовая коммуникация подразумевает передачу информации уже не одному человеку, а большому числу людей.

Массовая коммуникация в современных условиях осуществляется посредством телекоммуникации – передачи информации с помощью различных видов технологий: по проводам, радио, оптическим или другим электромагнитным системам. Она обеспечивает общение на расстоянии, в кратчайшие сроки и, при необходимости, с большим числом людей. Наиболее распространенным видом телекоммуникационных технологий выступает интернет.

Коммуникация, как правило, подразумевает обратную связь между источником или распространителем информации и ее получателем. Информирование (распространение) информации такой обратной связи может и не предусматривать.

СМИ, перечисленные в Законе о СМИ (рис. 1), характеризуются такими отличительными свойствами, как периодичность и целенаправленное распространение [11, ст. 2]. То есть, при отсутствии периодического размещения информации (реже одного раза в год) и цели широкого распространения информации такой источник информации не может быть признан СМИ.

Рисунок 1 – Виды СМИ в соответствии со ст. 2 Закона о СМИ

Вместе с тем, в последнее время на практике неоднократно ставился вопрос, стоит ли причислять к СМИ неинституционализированные источники информации (социальные сети, блоги, группы, интернет-сообщества, форумы, сайты и т.д.), не предусматривающие периодическое размещение информации. Благодаря таким источникам люди также могут получать интересующую их информацию, знакомиться с мыслями и идеями других людей.

По мнению ряда авторов, в частности, Н.А. Баранова [2], СМК включают в себя (рис. 2):

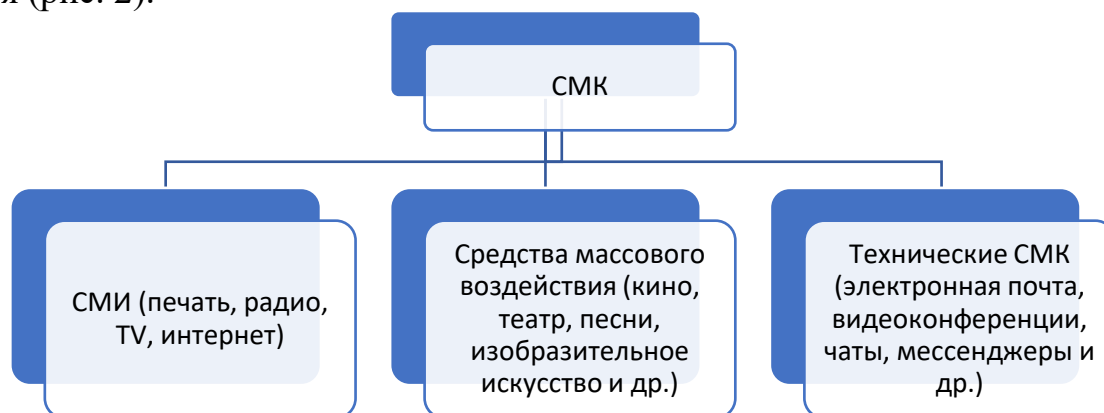

Рисунок 2 – Составные элементы СМК

Данная точка зрения представляется наиболее обоснованной и соответствующей современным российским реалиям.

Представляется целесообразным контролировать все составные элементы СМК, а не только СМИ. Опыт нескольких последних десятилетий показал, что в практически бесконтрольной информационной среде достаточно легко пропагандируются деструктивные идеи и ценности (национализм, фашизм, различные религиозные секты, правовой нигилизм, цинизм, отрицание ценности человеческой жизни, пропаганда самоубийств, жестокость, экстремизм и т.п.). С одной стороны, атмосфера безнаказанности и вседозволенности способна привести к пагубным последствиям для общества. С другой стороны, контроль за соблюдением законности и морали при использовании СМК не должен превратиться в тотальную цензуру, что будет противоречить ч.5 ст.29 Конституции РФ и ст. 3 Закона о СМИ.

Ч. 3 ст.55 Конституции предусматривает, что права и свободы человека (в том числе и свобода слова) могут быть ограничены федеральным законом «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Непосредственно в самой Конституции ч.3 ст.17, ч.2 ст.29 и ч.3 ст.55 устанавливают допустимые ограничения этой свободы [8].

Так, в России, как и в большинстве стран, установлены ограничительные нормы на распространение детской порнографии. Ст.354.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за реабилитацию нацизма [13]. Ответственность за оскорбление религиозных чувств граждан предусмотрена ст. 148 УК РФ и ст. КоАП 5.26, ч.2 [7; 13]. Ответственность за клевету предусмотрена ст.128.1 УК РФ, ст.152 ГК РФ предусматривает ответственность за распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию [5; 13]. Ст.5.61 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за оскорбление, ст. 319 УК РФ – уголовную ответственность за публичное оскорбление представителя власти. Пропаганда наркотиков наказывается по ст. 6.13 КоАП и ст. 46 Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также целым рядом статей УК РФ.

Объем экстремистского и деструктивного контента в сети Интернет в последнее время существенно вырос. Так, в течение предыдущего полугодия (по состоянию на IV квартал 2023 года), по данным специалистов мониторингового центра «Безопасность 2.0» таких материалов стало больше на 16 % [10].

Медиасфера сейчас на наших глазах претерпевает существенные изменения. Кроме традиционных журналистики и телевидения развиваются различные интернет-каналы, группы и сообщества, быстро завоевывающие популярность у широкой аудитории. Отдельные узкие направления деятельности, которыми ранее занимались специалисты общего профиля, становятся новыми профессиями.

Государственные органы и правоохранительная система на данном этапе не имеют достаточно ресурсов и грамотных специалистов, способных противостоять распространению деструктивной информации в интернете.

Идея профессии медиаполицейского возникла благодаря исследованию крупного портала по поиску работы, в ходе которого искусственному интеллекту было предложено составить рейтинг профессий будущего, где человек будет сотрудничать с нейросетью. Одной из пяти профессий и оказался медиаполицейский [4].

В версии Атласа новых профессий 3.0 2021 года профессия медиаполицейского описывается так:

«Страж порядка в медиасфере. Ищет нарушения законодательства путем мониторинга медиаресурсов лично и/или с помощью специальных программ. Сейчас в России эту функцию отчасти выполняют Роскомнадзор и Лига безопасного интернета, но в будущем злоупотребление информацией и киберпреступность будут расти, так что эта функция выделится в отдельную профессию» [1, С. 75].

Пионером в подготовке медиаполицейских в России стала Российская академия народного хозяйства и государственного управления (РАНХиГС), открывшая в 2023 году программу бакалавриата по направлению подготовки 42.03.05 Медиакоммуникации (профиль: медиаобеспечение государственных интересов и национальной безопасности (иновещание и новые медиа)). Программа реализуется при поддержке Национального антитеррористического комитета [12].

Данное направление и профиль подготовки, несомненно, представляются важными и перспективными, однако они не предусматривают подготовку медиаполицейского как такового, подготовленный бакалавр будет, по сути, высокопрофессиональным журналистом, обладающим знаниями в сфере медиакоммуникаций и основ национальной безопасности, в том числе ее информационной составляющей. Выпускники со временем смогут работать руководителями пресс-служб оборонных предприятий, пресс-секретарями министров, руководителями федеральных СМИ, информационных и коммуникативных агентств в России и в зарубежных филиалах.

Однако в целях обеспечения безопасной информационной среды целесообразна также подготовка специалистов, в частности, юридического профиля, которые будут в большей степени выполнять функции именно медиаполицейских. Например, открытие профиля «Безопасность средств массовой коммуникации» или «Обеспечение национальной безопасности в сфере медиакоммуникаций» в рамках направления подготовки специалистов 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности позволит готовить специалистов для правоохранительной системы, служб информационной безопасности государственных органов и структур, предприятий и организаций. Основными направлениями деятельности таких медиаполицейских должны стать выявление и пресечение нарушений действующего законодательства в

СМИ и средствах массового воздействия по таким основным направлениям (рис. 3):

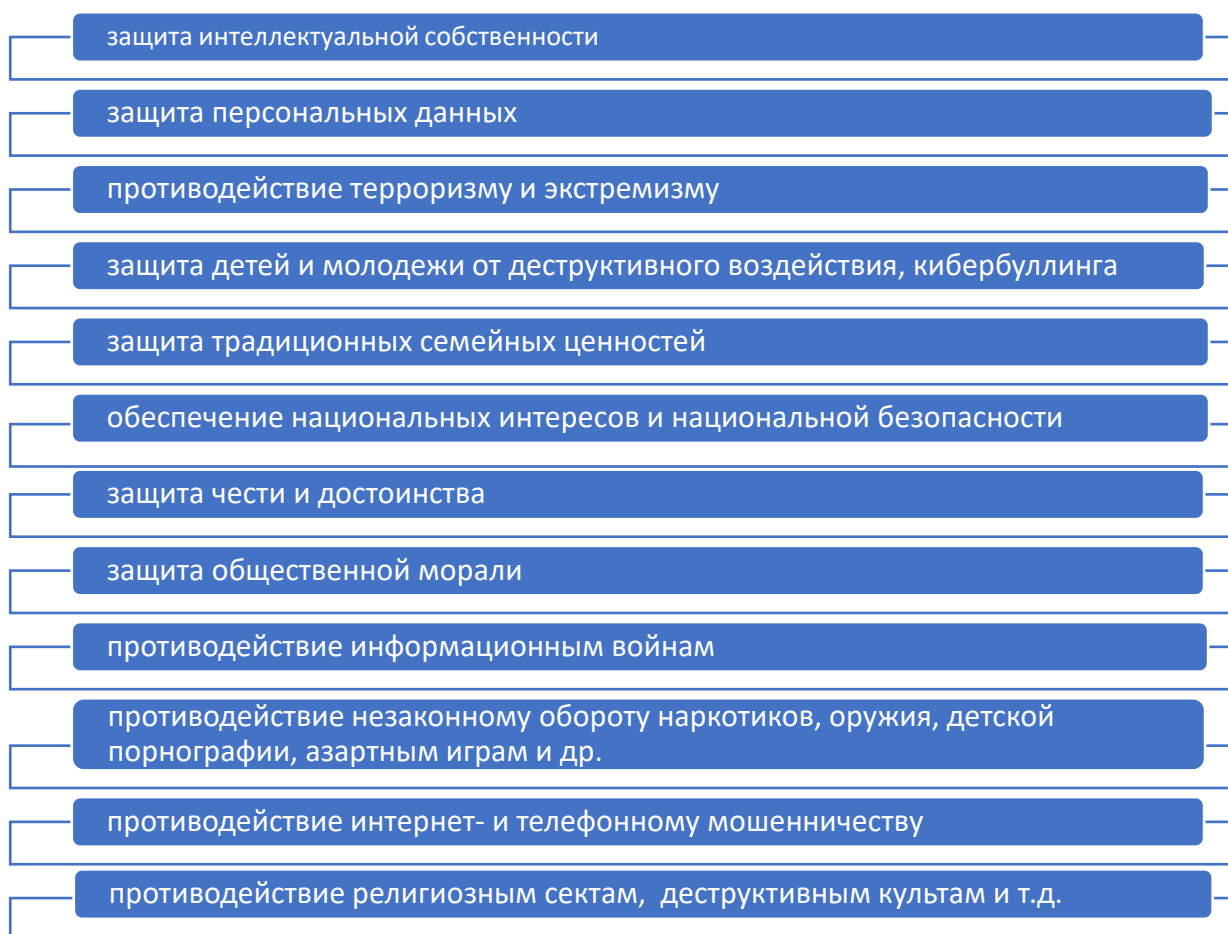

Рисунок 3 – Основные направления деятельности медиаполицейских.

При подготовке медиаполицейских следует учитывать, что сфера образования является специфическим объектом гражданско-правового регулирования [3].

Ожидается, что в будущем функции, которые сейчас выполняются Роскомнадзором, могут перейти к представителям новой профессии в результате создания соответствующих профильных подразделений в правоохранительных органах. В государственных органах полноценные медиаполицейские начнут работать в течение ближайших десяти лет [1].

Функции медиаполицейских:

1. Выявление нарушений законодательства в медиасфере, их квалификация.
2. Пресечение противозаконных действий.
3. Восстановление нарушенных прав или помощь в таком восстановлении.
4. Выявление личности правонарушителей.

5. Сбор доказательной базы и принятие иных мер к наказанию нарушителей.

6. Профилактика нарушений законодательства в медиасфере.

Для реализации указанных функций они должны быть наделены соответствующими полномочиями: выявлять авторов контента, назначать экспертизы, проверки, осуществлять необходимые следственные действия, выдавать предписания, в том числе о блокировке противозаконного контента или ресурса и т.д.

Основные знания и навыки медиаполицейского: знание действующего законодательства Российской Федерации и норм международного права в сфере информации и информационных технологий, средств массовой коммуникации, персональных данных, необходимых положений гражданского, административного и уголовного законодательства; аналитические способности, развитое логическое мышление; знание основ информационных технологий, специальных программ и ресурсов, позволяющих искать нарушителей; знание основ психологии и этики общения, в том числе в интернет-коммуникациях.

В нынешних условиях борьбой с преступлениями в интернете занимается «Лига безопасного интернета», Роскомнадзор и Центр по противодействию экстремизму. Определенная часть ответственности возлагается на администраторов интернет-сайтов, форумов, групп и сообществ в социальных сетях. Сотрудники правоохранительных органов также нередко получают жалобы и заявления на нарушение прав людей в интернете и других СМИ, на размещение противоправной информации. Отдельных подразделений и штатных должностей для этих целей пока не выделено, но это вопрос времени. Кроме того, такие сотрудники для эффективного выполнения своих функций должны иметь соответствующую подготовку.

Выводы.

1. Современные средства массовой коммуникации позволяют мгновенно передавать любую информацию на большие расстояния и практически неограниченному кругу лиц. При этом качество информации и степень ее опасности для общества и государства далеко не всегда можно оперативно проконтролировать и тем более своевременно принять необходимые меры.

2. Государственные органы и правоохранительная система на данном этапе не располагают достаточными ресурсами и грамотными специалистами, способными противостоять распространению опасной и деструктивной информации в интернете, нарушению прав и интересов граждан и организаций, нанесению ущерба безопасности общества и государства.

3. Для повышения уровня безопасности в интернет-пространстве целесообразно в кратчайшие сроки организовать подготовку соответствующих специалистов-медиаполицейских, в задачи которых будет входить выявление, пресечение, расследование, установление виновных лиц и обеспечение мер по их наказанию в соответствии с законом, профилактика правонарушений и восстановление нарушенных прав пострадавших лиц. Таковую подготовку

целесообразно обеспечить, в частности, на базе Донбасского государственного университета юстиции.

Список литературы

1. Атлас новых профессий 3.0. / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. – Москва : Альпина ПРО, 2021. – 472 с.
2. Баранов, Н.А. Курс «Информационная война в системе политических отношений». Лекция 3. Каналы и средства ведения информационных войн [Текст электронный] / Н.А. Баранов. – URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-informatsionnaya-vojna-v-sisteme-politicheskikh-otnoshenij/110-lektsiya-3-kanaly-i-sredstva-vedeniya-informatsionnykh-vojn> – (дата обращения: 15.03.2024).
3. Билялов, Р.А. Гражданско-правовые отношения образовательных организаций в Российской Федерации / Р.А. Билялов // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Вып. 27. – Донецк : ДГУЮ, 2023. – С. 7-15.
4. В России появятся медиаполицейские – кто они такие и зачем нужны [Текст электронный] // РИА Новости Крым. 21:52 10.11.2023. – URL: <https://crimea.ria.ru/20231110/v-rossii-poyavyatsya-mediapolitseyskie-kto-oni-takie-i-zachem-nuzhny-1132715269.html> – (дата обращения: 15.03.2024).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
6. Гурский, С.М. Информационная безопасность в информационно-коммуникационной сети «Интернет» / С.М. Гурский, В.А. Полубенцев // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 1. – С. 25-31.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
9. Кузнецов, А.А. Медиа: определения, функции и основные этапы / А.А. Кузнецов, З.Н. Сазонова // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 539-542. – URL: <https://moluch.ru/archive/308/69476/> – (дата обращения: 25.03.2024).
10. Мишина, В. Сетевые протоколы: в России начали учить на медиаполицейских. Они станут выявлять деструктивный и экстремистский пользовательский контент в интернете [Текст электронный] / В. Мишина // Известия. – 2023. – 8 ноября, 00:01. – URL: <https://iz.ru/1601617/valeriia-mishina/setevye-protokoly-v-rossii-nachali-uchit-na-mediapolitseiskikh> – (дата обращения: 15.03.2024).
11. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.03.2024) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ – (дата обращения: 25.03.2024).

12. Профессия Медиаполицейский в РАНХиГС [Текст электронный]. – URL: <https://vuzopedia.ru/vuz/258/professii/812> – (дата обращения: 15.03.2024).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – (дата обращения: 31.03.2024).
14. Ющенко, М.А. Средства массовой коммуникации как механизм формирования властью общественного сознания граждан / М.А. Ющенко // Вестник Томского гос. ун-та. – 2007. – № 305. – С. 67-70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-kommunikatsii-kak-mehanizm-formirovaniya-vlastyu-obschestvennogo-soznaniya-grazhdan> – (дата обращения: 10.04.2024).

УДК 343.9.01 : 343.92 : 343.93

СООТНОШЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Седнев В.В., доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: wsednev63@mail.ru)

В работе рассмотрены основные подходы к изучению личности преступника, совершившего половое преступление. Рассмотрение проведено от общего к частному. Рассмотрены биологические и социальные основы формирования преступного поведения. Выделено диалектическое единство внутренних и внешних факторов. Установлена недостаточность современного уровня знания для полноценного объяснения детерминации преступного поведения, в том числе и относительно преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы.

Ключевые слова: преступность, криминология, поведение, детерминация, генетика, биохимия.

THE RELATIONSHIP OF BIOLOGICAL AND SOCIAL IN THE FORMATION OF SEXUAL CRIME: REVIEW OF THE LITERATURE

Sednev, W.V.

The paper discusses the main approaches to studying the personality of a criminal who has committed a sexual crime. The consideration is carried out from the general to the specific. The biological and social foundations of the formation of criminal behavior are considered. The dialectical unity of internal and external factors is highlighted. It has been established that the current level of knowledge is insufficient to fully explain the determination of criminal behavior, including crimes against sexual integrity and sexual freedom.

Keywords: crime, criminology, behavior, determination, genetics, biochemistry.

Актуальность темы исследования. Половое поведение человека – сложное взаимообусловленное многофакторное явление. И криминальное поведение также определяется как явление многофакторное, системное. Таким образом, можно констатировать высокую сложность познания криминального полового поведения, требующего дальнейшего особого изучения. Вместе с этим,

многофакторная обусловленность отдельного индивидуального преступления не означает принципиальной невозможности его изучения. Здесь преимущественное значение приобретает выявление типичных для отдельных категорий преступников особенностей, образующих тот или иной тип преступного поведения.

Цель статьи. Рассмотрение совокупности биологических и социальных факторов, детерминирующих преступное половое поведение человека.

При исследовании факторов, влияющих на формирование сексуальной преступности, традиционно принято выделять биологические и социальные. Причём взаимоотношения между ними рассматриваются как сложно-неоднозначные. Не предлагая теоретических построений о взаимодействии биологического и социального в формировании преступного поведения на сексуальной почве, ограничимся обзором существующих данных о причинно-предрасполагающих факторах.

Существует тенденция, в силу которой проводится параллель между биологической детерминированностью преступного поведения и его наследственной обусловленностью с одной стороны и различного рода психическими расстройствами с другой [27; 33]. На самом деле имеется определённая доля неменяемых лиц, среди совершивших преступления на сексуальной почве, однако их число не характеризует общую картину в целом. Имеется также гораздо большее число лиц, совершивших подобного рода преступления, с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость. Однако это не означает, что психические расстройства являются причиной совершения преступлений. Даже наличие их у конкретного лица далеко не всегда свидетельствует о том, что именно они сыграли криминогенную роль в его противоправном поведении [27; 36].

Анализ научных исследований. Выявление в ходе судебно-психиатрического освидетельствования того или иного психического расстройства отнюдь не объясняет факта, почему данный человек совершил преступление [27]. Мотивация, внутренние причины преступного поведения не представлены в диагнозе, который лишь определяет наличие того или иного расстройства, его степень, тяжесть и т.д. Поэтому понять субъективные причины преступления, представленные в мотиве, можно лишь путём тщательного психологического изучения личности. Дефекты психики, если они имеются, вовсе не представляют мотивов преступного поведения, хотя безусловно могут влиять на них.

Есть мнение, что люди с одинаковым генным набором демонстрируют сходные формы поведения [5; 12; 15; 29]. Анализ наблюдений также позволяет сделать вывод о возможной наследуемости определённых форм поведения [2; 12; 15; 29]. До сих пор остаётся дискуссионным вопрос относительно генетической обусловленности преступного поведения, характеризующегося проявлением насилия. В конце XIX века были опубликованы результаты исследования, которое охватывало родственные связи 109 осуждённых преступников.

Половина из них состояла в дальнем родстве, 8 принадлежали к одному и тому же семейству, глава которого был рецидивистом. В группе также состояли 2 сестры и 3 брата, занимавшиеся воровством. Их отец, дяди, тётки и двоюродные братья были убийцами [13].

Возможная наследственная, конституциональная и генетическая обусловленность преступного поведения заставляет с особым интересом обратиться к исследованиям преступного поведения близнецов, особенно если они были воспитаны в разных условиях (в том числе и разными людьми). Результаты наиболее полного подобного исследования охватывают период с 1924 по 1947 год. Объектом изучения оказались преступники, которые были усыновлены в детстве чужими людьми. Предполагалось, что если у обследуемых осуждены их биологические родители, то в результате этого наследственный фактор повлияет на формирование у них преступного поведения. Были получены результаты, которые свидетельствовали о том, что мальчики, имеющие осуждённых биологических отцов, скорее всего сами в последующем будут склонны к правонарушениям [35]. Подобный вывод о наличии наследственной предрасположенности к противоправному поведению подтверждается и исследованиями В.Л. Васильева, в которых, однако в качестве наиболее криминогенного фактора выявилась судимость матери [6]. В данном аспекте интересны результаты сравнения частоты преступного поведения однояйцевых близнецов, которая в два раза выше, чем у двуяйцевых (двойняшек). Одним из веских доказательств в пользу наследственной предрасположенности является история Юрия Чикатило, сына А.Р. Чикатило, известного серийного убийцы. В 1996 г., уже после казни Чикатило-старшего, его сын был арестован и в вину ему вменялось незаконное лишение свободы человека, которого он истязал, изнасилование и подделка документов [10].

Как известно, хромосомный набор человека составляет 23 пары. Наличие хромосомы X или Y определяет пол человека. Человек с двумя X хромосомами принадлежит к женскому полу, с XY – к мужскому. Иногда присутствуют лишние хромосомы, но независимо от того, сколько X хромосом у человека, наличие хотя бы одной Y делает его мужчиной. Отсюда возможны комбинации XXУ, XXXX реже XYУ. Наибольший криминологический интерес представляют варианты XXУ и XYУ. Всестороннее изучение "синдрома XYУ" показывает, что эта патология у мужчин встречается с частотой 1:700 (рождённых мальчиков) и при ней отмечается более высокая агрессивность, распространённость сексуальных девиаций. Эти люди, как правило, крупнее остальных и выше ростом [2; 3; 16]. Масштабное обследование заключённых в 1965 г. в США показало, что у нескольких тысяч из них наблюдалась комбинация XYУ [30]. "Синдром XXУ" впервые был описан в 1965 г. Джэкобсом, Брайтоном и Мервилем. Для "синдрома XXУ" типичны проявления чрезмерной агрессии, внезапных вспышек насилия, а также задержки в умственном развитии. При этом авторы отметили необычно высокую частоту наличия подобного набора хромосом у лиц, содержащихся в местах лишения свободы [34].

Подводя итог значительному числу исследований по данной проблеме, можно указать, что установлена связь хромосомных аномалий ХХУ, ХУУ не столько с преступностью, сколько с проявлениями повышенной агрессивности и низким уровнем интеллекта. А выявленная в ходе проведённых исследований связь между хромосомными аномалиями и девиантным поведением может являться свидетельством скорее недостаточного умственного развития, чем врождённой склонности к совершению насильственных преступлений.

Со второй половины XX века предпринимаются исследования биохимической основы формирования поведения человека. К примеру, при исследовании микроэлементов организма было обнаружено высокое содержание элементов кадмия и свинца в волосах некоторых серийных убийц. Также биохимические отклонения не редко совпадают с девиантными формами поведения. Тестостерон широко известен как «мужской» гормон, (хотя он также присутствует и в организме женщин), который стимулирует все виды агрессивного поведения [5; 16; 32]. У женщин, отбывающих наказание в тюрьмах за совершение преступлений, связанных с проявлением неспровоцированного насилия, были обнаружены высокие уровни тестостерона [32]. У тех женщин, которые были спровоцированы в результате нападения (самозащита), как правило, наблюдались более низкие уровни этого гормона [32]. У 4500 выбранных наугад ветеранов войны во Вьетнаме была обнаружена взаимосвязь между уровнями тестостерона в крови и психологическим диагнозом причин отклонения от нормы в поведении, злоупотребления спиртным и наркотиками, неоправданных прогулов и даже наличия на теле татуировки [2; 4]. В 1991 г. Дж. Арчер обнаружил существенные доказательства наличия связи между тестостероном и агрессией. Высокий уровень тестостерона в слюне отмечался у лиц, осуждённых за совершение насильственных преступлений [16]: результаты показали, что лица с наивысшим уровнем тестостерона совершили преимущественно насильственные преступления – 10 из 12 обследованных были осуждены за совершение насильственных преступлений. В то же время 9 из 11 обследованных с низким уровнем тестостерона совершили только ненасильственные преступления.

Другое химическое вещество – кортизол – показатель возбуждения анатомио-функциональной системы «гипоталамус – гипофиз – надпочечники», влияет на деятельность лимбической системы и автономной нервной системы. Уровень кортизола связан с застенчивостью, а также с беспокойством, депрессиями и интроверсией. В 1991 г. Дж. М. Даббс, Дж. Дж. Юкович и Р. Л. Фради обнаружили, что кортизол способствует насилию при депрессии. Многочисленные исследования агрессии свидетельствуют о связи между снижением уровня кортизола и насильственным поведением, и агрессией школьников, совершающих насильственные преступления [16]. В том же году Дж. М. Даббс обследовал заключённых (мужского пола) на содержание уровня тестостерона и кортизола в слюне. Была обнаружена зависимость между агрессией и уровнем тестостерона. Результаты свидетельствовали о том, что

кортизол является промежуточным звеном между тестостероном и насилием, в котором высокий уровень кортизола провоцирует соответствующий уровень тестостерона и вызывает агрессию. Исследования агрессии у лиц с алкогольной зависимостью выявили такую же взаимосвязь тестостерона и кортизола [16]. Исследования Р.Э. Линдмана и его коллег в 1997 г. показали существенное различие в уровне кортизола-тестостерона у лиц, совершивших насильственные преступления в состоянии алкогольного опьянения и уровнем этих веществ в их трезвом состоянии. В состоянии опьянения уровень кортизола был чрезвычайно низок, в то время как показатели тестостерона были крайне высокими [32]. Таким образом, становится ясно, что тестостерон является причиной агрессивного поведения, регулируемого кортизолом. Однако представляется сомнительным, что эти биохимические вещества являются единственными факторами агрессивного и насильственного поведения.

Также имеются наблюдения о возможном влиянии норэпинефрина и допамина на агрессивное поведение человека, хотя существенная взаимосвязь была выявлена лишь с серотонином. На основании этого американские специалисты пришли к заключению о том, что дисфункция активности серотонина является результатом дезадаптации системы торможения поведения человека. Определённая связь между нейрхимией и агрессией лежит в химической активности норэпинефрина. Исследования уровня норэпинефрина у лиц, совершивших насильственные преступления, указывают на увеличение метаболитов норэпинефрина в момент вспышки агрессивности [4; 32].

Ещё одним веществом, которое предположительно оказывает влияние на агрессию, является допамин. Повышение случаев проявления насилия у больных шизофренией, связываемое с дисфункцией допамина, указывает в пользу этой гипотезы. В случаях, не связанных с психическими заболеваниями, повышение допаминергической активности посредством приёма амфетаминов также вызывает агрессивное поведение [2; 4; 32].

Интересные данные получены при исследовании последствий различного повреждения головного мозга у преступников. Так, для одного исследования было отобрано 15 человек, совершивших убийство своих сожительниц. В каждом случае были обнаружены следы тяжёлых травм головного мозга и невропатологических нарушений [8]. Известно, что некоторые серийные убийцы страдают такими расстройствами и перенесли черепно-мозговые травмы. Джон Гейси (серийный убийца), например, страдал в детстве психомоторной формой эпилепсии, Артур Шаукросс (серийный убийца) имел повреждение височной доли головного мозга и проявлял связанные с этим расстройства [13]. Сотрудник Торонтского университета Рон Ланджвин, используя метод аксиальной компьютерной томографии, провел обследование заключенных, которые совершили различные преступления, в том числе изнасилования или убийства, а также имеющих склонность к педофилии. У 41% лиц, совершивших такие преступления, в которых имело место убийство жертвы или нанесение ей тяжёлых повреждений, было обнаружено изменение строения правой височной

области головного мозга. У преступников со склонностью к педофилии, имевших отклонения в сексуальном поведении, но не прибегавших к насилию, наблюдалось аналогичное изменение, но в левой височной области. У убийц и других агрессивных заключенных, совершивших преступления, не связанные с сексом, не наблюдалось подобного изменения [4; 32]. Масштабные исследования органических основ аномального сексуального поведения в связи с совершением преступлений проводится О. Бухановской. Согласно её данным, у всех серийных сексуальных садистов, по данным обследования головного мозга при помощи ядерно-магнитного резонанса, выявляются признаки морфологической, анатомической «неполноценности» головного мозга. При этом наиболее часто встречается сочетание патологии передних отделов лобных и глубоких отделов височных долей с патологией септальной области [14].

Достаточно большое число специалистов полагает, что в основе формирования тенденции к агрессивному поведению лежит влияние, оказываемое на плод в течение беременности. Стрессовое напряжение беременной женщины от ожидания родов, неблагоприятное питание, влияние химических веществ (имеется в виду не только злоупотребление алкоголем и наркотиками, но и неблагоприятная экологическая обстановка) на мозг плода могут сформировать у него состояние гипербессонницы или агрессии. Эти исследования также свидетельствуют о том, что плохое состояние здоровья матери, эмоциональное напряжение или действие вредных веществ могут воздействовать на плод, повреждая мозговые структуры, которые регулируют формирование темперамента и будущего самоконтроля личности человека.

Изложение основного материала. Социальные и биологические факторы становятся детерминантами криминального поведения не сами по себе, а интегрируясь в личностно-психологических качествах преступника, преломляясь в обобщённых способах поведения [27; 33]. Относительно криминального сексологического поведения указанное вновь ставит проблему детерминации поведения человека.

Учение о детерминизме полового поведения развивается в рамках общего учения о детерминизме поведения. При этом разворачивается несколько подмножеств детерминизма – психофизический, психофизиологический, социально-психологический и т.п. [1; 18; 20; 25; 28; 29]. Также констатируется значимость и, одновременно, сложность, и, вытекающая из неё, слабая разработанность данного учения в психологической науке. Представляется, что и в данном случае недостаточная разработанность однозначной общенаучной теории, умножается собственными сложностями предмета исследования [20]. Значимыми являются такие аспекты данной проблемы как:

– отказ от отождествления детерминизма только с причинностью, в первую очередь с линейной, т. е. детерминизмом П.С. Лапласа, следовательно, признание многообразия форм связей [5; 12; 20; 25];

– как явное, так и имплицитное расположение учения о детерминизме в группе объяснений поведения (и, соответственно – результатов деятельности) индивида [20].

Нелинейный детерминизм, применительно к объяснению как самого поведения, так и условий его формирования, обусловлен не только общенаучными характеристиками самого детерминизма, но и объективно существующей сложностью и многоаспектностью предмета психологии. Специфически-психологическими характеристиками детерминации в психологии являются:

– своеобразие временных отношений, в силу которых возможна «отдаленность» реальной причины от следствия [9; 15; 20];

– кумуляция причинных факторов как по временной, так и по событийной оси [12; 20; 29];

– гетерохронность биологического и социального созревания как по отдельности, так и в системном единстве, влияющая как на временные параметры проявления связей, так и на формы этих проявлений [19; 20; 25];

– включение в детерминацию поведенческого акта его самого, в том числе и с конкретными условиями среды, и с промежуточными результатами [20; 22].

Отсюда, рассмотрение детерминации поведенческих актов определяется таким существенным многообразием факторов целенаправленности, саморегуляции, интеграции прошлого опыта, обстоятельств и условий и т.п., что конечный учёт их, на сегодняшнем уровне знания, представляется маловозможным. Однако и вариативность перечисленных факторов, и само поведение человека объективно детерминированы [20], и представляют собой открытую систему «интегрирующую "компьютерообразное" поведение со спонтанной активностью личности» [25, С. 408.]. Одним из наиболее адекватных решений задачи рассмотрения детерминации поведения представляется подход с точки зрения системообразующего фактора, который «определяет в каждом конкретном случае особенности психического отражения предмета, средств и условий деятельности, а также уровень и динамику её регуляции» [20, С. 124-125].

Т. е. предлагается рассмотрение детерминации поведения человека как некоей результирующей, в которой могут быть установлены условно-исходное, промежуточные и условно-конечное состояние индивида. Эта фиксация некоего «пунктира» проявлений деятельности определяется через отражение в изменениях: 1) его психофизиологических состояний, 2) взаимодействий как с одушевленными, так и неодушевленными элементами события и 3) обстановки окружающей среды. Сама же психическая деятельность может быть описана как саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система [1; 7; 18; 20; 25; 28; 31]. При этом в повседневном состоянии эта система может быть отнесена к слабо неравновесным, т. е. таким, в которых непрерывные флуктуации внешних и/или внутренних факторов в конечном итоге уравнивают друг друга. Это позволяет системе человеческого поведения устойчиво и без излишних затрат

ресурсов сохранять внешний и внутренний гомеостаз. В таком положении поведение относительно стабильно и упорядочено. В случаях, когда определённая комбинация флуктуаций, представляющая собой сочетаемые алгебраически внешние и внутренние стимулы, нарушает равновесие, формируется новая, сильно нестабильная система. Прежний способ организации повседневного взаимодействия становится невозможным [21]. Основные паттерны поведения индивида, его эмоционально-волевые и когнитивные сферы (включая сюда приоритетные механизмы сдерживания и принятия решения), могут служить основой для формирования поведения в условиях слабой неравновесности, т. е. рутинной стабильности. В условиях исключительных, вызванных внутренними и/или внешними стимулами, осуществляется переход на иные механизмы регуляции [13; 22]. Это и есть точка бифуркации [26], которая приводит к непредсказуемой коренной перестройке организации системы, в рассматриваемом случае – детерминации поведения индивида. Эта дезорганизация формирует новую систему, которая либо переходит на менее упорядоченный уровень (хаос), либо обретает более сложную регуляцию [17]. В первом случае выраженная дезорганизация поведения приводит к тем или иным явным формам проявления его неадекватности и через имеющиеся у общества институты (правоохранительные органы, учреждения здравоохранения) достаточно быстро эскульпируется. Т. е., если и совершается преступное деяние, то чаще в условиях очевидности. С точки зрения формирования неочевидности преступного поведения более значимо формирование наново упорядоченной системы, интроецировавшей в формулу детерминации поведения новые стимулы. В целом системы такого рода называют диссипативными [11; 17; 26]: высокоупорядоченными самоорганизующимися и устойчивыми относительно малых возмущений. Процесс перехода «устойчивость – неустойчивость – устойчивость» до недавнего времени отождествлялся с переходом к хаосу. В действительности же обнаружено, что в точке перехода путём самоорганизации диссипативных структур происходит упорядочение и стабилизация на новом, ином уровне. Существенно значимым для существования и описания диссипативных систем является совокупность внутренних и внешних условий, способствующих «выбору» самоорганизующейся системой одного из вариантов устойчивого развития: некое идеальное конечное состояние, к которому стремится система в своём развитии. Этот элемент теории называют аттрактором – вектором последующих изменений как структурирующий образ будущего. Аттрактор является устойчивой структурой системы как одного из вариантов возможного пути развития, который как бы «притягивает» к себе все «траектории» возможного развития событий [17]. Применительно к поведению человека это понятие сходно до степени смещения с понятием системообразующего фактора поведенческого акта [20; 25] и, в определённой мере отражает так называемый «Всеобщий закон биологии» Э.С. Бауэра, согласно которому живые системы никогда не бывают в состоянии равновесия, постоянно затрачивая энергию на

преодоление энтропии [11]. Положение о имманентной нестабильности живых систем, нахождением их в континууме слабого – сильного неравновесия, с возможностью детерминистского объяснения в фазовом пространстве слабого неравновесия [11; 17] подтверждено и развито работами школы лауреата Нобелевской премии И. Пригожина [17; 26], в том числе и применительно к поведению человека [9].

Описанный Б.Ф. Ломовым (1984) системообразующий фактор формирования поведения человека является динамически сложно организованным, но детерминированным процессом [20]. Основными характеристиками его являются нелинейность и неустойчивость. Описание психической реальности с привлечением большого числа переменных, динамика которых не может быть представлена в линейном виде и позволяет рассмотреть в виде модели детерминации поведения диссипативную систему, функционирующую в режиме детерминированного хаоса [23]. Хаос является нормой динамического поведения не только нелинейных физических, но и биологических систем [7]. Наиболее очевидная особенность живых организмов заключается в том, что они способны к самоорганизации, то есть спонтанному образованию и развитию сложных упорядоченных структур [21]. Логико-математическим представлением событий в динамических диссипативных системах является аттрактор как некоторая предельная траектория изображающей точки в фазовом пространстве [24; 26]. Применительно к рассмотрению полового поведения человека аттрактором можно считать способность субъекта адекватно реагировать, ассимилировать или отвергать стимулы-вызовы, поступающие в качестве смыслов-раздражителей из окружающей социокультурной или природно-биологической среды. Его главная функция – репрезентация закономерностей функционирования психики под действием разнообразных, внешних и внутренних, закономерных и случайных, прогнозируемых и непредсказуемых факторов. Таким образом, для описания детерминации поведения значимым является определение результатов его деятельности в окружающем мире, способа взаимодействия с ним, при возможности – объективной фиксации изменений психофизиологического статуса.

При определении структуры личности преступника следует иметь в виду, что прежде всего она представляет собой совокупность её социально-значимых свойств, сложившихся в процессе разнообразных взаимодействий с другими людьми и делающих её в свою очередь субъектом деятельности, познания и общения. Проблема личности и её характеристик имеет достаточно обширную литературу. При этом многообразии методических подходов как к теоретическому пониманию личности и как единой целостности и как некоего сложного конструкта, так и практического исследования личности и её составляющих, свидетельствует о том, что эта проблема ещё не скоро найдет адекватное разрешение. В 1949 г. американский психолог Г. Олпорт показал, что в философской, социологической и психологической литературе существует не

менее 50 определений личности, которые не пересекаются друг с другом. В руководстве по психологии, опубликованном двумя видными французскими учеными Ж. Делеем и П. Пиаже (1966) указывается, что в современной психологии личность понимается как динамическая организация познавательных, аффективных и волевых, физиологических и морфологических аспектов индивидуума. К сожалению, в руководстве мало внимания уделяется социальной стороне личности. С.Л. Рубинштейн указывал, что поведение личности представляет собой совокупность внутренних условий и внешних воздействий [28]. В этом высказывании важным надо признать отношение к личности, как к единству, развитие принципа единства внутреннего и внешнего, личности и окружающего. Много внимания уделяет проблеме личности В.Н. Мясищев, отмечая, что личность представляет собой сложно-динамическое, системно-функциональное образование [29]. Исследования Б.Г. Ананьева показали, что определённый комплекс коррелируемых свойств индивидуума, а именно: возрастно-половых и конституционально-биохимических, входит в структуру личности, он также относил три группы природных свойств – конституционально-половые, нейродинамические и билатеральные, к первичным характеристикам человека [1].

Как в отечественной, так и в мировой психологии термином «личность» принято обозначать нечто внешнее, некое социально-обусловленное образование, о чём свидетельствует его словарная основа – «лик», «личина», «персона» – маска, т.е. то, что, находясь снаружи, скрывает, маскирует, укрывает нечто. Известное в отечественной психологии определение личности в качестве системы отношений к миру и самому себе как нельзя лучше характеризует понятие «личность» в качестве пограничного между Миром (природным, артефактным и социальным) и неким интимно-индивидуальным образованием, имеющим более внутренний смысл и зачастую определяемым как «Я».

Таким образом, структура психики индивида, в первом приближении, может быть задана понятиями «личность» и «идентичность», каждое из которых имеет свои, достаточно жёстко определяемые задачи. «Личность» – это та часть психической индивидуальности, которая обеспечивает адекватное и конструктивное (большой частью, по крайней мере у психически здоровых лиц) взаимодействие с внешним Миром. А «идентичность» – осуществляет (среди многих других) функцию противостояния энтропии, как некий центр инженерии и воспроизведения человеческой сущности как таковой.

При чётком разграничении в психическом пространстве индивида таких образований как «личность» и «идентичность» становится более определённым и употребление образованных от них прилагательных. Так «личностный» определяется понятийным полем, близким к «социальный», «внешне-заданный», определяющий нечто связывающее психическую индивидуальность, человека, индивидуума с Миром, сознание в его широком смысле. «Идентичный» же становится в ряд понятий, связанных с внутренним пространством индивидуума, с теми процессами, которые определяют

самосознание, самоосознание, постоянную работу по реконструкции, воссозданию и поддержанию «Я».

Личность строится на основе организма, меняется под влиянием его нормальных (например, возрастных) и патологических изменений. С другой стороны, и изменения в личности могут повести к существенным изменениям в организме. Эти изменения взаимосвязаны. Личность представляет собой динамически-диалектическое единство, в котором взаимозависимы все её стороны, все психические процессы и особенности, отношения и побуждения, мотивы и интересы, разум и эмоции, сознательное и бессознательное.

В настоящее время в литературе представлено достаточно значительное число теорий личности, как отечественных, так и (возможно даже в ущерб первым) зарубежных. Некоторые известные аналитики – методологи (такие, например, как С.С. Hall, G. Lindzey, 1997 и L.A. Hjelle, D.J. Ziegler, 1997) пытаются выделить то общее, что объединяет основные теории личности, называя их «модальные качества или центральные тенденции» (С.С. Hall, G. Lindzey, 1997) и «общие положения» (L.A. Hjelle, D.J. Ziegler, 1997), однако они представляют собой достаточно эклектическое смешение различных подходов. Следует указать, что на сегодняшнем уровне развития науки о личности – персонологии, отсутствие единого системообразующего критерия является данностью, необходимой для дальнейшего развития науки.

Из многообразия вышеописанных подходов можно выделить следующие группы концептов: генетические, прагматические, концептуальные и исследовательские. Смысловое содержание каждого в данном случае следующее:

– *генетические* – указывающие на происхождение этого обобщающего теории личности критерия. Основным генетическим выводом для теорий личности является их обращённость к проблематике, лежащей на стыке клинических дисциплин и психологии как дисциплины, изучающей закономерности развития функционирования особой формы жизнедеятельности – человеческой психики;

– *прагматические* – исходящие из необходимости решения прикладных, повседневных задач;

– *концептуальные* – отражающие ту или иную научную концепцию, чаще не психологическую, а гносеологическую;

– *исследовательские* – заданные определённой исследовательской программой, сходной по целям в различных теориях – изучить типические и индивидуальные характеристики индивидуума для описания его личности.

При этом возможны два принципиальных подхода – отталкивающийся от патологических феноменов и характеризующий условно «нормальную» личность, в большей мере опирающийся на индивидуальные отличия, наблюдаемые у типических психически больных (чаще больных неврозами). Примером этому могут служить практически все психоаналитические теории. И

второй принципиальный подход – опирающийся на типические, усреднённые характеристики «нормальных» лиц в сопоставлении с патологическими характеристиками. Такими теориями можно считать теории соматопсихических типов, начиная с работ Э. Кречмера и его последователей.

Криминологический анализ личности предполагает и максимальный учёт индивидуальных психических особенностей, и биологически обусловленных свойств, которые отражаются на механизме человеческого поведения, включая преступное [27; 36]. Так, например, В.Л. Васильев предполагает, изучая личность преступника, выделять такие факторы [6]:

1. *социально-демографические*: пол, возраст, образование, партийность, специальность, шкала ролей и т.п.;

2. *социально-психологические*: интеллектуальные, волевые, нравственные качества, черты характера и т.п.;

3. *психофизиологические*: темперамент (сила, подвижность и уравновешенность нервной деятельности), специальный тип нервной деятельности, а также сведения о патологических отклонениях личности.

Выводы. Таким образом, в детерминации поведения преступника, совершающего преступление, предусмотренное Главой 18 УК РФ в диалектическом единстве, выступают как внутренние (биологические и психологические), так и внешние (социальные) факторы. Очевидно, что выделяемые различными авторами биологические, психологические и социальные факторы вряд ли можно отнести к тем, которые однозначно формируют тип преступника в целом, насильственного в частности и тем более совершающего преступления на сексуальной почве. Это, в свою очередь, указывает на сложность и особую важность исследовательских задач в области криминальной сексологии.

Однако вышеуказанное составляет собой лишь одну из теоретических проблем криминальной сексологии. Другим, не менее важным аспектом, является теоретическое и практическое исследование особенностей решения криминалистических задач в ходе исследования преступного поведения: идентификационной, классификационной и диагностической. На данном этапе развития криминальная сексология ещё не может решать глобальные теоретические проблемы, реализуя их на собственном достаточно узком теоретическом поле, однако именно такой путь развития, на наш взгляд, является для криминальной сексологии наиболее перспективным, как с точки зрения становления в качестве самостоятельной дисциплины, так и с точки зрения более широкой её востребованности органами следствия и суда.

Список литературы

1. Ананьев, Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Б.Г. Ананьев / Под ред. А.А. Бодалева. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж : НПО МОДЭК, 1996. – 384 с.

2. Антонян, Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления: Чикатило и другие. – М.: Амальтея, 1993. – 319 с.
3. Антонян, Ю.М., Верещагин, В.А., Потапов, С.А., Шостакович Б.В. Серийные сексуальные убийства. Учебное пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: МЮИ МВД России, Издательство «Щит-М», 1997. – 202 с.
4. Антонян, Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович, Б.В. Криминальная сексология / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Спарк, 1999. – 464 с.
5. Большой толковый психологический словарь. В 2-х томах / Ребер Артур (Penguin). Том I (А-О), Т. II (П-Я) Т. 2. – 559 с.: пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2003. – 592 с.; 559 с.
6. Васильев, В.Л. Юридическая психология: [Учеб. для вузов по спец. "Правоведение"] / В.Л. Васильев. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 461 с.
7. Гулидов, А.И. Диалектика необходимого – случайного в свете концепции динамического хаоса / А.И. Гулидов, Ю.И. Наберухин // Философия науки. – 2001. – № 1 (9). – С. 33–46.
8. Гульман, Б.Л. Сексуальные преступления / Б.Л. Гульман. – Харьков : ИМП «Рубикон», 1994. – 272 с.
9. Гусельцева, М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии / М.С. Гусельцева // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 45-73.
10. Дерягин, Г.Б. Криминальная сексология. Курс лекций для юридических факультетов / Г.Б. Дерягин. – М.: Московский университет МВД России. Издательство «Щит-М», 2008. – 552 с.
11. Доброборский, Б.С. Термодинамика биологических систем. Учебное пособие для студентов высших медицинских учебных заведений / Б.С. Доброборский / Под ред. Е.С. Мандрыко. – СПб, 2006. – 40 с.
12. Еникеев, М.И. Психологический энциклопедический словарь / М.И. Еникеев. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 560 с., С. 89.
13. Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 740 с.
14. Исаев, Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии / Н.А. Исаев. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 486 с.
15. Корнилова, Т.В. Экспериментальная парадигма, или ложные дихотомии в психологии / Т.В. Корнилова // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 95-118.
16. Кришталь, В.В. Сексология: В 4 ч. / В.В. Кришталь, С.Р. Григорян. – Харьков : Академия сексологических исследований, 1999. – 1152 с.
17. Ласло, Э. Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира / Э. Ласло // Путь. – 1995. - № 1. – С. 3-129.

18. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с. – (Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР).
19. Леонтьев, Д.А. Неклассический вектор в современной психологии / Д.А. Леонтьев // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 74-94.
20. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов / Отв.ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1984. – 445 с.
21. Лоскутов, А.Ю. Очарование хаоса / А.Ю. Лоскутов // Успехи физических наук. – 2010. – Т. 180. - № 12. – С. 1305-1329.
22. Марцинковская, Т.Д. Психология в современном мире / Т.Д. Марцинковская // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 33-44.
23. Некрасова, И.Н. Логико-математическая модель методологической интеграции психологии / И.Н. Некрасова, В.В. Седнев // Ананьевские чтения-2009: Современная психология: методология, парадигмы, теория // Материалы научной конференции «Ананьевские чтения-2009», Выпуск 1. Методологические и теоретические проблемы психологии. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. – С. 67-71.
24. Петров, К.Б. Соотношение хаоса и порядка в биологических системах. Обзор литературы / К.Б. Петров, О.С. Калинина // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=19607> – (дата обращения: 12.05.2024).
25. Петровский, А.В. Основы теоретической психологии / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М. ИНФРА-М, 1998. – 528 с.
26. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
27. Российская криминологическая энциклопедия. Под общ. ред. д. ю. н., засл. юриста РСФСР, президента Российской криминологической ассоциации А.И. Долговой. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА - ИНФРА·М), 2000. – 808 с.
28. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1 / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с. – (Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР).
29. Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В.И. Дружинин. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 688 с.
30. Старович, З. Судебная сексология / З. Старович. Пер. с польск. Рецензенты и переводчики: Д.К. Лунин и к. м. н. В.П. Ольховик. – М.: Юридическая литература, 1991. – 336 с.

31. Терехова, Т.А. Система детерминации экономической социализации личности / Т.А. Терехова, А.С. Евдокимова // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, Психология. – 2012. – № 1. – С. 199-204.
32. Ткаченко, А.А. Судебная сексология / А.А. Ткаченко, Г.Е. Введенский и Н.В. Дворянчиков. – М.: Медицина, 2001. – 560 с.
33. Усанов, И.В. Выявление и изобличение лиц, совершивших серийные убийства на сексуальной почве: учебно-методическое пособие / И.В. Усанов. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 144 с.
34. Чуприков, А.П. Сексуальные преступления / А.П. Чуприков, Б.М. Цупрык. – Киев, 2000. – 180 с.
35. Энциклопедия уголовного права. Т. 13. Преступления против жизни и здоровья. – СПб.: Издание профессора Малинина – МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. – 947 с.
36. Яковлев, Я.М. Половые преступления / Я.М. Яковлев. – Душанбе : Ирфон, 1969. – 454 с.

УДК 343.121.5

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Сиренко Б.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Донецкая академия управления и государственной службы (г. Донецк)
(e-mail: sirenkobogdan@mail.ru)

В статье предпринята попытка раскрыть содержание понятий «охрана и защита прав личности и детей», в частности, выполнен анализ международной правовой базы в сфере охраны прав детей. Отмечено, что международное законодательство свидетельствует о наличии комплекса мер, направленных на защиту гражданского населения, в частности детей.

Ключевые слова: охрана, защита, вооруженный конфликт, дети, государство.

PECULIARITIES OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS IN CONDITIONS OF ARMED CONFLICT

Sirenko, B.N.

The article attempts to reveal the content of the concepts of «protection and protection of the rights of individuals and children», in particular, an analysis of the international legal framework in the field of protection of children's rights is carried out. It is noted that international legislation indicates the existence of a set of measures aimed at protecting the civilian population, in particular children.

Keywords: protection, protection, armed conflict, children, the state.

Актуальность темы исследования. До недавнего времени в международной политике и, в частности, в сфере юриспруденции, уделялось недостаточно внимания вопросу защиты прав детей в общем, и при возникновении ситуаций, угрожающих их жизни и здоровью, в частности. Однако, в прошлом веке, в основном по причинам двух Мировых войн и всевозрастающего внимания к проблематике защиты детей в Европе и Северной Америке, возникла острая необходимость в создании действенного юридического механизма по разрешению возникающих проблем с различными категориями подрастающего поколения.

Так, с целью разработки мер, направленных на разрешение проблем, связанных с беспризорностью детей, детским трудом, торговлей детьми и

проституцией несовершеннолетних, в 1919 году Лига Наций создала Комитет детского благополучия. Как результат, резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1959 года была провозглашена Декларация прав ребенка.

Система же международной защиты прав ребенка, как часть защиты прав человека, окончательно сформировалась по окончании Второй мировой войны, после создания Организации Объединенных Наций (далее – ООН), которая провозгласила уважение прав и свобод человека без дискриминации.

В современных условиях вопрос защиты прав детей признается одной из приоритетных задач государственной политики большинства стран мира., в т.ч. и Российской Федерации, что также воспринимается как глобальная проблема, в разрешении которой заинтересовано все государства мирового сообщества, поскольку подрастающему поколению принадлежит определяющая роль в обеспечении жизнеспособности общества, определении и прогнозировании вектора его развития.

Кроме того, в настоящее время вопрос защиты прав ребенка считается одним из наиболее актуальных и злободневных, требующего сосредоточенного и осознанного подхода в его исследовании с последующим созданием действенного механизма разрешения проблемных ситуаций в указанной сфере в международном масштабе.

Это, в первую очередь, обосновывается тем, что согласно данным детского фонда ООН «ЮНИСЕФ», рассматриваемая категория граждан по-прежнему подвергается моральному, психическому, физическому, сексуальному насилию, выступает жертвами трудовой эксплуатации, проституции и торговли людьми как в развивающихся, так и в промышленно-развитых странах.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты обеспечения и защиты прав детей в условиях военных конфликтов исследованы в трудах ряда ученых, среди которых Н.С. Малейн, А.П. Сергеев, А.Б. Ордабаева, В.А. Борченко, В.И. Дьяченко, В.М. Цюрупа и др., которые в своих публикациях уделяли внимание причинам, факторам, следствиям указанного негативного процесса, а также затрагивали вопрос принимаемых мировым сообществом мер противодействия нарушениям прав подрастающего поколения в современном мире. Но указанная проблематика в условиях Донецкой Народной Республики, как субъекта Российской Федерации, изучена еще не в полной мере, требует дополнительного взгляда, анализа и подхода с целью выработки наиболее перспективных путей ее скорейшего разрешения, что и обосновывает актуальность, важность и своевременность настоящей статьи.

Цель статьи заключается в выполнении комплексного анализа сложившейся ситуации в части обеспечения и охраны прав детей в условиях вооруженного конфликта.

Изложение основного материала. Права детей требуют специальной защиты для гарантирования их свободного и полноценного ритма жизнедеятельности. На общество и государственную власть, в целом,

возлагается обязанность по обеспечению реализации указанного процесса на национальном уровне. Международные стандарты правового статуса ребенка признают наличие значительного объема их прав и интересов, а также разработанных юридических механизмов их защиты.

Международные акты, в частности, Пекинские правила, устанавливают принципы судебного разбирательства и мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей [1].

Руководящие принципы ООН также определяют стратегии предупреждения преступности среди несовершеннолетних [2]. В свою очередь, Правила ООН устанавливают минимальные стандарты защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, и призывают к обеспечению их прав и безопасности [3].

Венская декларация сосредотачивает внимание на необходимости защиты прав детей и их участия в обществе [4].

А в соответствии с Протоколами к Конвенции о правах ребенка и Декларации тысячелетия ООН, государства обязуются защищать права детей в экстремальных ситуациях [5].

Кроме того, Стратегический план ЮНИСЕФ на 2022-2025 годы направлен на достижение целей устойчивого развития и защиту прав детей [6].

Далее считаем важным указать, что источники международно-правовой охраны прав несовершеннолетних усматривается возможным классифицировать по сфере действия и категории субъектов.

Для полного понимания вопроса, касающегося обеспечения защиты прав и законных интересов детей, считаем целесообразным разграничить понятия «защита» и «охрана», которые имеют разные значения в общей теории прав человека.

И хотя во многих случаях указанные выше термины сходны, все же имеются веские основания для их дифференциации, но с обязательным учетом того, что использование терминов «защита» и «охрана» прав и свобод человека в одном контексте объясняется необходимостью обеспечения соблюдения прав и свобод человека, а также защиты интересов государства. Несмотря на их близость по этимологии, юридическая теория разграничивает понятия охраны и защиты прав человека.

Так, в юридической науке выработаны различные подходы к толкованию понятия «защита».

К примеру, Н.С. Малейн, под защитой права рассматривает систему норм, направленных на предупреждение правонарушений и устранение их последствий. При этом меры защиты исследователь разделяет на два вида: одни из них направлены на предупреждение и устранение правонарушений (меры защиты в узком понимании), другие – меры ответственности за совершение правонарушения [7, С. 84].

По мнению ученого А.П. Сергеева, «согласно сложившейся традиции понятием «охрана прав» охватывается вся совокупность мер, обеспечивающих

нормальный ход реализации прав. Сюда входят меры не только правового, но и экономического, политического, организационного и иного характера, направленные на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав» [8, С. 96].

В юридической науке и законодательстве используется понятие «охрана» и в узком смысле, когда оно охватывает только предусмотренные законом меры, направленные на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов в случае их нарушения или оспаривания.

Так, к примеру, М.К. Воробьев определяет охрану «как конституционную основу, принцип деятельности государства, а защиту как деятельность суда по осуществлению этого принципа в каждом конкретном случае» [9].

Таким образом, понятие «охрана» представляет собой меры, направленные на предотвращение нарушений прав человека и обеспечение нормальной реализации этих прав, в то время как «защита» предусматривает принятие мер для восстановления нарушенных прав. В то время, как категория «защита прав» считается более узким понятием в сравнении с дефиницией «охрана прав».

Вместе с тем, охрана связана с осуществлением юридической процедуры реализации прав, в то время как защита – с действиями в случае нарушений этого процесса.

Создание условий для реализации прав и законных интересов детей с использованием компетенционных возможностей государственных органов и международных организаций, на наш взгляд, следует расценивать как правовой механизм охраны прав и законных интересов детей.

В условиях военного положения дети, в силу их возраста, особенно подвержены воздействию негативного его влияния на все сферы их жизнедеятельности. Во время пребывания в сложных жизненных обстоятельствах, дети должны ощущать всестороннюю защиту и поддержку как со стороны государства в лице компетентных органов, их представителей либо отдельных граждан (волонтеры, добровольные объединения и др.), что выступает весомым фактором в сохранении их жизни и здоровья, поддержании морально-психологического состояния, исключения последствий «замыкания в себе».

Тем самым, когда во время военного положения легально и обоснованно зачастую существенно ограничивается правовой статус граждан, на первый план выходит проблема обеспечения жизни и здоровья детей как наименее защищенных и наиболее уязвимых, которая усложняется по причине увеличения количества внутренне перемещенных лиц, потерявших родителей, опекунов, попечителей, родных, близких и наличия других факторов, связанных с войной.

Также вопрос максимальной безопасности детей во всех аспектах (физический, морально-психологический, социально-бытовой и др.) чрезвычайно важен для сохранения здоровья будущего поколения, перед которым будет стоять задача по развитию и укреплению Российской Федерации.

Считаем важным указать, что А.Б. Ордабаева, исследуя проблемы международно-правовой защиты прав детей, вполне справедливо отмечает, что «вопрос о правовом статусе детей носит комплексный характер и включает ряд отдельных аспектов (общих и связанных с отдельными категориями детей, ставших участниками конфликта). Это могут быть дети-заключенные, дети-солдаты, дети, которые разлучены с родителями и др.».

По ее мнению, наиболее насущными проблемами, связанными с детьми во время вооруженного конфликта, следует признать:

– вербовка детей для участия в вооруженных конфликтах, в качестве солдат;

– разлука детей с родителями в результате вооруженного конфликта;

– приостановление получения образования [10, С.103].

Права, основанные на законных интересах личности, считаются основным элементом правового статуса детей, эффективная реализация которых возможна только при наличии действенных механизмов защиты. Поэтому, важно не только их закрепить в нормативно-правовых актах, но и гарантировать последующее выполнение и защиту.

Вместе с тем, стоит указать, что недостаточная реализация прав и свобод детей приводит к их недейственности. Поэтому, гарантии наделены важной ролью в процедуре обеспечения их правового статуса в механизме соблюдения их прав и свобод в полном объеме, а не только формальное признание указанного положения. Без них права указанной категории граждан остаются статичными, в то время как гарантии придают им динамичный характер.

Таким образом, гарантии соблюдения прав детей определяются гарантиями прав и свобод человека и признаются важной составляющей их правового статуса.

Вместе с тем, в нынешних условиях защита прав детей во время вооруженных конфликтов становится все более актуальной и кричащей. В этой связи международное сообщество признает необходимость усовершенствования механизма их защиты в таких ситуациях, а различные организации и органы ООН активно работают над этим вопросом, проводя программы по реабилитации и обеспечению помощи детям-жертвам войны [11, С.103].

С этой целью Совет Безопасности ООН принимает важные резолюции, направленные на обеспечение безопасности детей в период вооруженных конфликтов, что влечет позитивные изменения, проявляющиеся в снижении количества жертв среди детей, улучшению их правового статуса и обеспечению подрастающему поколению безопасных и достойных перспектив.

Невзирая на принимаемые меры мировым сообществом, вопрос обеспечения безопасности детей все еще остается крайне актуальным и злободневным в Совете Безопасности ООН.

Так, в 2015 году, в связи с принятием Резолюции 1612 (2015), была создана Рабочая группа Совета Безопасности ООН, основная цель которой состоит в

предоставлении рекомендаций государствам по защите прав вышеуказанной категории граждан, пострадавших в результате вооруженных конфликтов [12, С.115]. В случае поступления материалов о нарушениях международного гуманитарного права, указанный орган рассматривает информацию и принимает решение о мандате для стороны конфликта, нарушившей права детей.

Также на нее возлагается подготовка информации для доклада Генеральным секретарем ООН о необходимости прекращения нарушений прав детей во время вооруженных противостояний.

Рабочая группа проводит заседания по мере необходимости, но не реже одного раза в два месяца, по результатам которых готовится *Информационная записка*, отражающая озабоченность ее членов по поводу конфликтной ситуации, прогнозируемого ущерба для детей, и с предложениями каждого ее члена, которая представляется председателю Совета Безопасности ООН для подготовки к следующему заседанию.

Совет Безопасности также принимает меры с целью избегания использования детей во время вооруженных конфликтов, особенно в качестве рабочей силы для добычи ресурсов, и обращает внимание на недопустимость таких действий, призывает к соблюдению международного права [13, С. 81].

Таким образом, международно-правовые механизмы защиты прав детей предстоит реализовывать каждому государству мирового пространства как самостоятельно, так и в комплексе с другими субъектами международно-правовой политики с поддержкой межправительственных и неправительственных организаций для построения социального, гуманного и правового общества в пределах юрисдикции каждого из них.

Стоит также акцентировать внимание на том, что права детей должны быть непоколебимы и незыблемы, т.е. оставаться в ранге приоритетных во время вооруженных конфликтов, а лица, вербующие и использующие несовершеннолетних, должны своевременно выявляться и привлекаться к ответственности. На наш взгляд, для облегчения воплощения в жизнь указанного, подлежит разработке с последующим обсуждением и утверждением алгоритм действий для жертв, оказавшихся в подобной ситуации.

Отметим, что в условиях военного положения детям гарантируется:

- получение образования, в т.ч. религиозное и нравственное воспитание, согласно волеизъявлению их родителей либо других лиц, о них заботящихся;
- принятие необходимых мер по содействию воссоединению разобщенных семей;
- свободный пропуск посылок с продуктами питания, одеждой и тонизирующими средствами;
- исключение привлечения к военным действиям в условиях вооруженного конфликта, запрет на создание детских военизированных

организаций и формирований, а также вербовки в вооруженные силы или другие воинские формирования;

– получение сведений о членах своей семьи, информации семейного характера.

К сожалению, ежегодно в различных местах нашей планеты по причине активизации различных диссонансных и противоречивых факторов вспыхивают вооруженные, этнические, религиозные, социальные и другого рода конфликты, влекущие за собой страдания в т.ч. детей. Поэтому, становится обоснованной и понятной острая необходимость в развитии международно-правовых структур, специализирующихся на защите их прав во время вооруженных конфликтов [14, С. 97].

Для продвижения такого института необходимо:

– согласование международных норм в рассматриваемой сфере и наказание лиц (организаций), нарушающих права детей при этом;

– практическое применение законодательства о защите прав детей, включая принятие стандартов и следование руководящим принципам для улучшения условий жизни детей в таких условиях;

– установление правил, процедур и механизма взаимодействия для сотрудничества между региональными и международными организациями для оперативной помощи указанной категории граждан;

– разрешение проблем защиты детей в рамках программ по поддержанию мира и формированию надлежащих условий для проживания и жизнедеятельности;

– усиление роли механизмов наблюдения и отчетности, включая усовершенствование значения специального механизма борьбы с нарушениями прав несовершеннолетних в условиях конфликта;

– расширение партнерства в сфере защиты прав подрастающего поколения во время вооруженных конфликтов;

– разработка стратегий и мер по реинтеграции и реабилитации детей после конфликта;

– публичное осуждение нарушений в области использования несовершеннолетних в вооруженных конфликтах;

– проведение образовательных мероприятий для улучшения правовой культуры подрастающего поколения;

– своевременное принятие мер по предотвращению общественно опасных деяний, ущемляющих права детей.

Выводы. Проблема обеспечения прав и свобод представителей подрастающего поколения во время вооруженных конфликтов приобрела возможность быть услышанной и увиденной сравнительно недавно. Достаточно продолжительное время эти вопросы оставались латентными, т.е. «в тени».

Вместе с тем, в нынешних условиях переформатирования т.н. «мирового порядка» наблюдается тенденция увеличения количества фактов нарушения

прав граждан, в т.ч. и детей, что вынуждает мировое сообщество задуматься о необходимости совершенствования института защиты детей во время вооруженных конфликтов и в других социально нестабильных ситуациях.

В международно-правовом пространстве выработаны и применяются различные организационно-правовые, социально-гуманитарные, экономические и другие меры, направленные на защиту прав подрастающего поколения, особенно во время вооруженных конфликтов. Однако, проблема заключается в том, что некоторые государства зачастую их игнорируют, заявляя, что в таких условиях это не является приоритетной задачей. В этой связи низкая результативность внедрения различных институтов защиты прав и свобод детей делает их отчасти инертными и бездейственными, что обосновывает необходимость утверждения комплекса гарантий для обеспечения правового статуса указанной категории граждан.

Необходимость развития отрасли защиты прав несовершеннолетних приобрела важность и актуальность по причине изменения видов, форм и особенностей вооруженных конфликтов, их массовости и масштабности.

Международное право содержит комплекс организационно-правовых, социально-гуманитарных, информационных и других мер по защите гражданского населения, включая детей и подростков, однако события на территории России и в других странах свидетельствуют о грубых нарушениях этой процедуры, за что ответственность возлагается на соответствующие субъекты мировой политики в соответствии с Уставом ООН.

Учитывая нынешнюю сложившуюся обстановку в мировом сообществе, предлагается разработать и принять международный правовой акт, предусматривающий и регламентирующий процедуру взаимопомощи и сотрудничества между различными правительственными, неправительственными и региональными субъектами с целью оказания соответствующей помощи и поддержки детям, оказавшихся как в зоне вооруженного конфликта, так и в условиях, угрожающих их жизни и здоровью.

Список литературы

1. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г. (Ч. 5) // Сов. юстиция. – 1991. – № 14. – С. 24-25. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/2390000/0/pekinskie-pravila.pdf/468f5516-6128-a70c-d259-b39f7fed7be3?t=1578991754359> – (дата обращения 11.06.2024).
2. Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml – (дата обращения 11.06.2024).
3. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением 1990 г. (Токийские правила). – URL:

- https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml – (дата обращения 11.06.2024).
4. Венская декларация и Программа действий Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25 июня 1993 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml – (дата обращения 11.06.2024).
 5. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml – (дата обращения 11.06.2024).
 6. Стратегический план ЮНИСЕФ на 2022-2025 годы. – URL: <https://reliefweb.int/report/world/unicef-resource-mobilization-strategy-2022-2025> – (дата обращения 11.06.2024).
 7. Малеин, Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР / Н.С. Малеин. – Москва: 1981. – 216 с.
 8. Сергеев, А.П. Гражданское право. Учебник. В 3 томах. Том 3. – Москва : Проспект, 2020. – 736 с.
 9. Воробьев, М.К. Охрана гражданских прав – конституционный принцип советского государства / М.К. Воробьев // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального законодательства: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1982. – С. 24.
 10. Ордабаева, А.Б. Проблемы международной защиты прав детей во время вооруженного конфликта // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия «Международная жизнь и политика». 2014. – № 1. – С. 101-103.
 11. Саидов, А.Х. Международное право прав человека / А.Х. Саидов. – Москва, 2012. – 263 с.
 12. Бутько, О.В. Правовой статус ребенка: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Бутько. – Краснодар, 2004. – 241 с.
 13. Абашидзе, А.Х. Международное право. Мирное разрешение споров: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 221 с.
 14. Тимошенко, И.В. Международное право. Конспект лекций / И.В. Тимошенко, А.Н. Симонов. – Москва : Феникс, 2016. – 256 с.

УДК 343.131

ПОНЯТИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА СВОБОДУ ОТ САМОРАЗОБЛАЧЕНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ, ПРАВОВОЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Хмель О.В., доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД РФ» (г. Донецк)

(e-mail: apdavid@mail.ru)

Титов А.Н., кандидат юридических наук, доцент (г. Донецк)

(e-mail: atitov77@mail.ru)

В статье исследуется право субъекта уголовно-процессуальной деятельности на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников. Рассмотрены философский, правовой, психологический и моральный аспекты данной проблемы. По мнению авторов, лицо, пользующееся правом на свободу от саморазоблачения, разоблачение членов семьи или близких родственников, делает анализ приоритетов, наиболее значимых ценностей, взаимоотношений, что является очень сложной по своей психологической нагрузке деятельностью. В процессе этой деятельности на окончательный выбор личности-пользователя этим правом влияет очень широкий спектр факторов, в том числе и интересы семьи, и общественное мнение.

Ключевые слова: права человека, конституционные права, уголовный процесс, уголовная ответственность, право на свободу от саморазоблачения, интересы личности, моральный аспект, психологический аспект.

THE CONCEPT OF THE HUMAN RIGHT TO FREEDOM FROM SELF-EXPOSURE: PHILOSOPHICAL, LEGAL, PSYCHOLOGICAL AND MORAL ASPECTS

Khmel, O.V., Titov, A.N.

The article examines the right of the subject of criminal proceedings to freedom from self-exposure, exposure of family members or close relatives. The philosophical, legal, psychological and moral aspects of this problem are considered. According to the authors, a person who enjoys the right to freedom from self-exposure, exposure of family members or close relatives, makes an analysis of priorities, the most significant values, relationships, which is a very complex activity in its psychological load. In the process of this activity, the final choice of the individual user of this right is influenced by a very wide range of factors, including the interests of the family and public opinion.

Keywords: *human rights, constitutional rights, criminal process, criminal liability, the right to freedom from self-exposure, personal interests, moral aspect, psychological aspect.*

Актуальность темы исследования. Российская Федерация, взяв курс на построение демократического, правового государства, уделяет значительное внимание закреплению (в том числе и на конституционном уровне) основополагающих принципов (основ), на которых основывается механизм реализации защиты прав и свобод. Институт иммунитетов является одним из звеньев такого механизма. Иммунитет – это одно из правовых средств государства, благодаря которому государство предоставляет исключительное право субъектам, занимающим особое место (в межгосударственных, государственных и общественных отношениях) и могут не подчиняться отдельным общим правилам.

Закрепление на законодательном уровне и усовершенствование института иммунитетов (в частности, и свидетельского иммунитета) является шагом по укреплению моральных и демократических основ уголовного процесса, важным средством обеспечения процессуальных гарантий обоснованности законности привлечения участников уголовного судопроизводства в сферу этого производства, а также применения к ним надлежащих правоограничений.

Введение положений свидетельского иммунитета обусловлено направленностью деятельности государства на защиту прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности. Недостаточная разработанность положений института свидетельского иммунитета определяет научный интерес к рассмотрению данного вопроса. С одной стороны, свидетельские показания являются одним из важных доказательств в уголовном процессе, с другой стороны, существует проблема освобождения ряда лиц от дачи показаний в связи с исполнением ими определенных профессиональных, общественных и иных функций, а также наличием родственных и иных отношений между участниками уголовного судопроизводства. Это, в свою очередь, породило ряд проблем теоретического, законодательного и правоприменительного характера.

Вышеизложенное обуславливает необходимость глубокого и всестороннего исследования проблемы свидетельского иммунитета, определения его роли в уголовно-процессуальных отношениях, выявления и устранения пробелов в действующем законодательстве.

Анализ научных исследований. Утверждать, что право на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи и близких родственников не было предметом научных исследований, конечно, нельзя. Многие аспекты указанного права и соответствующей процессуальной гарантии в разное время анализировали И. Бентам, Н.Ю. Волосова, В.Н. Галузо, Л.В. Головкин, Г.Ф. Горский, К.Ф. Гуценко, А.Ф. Кони, А.М. Ларин, П.А. Лупинская, З.В. Макарова, И.Л. Петрухин, Н.Н. Полянский, Б.Г. Розовский, И.В. Смолькова, М.С. Строгович, С.А. Шейфер, О.Ю. Якимов и другие ученые. Однако многие

вопросы остались без их внимания или являются дискуссионными. Учитывая это, существует необходимость нового детального анализа указанных положений.

Цель статьи – исследование философского, правового, психологического и морального аспектов права человека на свободу от саморазоблачения.

Изложение основного материала. Правовая норма, закрепленная в ч.1 ст. 51 Конституции Российской Федерации [4], наделяет каждое лицо – субъекта уголовно-процессуальной деятельности свободой от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников, другими словами, предоставляет каждому лицу право пользоваться такой свободой. Свобода от саморазоблачения и свобода от разоблачения членов семьи или близких родственников не случайно находят свое закрепление в одной конституционной норме. Это происходит потому, что и в области уголовного процесса они существуют рядом друг с другом и очень часто друг с другом связаны. Потому и в рамках данной работы они будут рассматриваться одновременно.

Рассматривая право личности на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников, можно также выделить различные аспекты его понимания: философский, нравственный, психологический, правовой и т.п., каждый из которых попытаемся отдельно рассмотреть далее.

Трактовка сущности прав личности как обеспеченной нормами права возможности личности пользоваться каким-либо социальным благом, социальной ценностью, не может и не должна толковаться односторонне, как средство удовлетворения одних только личных интересов того, кто этими правами пользуется. Так, право личности на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников служит защите законных интересов не только лица, которое им пользуется, но и способствует полноте, всесторонности, объективности уголовного судопроизводства, а, следовательно, – защите интересов правосудия в целом.

Правовой аспект изучаемого права выражается в требовании соблюдения законности при его использовании. В первую очередь это правило касается лиц, ведущих уголовный процесс, поскольку именно на них возложена обязанность по соблюдению законности, а также прав и свобод других субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Правовой гарантией справедливости в уголовном судопроизводстве является положение о признании доказательств, полученных с нарушением закона, не имеющими юридической силы. Допрос супруги или близкого родственника обвиняемого (подозреваемого) без разъяснения им права о возможности отказаться от дачи показаний или принуждения указанных лиц отвечать на вопросы относительно совершенного преступления, необходимо расценивать как следственное действие, проведенное с нарушением закона. Соответственно фактические данные, полученные в результате допроса, проведенного с таким нарушением, должны терять доказательное значение. Причем следует отметить, что отсутствие жалобы свидетеля, потерпевшего,

подозреваемого и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности на допущенное во время допроса нарушение их прав (или отсутствие возражений с их стороны против такого нарушения) не исключает незаконности следственного действия.

С точки зрения права как совокупности установленных государством норм поведения, исследуемое право личности является таким, которое не может быть ограничено даже в условиях чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ) [4].

Обеспечение интересов человека требует как можно более широкой защиты его прав. Но сразу следует учесть и интересы общества. Государство может устанавливать законом только такие ограничения прав и свобод человека, которые совместимы с природой этих прав, не посягают на их основное содержание, сущность и преследуют цель содействия общему благосостоянию в обществе. К тому же, чем «важнее» право, тем более основательными должны быть основания для его ограничения. Для права человека на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников такие ограничения недопустимы.

Социальные ценности, лежащие в основе определения прав личности, многообразны. Они предполагают удовлетворение интересов самых разных характеров и направлений. В случае с исследуемым правом личности речь идет, в частности, о такой ценности, как свободное волеизъявление допрашиваемого лица. Это положение составляет психологический аспект права человека на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников.

В свете рассмотрения психологического аспекта права личности на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников нельзя не обратить внимание на применение психологического воздействия на допрашиваемого как элемента следственной тактики с целью получения доказательной информации по делу. Этот вопрос всегда вызывал живой интерес в юридической литературе. Одним из первых мнение о необходимости применения такого влияния выразил А.Р. Ратинов: «... влияние следователя на психику лиц, участвующих в деле, является одним из элементов следственной тактики. Следователь постоянно влияет на людей своими властными предписаниями, воспитательными мерами, процессуальными средствами принуждения. Без этого немислимо решение задач уголовного судопроизводства» [10, С. 163]. Мнение о допустимости применения психологического воздействия в рамках криминального процесса поддерживает также ряд других авторов [3; 8; 9; 13-15]. Обобщенное понятие психологического воздействия привел В.Г. Лукашевич: «психологическое воздействие – это действия (в том числе коммуникативные), осуществляемые с помощью различных методов и комплексов, приемов, направленных на психику человека (его эмоционально-волевою и интеллектуальную сферу) с целью диагностики его психического состояния и изменения поведения» [6].

В литературе высказывались также противоположные мнения по поводу применения психологического воздействия на субъекты уголовно-процессуальной деятельности во время проведения следственных действий. Так, М.С. Строгович выступил категорически против возможности применения такого влияния [12]. Сторонники такого подхода трактуют любое влияние на личность как насилие.

Показания субъектов уголовно-процессуальной деятельности, которые даются при допросе, являются важным источником доказательной информации. Лицо, пользующееся правом на свободу от саморазоблачения, разоблачение членов семьи или близких родственников, в определенной степени ограничивает возможности следователя по установлению объективной истины по делу, чем вызывает у лица, ведущего уголовный процесс, ответную реакцию – желание преодолеть такое противодействие. Следовательно, необходимо отделять психологическое влияние от психологического насилия (принуждения), применение которого недопустимо). Психологическое насилие в юридической литературе определяется как лишение человека возможности самостоятельно решать вопросы, принуждение его что-либо делать вопреки его желанию, под давлением со стороны заинтересованных лиц [1].

В современной юридической литературе получила распространение точка зрения об объективном существовании в уголовном процессе психологического воздействия на его субъекты. При этом актуальным остается только вопрос о пределах такого влияния на субъекты уголовно-процессуальной деятельности. Так, Е.А. Новикова и В.Н. Чаплыгина выделяют следующие критерии оценки психологического воздействия как насильственного или ненасильственного, а, следовательно, его допустимости в уголовном судопроизводстве:

1. Отсутствие в действиях официального лица психологических или психофизиологических акций и побудительных установок, сковывающих свободное волеизъявление собеседника, препятствующих выбору линии поведения по своему усмотрению, исключающих альтернативу в высказываниях и поступках в угоду некоторым умышленно прямо или косвенно навязанным линиям поведения, позиции, отдельным поступкам или высказываниям, принуждающих личность к совершению нежелательных для нее поступков.

2. Отсутствие деструктивных целей психологического воздействия и негативных для жизнедеятельности человека последствий их реализации (негативные последствия для психического и физического здоровья, социального статуса и/или финансово-имущественного положения).

3. Соответствие психологического приема, метода, технологий принципам уголовного процесса, нормам морали, нравственности и профессиональной этики воздействующего лица, что исключает ограничение или лишение свободы волеизъявления лиц, подвергшихся воздействию [7, С. 23-24].

Право личности на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников во время производства по уголовному делу служит также решению такой проблемы, как дача заведомо ложных показаний.

Мотивы, побуждающие допрашиваемое лицо на такой шаг, всегда были объектом научных исследований. Наиболее распространенными из них называются:

1) личная заинтересованность (страх перед ответственностью, опасения разглашения интимных связей, дискредитации себя или своих близких родственников);

2) характер взаимоотношений допрашиваемого лица с обвиняемым (семейные отношения);

3) влияние со стороны заинтересованных лиц, которые могут подталкивать допрашиваемое лицо к даче ложных показаний путем угроз, подговоров и т.п.;

4) психическое состояние, которое переживается допрашиваемым лицом в связи со следственным действием (опасение мести со стороны обвиняемого или его родственников, желание оказать поддержку и т.п.) [2, С. 182-183].

Обсуждая все обстоятельства «за» и «против», допрашиваемое лицо мысленно предвидит процесс допроса и его результаты, то есть осуществляет напряженную умственную работу, сопровождаемую эмоциональными переживаниями. Таким образом, в сознании допрашиваемого сталкиваются несовместимые мотивы.

Право личности, исследуемое в рамках данной работы, имеет свою давнюю историю. Подтверждение его существования можно найти еще в древних памятниках права. В отечественном же законодательстве это право не имело широкого закрепления до 1993 г. (времени принятия Конституции РФ), что порождало на практике большую моральную проблему. Родственники подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, которые привлекались к участию в деле как свидетели, представляли перед сложным моральным выбором: либо отказаться от дачи разоблачающих их родственников показаний и нести за это уголовную ответственность, либо дать такие показания, противоречащие моральным нормам взаимоотношений между близкими родственниками.

В этой связи интересно также исследование С.С. Кузьминой, которое проводилось во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности под руководством А.Р. Ратинова. Опрашиваемым предлагалось ответить на ряд вопросов, касающихся показаний против близких родственников. В результате опроса были получены следующие данные: 25 % опрошенных считают, что разоблачить своего родственника – значит поступить безнравственно, 5 % выбрали путь дачи ложных оправдательных показаний, 4 % предпочли отрицать свою осведомленность об обстоятельствах преступления, 17 % признали оптимальным для себя путь уклонения от дачи показаний, неяски на допрос – 4,5 % и путь отказа от показаний выбрали 12,5 %. Остальные 32 % не определились со своим выбором [5, С. 60-61]. Это исследование ценно именно потому, что оно проводилось еще во времена существования СССР, до закрепления в законодательстве права на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников. Оно

наглядно убеждает, что в критической ситуации родственники подозреваемого, обвиняемого или подсудимого пытаются помочь ему.

Обязанность свидетельствовать против всех без исключения, существовавшая до принятия действующей Конституции РФ, подрывала доверие между близкими людьми, была причиной причинения моральных страданий как тех, кто давал показания против своих близких, так и тех, против кого эти показания давались. Практике известны случаи, когда в связи с тем, что свидетельница была вынуждена давать показания, изблещавшие её родственников в совершении преступления, распадалась семья [1, С. 93].

Одной из основных составляющих права человека на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников является свобода выбора как возможность сделать выбор, поскольку освобождение от предусмотренного законом обязанности давать показания должно носить и носит добровольный характер. Да, большинство этических теорий рассматривает мораль в тесной взаимосвязи со свободой выбора. Нравственный выбор можно определить как «акт моральной деятельности, выражающийся в сознательном предпочтении определенной линии поведения или конкретному поступку» [11, С. 47].

Закрепленное в Конституции Российской Федерации правило о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом, а также соответствующие нормы уголовно-процессуального законодательства обеспечивают достоинство личности. Именно такие моральные категории, как честь и достоинство, могут быть нарушены, когда лицо вовлекается в сферу уголовно-процессуальной деятельности. Категории «честь» и «достоинство» находятся в тесной взаимосвязи. Часто они употребляются вместе в словосочетании «честь и достоинство». Однако эти два понятия не тождественны. Подобно «достоинству», понятие «честь» раскрывает отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества. При этом если представление о достоинстве личности исходит из принципа равенства всех людей в нравственном отношении (достоинство – осознание человеком своего общественного веса, общественного долга, самоуважение), то понятие «честь» наоборот, дифференцированно оценивает людей, что находит отражение в их репутации (честь – совокупность высших нравственных принципов, которыми человек руководствуется в своем общественном и личном поведении) [11].

Свобода личности от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников – это выраженная и гарантированная Конституцией РФ возможность каждого субъекта уголовно-процессуальной деятельности пользоваться свободой выбора относительно того, предоставлять информацию в соответствии с собой, членами семьи или близких родственников лицам и органам, ведущим уголовный процесс, или не предоставлять. Право же на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких

родственников по своей сути является возможностью пользоваться такой свободой.

Философский аспект изучаемого права личности состоит в том, что это право рассматривается как социальная ценность, которая служит удовлетворению законных интересов личности – члена правового государства, а следовательно, это право является ценностью общегосударственной, поскольку само лицо и его интересы являются самой высокой ценностью в современном правовом обществе.

Определяя правовой аспект права человека на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников, можно сказать, что, во-первых, это право является отдельной, самостоятельной категорией в сфере судопроизводства, нарушение которой ведет к недопустимости использования фактических данных в качестве доказательств; во-вторых, исследуемое право является фактором, способствующим решению некоторых имеющихся проблем, существующих в сфере права, а именно проблемы ложных показаний.

Психологический аспект права личности на свободу от саморазоблачения, разоблачения членов семьи или близких родственников составляет свободное волеизъявление субъекта уголовно-процессуальной деятельности по разоблачению себя, членов семьи или своих близких, что обеспечивается именно существованием у этого субъекта указанного права.

Моральный аспект исследуемого права личности заключается в содействии указанного права охране таких моральных категорий, как честь и достоинство, предотвращении нравственных страданий, связанных со свидетельством против своих близких, а также сохранении семейных, родственных отношений.

Выводы. Подводя итог, отметим, что лицо, пользующееся правом на свободу от саморазоблачения, разоблачение членов семьи или близких родственников, делает анализ приоритетов, наиболее значимых ценностей, взаимоотношений, что является очень сложной по своей психологической нагрузке деятельностью. В процессе этой деятельности на окончательный выбор личности-пользователя этим правом влияет очень широкий спектр факторов: интересы семьи (желание сохранить семью, хорошие семейные отношения), общественное мнение (опасения того, что в результате допроса станут известны обстоятельства, составляющие семейную тайну, которая в свою очередь может отразиться на репутации и достоинстве личности в глазах общества).

Список литературы

1. Горский, Г.Ф. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1973. – 271 с.
2. Доспулов, Г.Г. Психология показаний свидетелей и потерпевших / Г.Г. Доспулов, Ш.М. Мажитов. – Алма-Ата : Наука, 1975. – 191 с.

3. Жирикова, Э.И. Понятие и развитие прав человека / Э.И. Жирикова // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2019. – № 4 (61). – С. 25-28.
4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – (дата обращения: 01.06.2024).
5. Кузьмина, С.С. Лжесвидетельство (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты): ДисС. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. / С.С. Кузьмина. – СПб., 1991. – 193 с.
6. Лукашевич, В.Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий: учебное пособие / В.Г. Лукашевич. – К.: НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1989. – 86 с.
7. Новикова, Е.А. Условия психологического воздействия в сфере уголовно-процессуальных отношений: общие черты и особенности / Е.А. Новикова, В.Н. Чаплыгина // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 3. – С. 19-25.
8. Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности / И.Л. Петрухин ; отв. ред. И.Б. Михайловская. – М.: Наука, 1985. – 238 с.
9. Почепко, К.И. Конституционное право человека на самозащиту в условиях развития гражданского общества в России / К.И. Почепко // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 2. – С. 33-40.
10. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей : учебное пособие / А.Р. Ратинов. – М.: Высшая школа МООП СССР, 1967. – 290 с.
11. Словарь по этике. – 6-е изд. / под ред. И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
12. Строгович, М.С. Признание обвиняемым своей вины как судебное доказательство / М.С. Строгович // Суд и применение закона. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 16-26.
13. Тимошенко, К.И. Актуальные проблемы реализации конституционного права человека на самозащиту // К.И. Тимошенко // Философия права. – 2020. – № 2. – С. 59-62.
14. Уздимаева, Н.И. История правовой самозащиты в России / Н.И. Уздимаева // Социально-политические науки. – 2021. – № 1. – С. 50-53.
15. Шевцов, К.П. Структура сетевого я: самораскрытие и саморазоблачение / К.П. Шевцов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – № 1. – С. 11-19.

